

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

№ 2 (21)

Апрель - Июнь 2009

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА.

Издается Тюменским государственным нефтегазовым университетом с 2002 г.

Учредитель журнала:
Федеральное агентство по образованию РФ

Соучредители журнала:
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Институт социально-политических исследований РАН,
Институт социологии РАН,
Российский университет дружбы народов,
Сургутский государственный педагогический университет

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор:
Н.Н.Карнаухов

Редакционная коллегия:
К.Г. Барбакова, О.М. Барбаков, М.Л. Белоножко, В.Е. Генин, З.Т. Голенкова,
Н.В.Коноплина, В.К. Левашов, Н.П. Нарбут, В.В. Пленкина,
Н.Г. Хайруллина (зам. главного редактора)

Оператор электронной верстки: Х.Н. Садыкова
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
Тел./факс: (3452) 20-20-46
E-mail: nur@tgngu.tyumen.ru

ISSN 1993-1824

© ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
Социология. Экономика. Политика, 2009

MINISTRY OF RESEARCH AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL AGENCY OF EDUCATION

№ 2 (21)

April - June 2009

NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS.

(PEER-REVIEWED JOURNAL)

Published by Tyumen State Oil and Gas University, Since 2002

Founder:

Federal Agency of Education

Co-Founders:

*Tyumen State Oil and Gas University,
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia,
Surgut State Pedagogical University*

*Accredited by «Cabell», the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief:

N.N. Karnaukhov

Editorial Board:

Klara G. Barbakova, Oleg M. Barbakov, Marina L. Belonozhko, Vlad E. Genin,
Zinaida T. Golenkova, Nadezhda V. Konoplina, Viktor K. Levashov, Nikolai P. Narbut,
Vera V. Plenkina, Nursafa G. Khairullina (Deputy Editor-in-Chief)

Computer Design: H.N. Sadykova

Address: 625000, Russia, Tyumen, Volodarskogo St., 38

Telephone/Fax: +7 (3452) 20-20-46

E-mail: nur@tgngu.tyumen.ru

ISSN 1993-1824

© NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS
SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Анисов Ю.Б. Методологический подход к совершенствованию социального раздела региональных программ развития	7
Омелаенко Н.В. Современные исследования категории этничности	8

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Курушина Е.В. Управление человеческим потенциалом на основе мотивационных факторов	11
Неустроев Д.В. Индикативное планирование развития региона: предпосылки и методические основы	13
Ревакина О.В. Становление и развитие малого предпринимательства в современной России, как основы формирования среднего класса	17
Ростовцев С.А., Зерчанинова Т.Е. Опыт социального проектирования организации	18
Рубцова М.В. Проблема обеспечения управляемости: от рационализации до коммуникативности	21

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Криницкий А.Я. Эффективность государственной молодежной политики: проблема выбора и измеряемости показателей	24
Корепанов Г.С. Инновации в современном российском обществе: региональный аспект	28
Савинов Л.В. Особенности и проблемы этнополитических процессов в Сибирском Федеральном округе	31
Ткачева Н.А. Отношение представителей власти и бизнеса к проблемам мигрантов в малых северных городах региона (по результатам социологического исследования)	33
Федоров И.В. Промышленная политика: (проблемы выравнивания промышленного потенциала регионов Российской Федерации)	36
Федорова О.Б., Чижевская Е.Л. Формирование программ регионального развития: организационный аспект	38

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Анисова Н.А., Несват А.В. Совокупный спрос как фактор устойчивого развития территорий (на примере ГО «Якутск»)	41
Карнаухов М.Н. Технология управления корпоративным бизнес - портфелем нефтегазовых структур	44
Плотицын А.Н. Особенности классификации рисков инвестиционных проектов в нефтедобыче	47
Руденок О.В. Вопросы оценки конкурентоспособности продукции строительных организаций	49

Симонова М.В.	52
Новые подходы к девелопменту: развитие формата mixed-use в России	

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Аймаутова Н.Е.	55
Проблема взаимодействия академической и прикладной социологии в контексте получения и реализации заказа на работу социолога	
Железняков А.С.	58
Кочевая цивилизация: тупик или перспективы развития	
Коротов Б.Е.	61
Влияние социально-демографических факторов на формирование современных предпочтений в искусстве	
Кошетарова Л.Н.	63
Смыслы рекламы	
Лазутина Т.В.	65
Социология музыки: язык музыки в свете социокультурного подхода	
Михеева Н.Н.	67
Благотворительность в реализации социальной справедливости в регионе	
Пузанова Ж.В.	70
Измерение одиночества в эмпирическом социологическом исследовании	
Таланов С.Л.	74
Влияние микросреды на личность несовершеннолетнего делинквента	
Шарипова Э.М.	75
Истоки возникновения религиозного фанатизма в современной России	
Щербакова Е.Л.	78
Становление волевой деятельности и потребностно-мотивационной сферы в процессе принятия решений	

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Сергеева Н.Н., Абышева Н.Ю.	80
Применение регионального компонента на уроках иностранного языка	
Засыпкин В.П.	84
Власть - наука - образование: взаимодействие или противодействие?	
Кононова Ю.П.	85
Трансформации культурной универсалии "образование" в информационной цивилизации	
Черемисина Е.В.	87
Социальное взаимодействие вузов – фактор повышения качества образования	
Шапаров А.Е.	90
Образование и вертикальная социальная мобильность	

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Л. Козлова	94
Материалы для «Синонимико-антонимического словаря старожильческого сибирского говора»	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	96
АННОТАЦИИ	99

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND RESEARCH METHODOLOGY OF SOCIAL PROCESSES

Anisov, Iu.B. The methodological approach to perfection of social section of regional programs of development	7
Omelaenko, N.V. Modern Researches of The Ethnical Category	8

MANAGERIAL PROCESSES

Kurushena, E.V. Human Potential Management Based on Motivational Factors	11
Neustroyev, D.V. Inductive Planning of the Region Development: preconditions and Methodical Bases	13
Revyakina, Q.V. Formation and Development of Small Business in Modern Russia as Bases For Middle Class Formation	17
Rostovzev, S.A., Zerchaninova, T.E. The experience of the social projection organization	18
Rubzova, M.V. Problem of ensuring of manageability: from rationalization to communicativeness	21

POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

Krinizkey, A.Ia. Efficiency of the state youth policy: problem of choice and measuring indicators	24
Korepanov, G.S. Innovations of Modern Russian Society: Regional aspect.	28
L.V. Savinov Peculiarities and problems of ethnopolitical processes in the siberian federal district	31
Tkachyova, N.A. The Attitude of the representatives of the authority and business to the problems of migrants in small northern towns of the district (according to the results of sociological researchers)	33
Fyodorov, I.V. Industrial Policy: about questions of leveling of industrial regional potential of Russian Federation	36
Fyodorova, O.B., Chizhevskaya E.L. Formation of regional development programs: organizational aspect	38

ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

Anisova, N.A., Nesvat, A.V. Stimulation aggregate demand as factor sustainable development territories (by example «Yakutsk» city urban district)	41
Karnauhov, M.N. The technology of management of corporate business portfolio oil and gas structures	44
Protizen, A.N. Features of Classification of investment projects Risks In Oil Extracting	47
Rudenok, O.V. Problems of valuation of the competitive ability of the production of the construction organizations	49

Simonova, M.V.	52
New approach to development: mixed-use format in Russia	

CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

Aimautova, N.E.	55
The Academic and the Applied Sociology: Problems of Interference within the 'sociologist – client' interaction	
Zheleznyakov, A.S.	58
Nomad Civilization: blind alley or perspectives of progress?	
Korotov, B.E.	61
The Influence of social-demographical factors to the forming of modern preferences in the art	
Koshetarova, L.N.	63
Meanings of advertising	
Lazutina, T.V.	65
Sociology of music: language of music in light social-cultural of the approach	
Miheeva, N.N.	67
Charity in social realization of equity in the region	
Puzanova, Zh. V.	70
Empirical sociological studies on measurements of loneliness	
Talanov, S.L.	74
The influence of the microclimate to the personality of an under age criminal	
Sharipova, E.M.	75
Sources of religious fanaticism in the modern Russia	
Sherbakova, E.L.	78
The formation of will and need motivations sphere in the process of taking decisions	

DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION: MODERN ISSUES AND PROSPECTS

Sergeeva, N.N., Abesheva, N.Yu.	80
To the problems of using regional components at the lessons of foreign languages	
Zasepkin, V.P.	84
Power - Science - Education: Cooperation or Resistance?	
Kononova, Yu.P.	85
Education transforms in the information and communication civilization	
Cheremisina, E.V.	87
Social Interaction of Institutes of Higher Education as a Factor of Improving Quality of Education	
Shaparov, A.E.	90
Education and vertical social mobility	

RESEARCH LIFE

Kozlova, V.L.	94
The materials for the synonymic-antonymic dictionary of the Siberian old-resident dialect	
THE AUTHORS	98
ABSTRACTS	99

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ю. Б. Анисов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО РАЗДЕЛА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ

Социальное обеспечение, реформа, льготы, система социальной поддержки населения, группировка льготников.

В настоящий момент большинство регионов разрабатывают программы развития, включающие экономические и социальные разделы с перечнем мероприятий. Как правило, в социальном разделе отражается анализ бюджетной сферы, в том числе работа со льготниками и необходимое финансирование.

При этом после проведения I этапа реформы по монетизации (перевод льгот в денежную форму) в экономической литературе не предлагается дальнейших шагов, отсутствует анализ результатов.

Один из главных результатов, на наш взгляд, необходимость упрощения базы (критериев) назначения льгот.

Основным недостатком действующей системы социальной поддержки населения является ее сложность: многочисленность льготников и большое разнообразие критериев, от которых зависит отнесение граждан к той или иной категории.

В настоящее время перечень категорий стал значительным, что привело к росту числа льготников. Система социальной поддержки населения становится настолько сложной, цели и критерии выделения отдельных категорий настолько разнообразны (и порой даже непонятны), что необходимо дальнейшее ее совершенствование. Детально проанализируем существующую систему социальной поддержки и сформулируем ее недостатки.

Основным недостатком существующей системы предоставления льгот населению является охват большей части населения. К излишним, например, можно отнести так называемых профессиональных льготников (судьи, военнослужащие, государственные служащие, работники милиции, прокуратуры и других профессий), льготы которых носят, в основном, компенсационный характер и могут быть заменены повышением уровня заработной платы. Включение средств по льготе в оплату труда предоставляет больше возможности для индивидуального учета количества и качества труда (не только принадлежности к профессии). Кроме того, если расширять предоставление льгот гражданам по критерию профессиональной принадлежности, то, в конечном итоге, все государственные служащие будут получать те или иные льготы вместо соответствующей заработной платы.

Для разработки предложений по совершенствованию системы социальной поддержки населения, ее упрощения, использован метод факторного анализа, когда льготники, в зависимости от основного критерия отнесения граждан к той или иной категории, разбиты на крупные группы. Исследование показало, что целесообразно выделить четыре группы (табл.).

Первая группа - льготы предоставляются за заслуги перед Отечеством, выполнение особо важных заданий (Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры орденов Славы, Герои Социалистического труда, полные кавалеры ордена Трудовой Славы, участники и инвалиды ВОВ и других боевых действий, лица, работавшие в период ВОВ на объектах противовоздушной обороны, на строительстве оборонительных сооружений, баз, аэродромов и других объектов, связанных с военными действиями, военнослужащие, проходившие военную службу в воинских частях, военно-учебных заведениях, учреждениях, не входящих в состав действующей армии, с 22 июня 1941 года по 3 сентября 1945 года не менее шести месяцев, а также награжденные орденами и медалями в указанный период и др.).

Вторая группа - категории граждан, предоставление льгот которым носит компенсационный характер. Через льготы этим категориям граждан производится компенсация по какой-либо причине потери здоровья, нанесения морального и материального ущерба. К этой группе можно отнести лиц, награжденных знаком «Жителю блокадного Ленинграда»; членов семей погибших (умерших) участников, инвалидов ВОВ и других военных действий; граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, а также вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском аэродроме и других местах; лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий и реабилитированных позже; узников фашистских лагерей; жителей, пострадавших от стихийных бедствий и других аварий.

Третья группа - граждане, предоставление льгот которым носит поощрительный или стимулирующий характер, к таким льготникам относятся: ветераны труда, в том числе военные и государственные служащие, доноры, льготники по профессиональным признакам и квалификации (судьи, работники прокуратуры, милиции и т.д.).

Четвертая группа - социальная поддержка малообеспеченного населения: инвалиды, пенсионеры, многодетные семьи и другие граждане, уровень доходов у которых ниже прожиточного минимума. Следует отметить, что в четвертую группу могут попасть льготники первых трех групп, поэтому появляются люди, имеющие право на льготы по нескольким основаниям. Действующее в настоящее время право получения льгот только по одному основанию, на наш взгляд, является неверным. Следует предоставлять человеку льготу по выбору, то есть максимальную льготу по каждому виду льгот и по каждому основанию. Трудность в расчете суммы субсидий по четвертой группе заключается в невозможности точно установить общий доход семьи по следующим причинам:

- получение рядом работников неучитываемого официально дохода (например, часть заработной платы выдается в конвертах);
- в рыночных условиях широкое развитие получают личные хозяйства (дачи, содержание домашней птицы, свиней, коров и т.д.), доходы от которого или не учитываются, или сильно занижаются, так как трудно учесть, какая часть продукции идет на личное потребление, а какая - на продажу.

Предлагаемая группировка льготников позволяет повысить объективность и провести стандартизацию условий предоставления льгот, упрощает систему социальной защиты населения, значительно сократив численность чиновников, занятых в этой сфере.

По первой группе условия, размер льгот и формы их предоставления являются едиными и одинаковыми по размеру. Единственным изменением, которое предлагается внести по этой группе - предоставление льготы по одному из мест проживания (по прописке или проживанию). Это связано с тем, что некоторые представители льготников могут иметь несколько мест проживания, в том числе и за рубежом, и использовав часть принадлежащей им площади в коммерческих целях. Предоставление льгот по жилью и коммунальным услугам в этом случае необходимо исключить. Кроме того, в будущем для упрощения системы социальной поддержки населения предлагается заменить все виды льгот для этой категории на выплату единой ежемесячной суммы с ежегодной корректировкой на коэффициент

инфляции по данным предыдущего года.

Таблица

Группировка льготников по критерию предоставляемых льгот

За заслуги перед Отечеством	Компенсационные (потеря здоровья и имущества ввиду стихийных бедствий, аварий, военных действий, криминала)	Поощрительные и стимулирующие (за труд и другие виды услуг)	Поощрительные и стимулирующие (за труд и другие виды услуг)
1. Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры орденов Славы. 2. Герои Социалистического труда, полные кавалеры ордена Трудовой Славы. 3. Участники ВОВ и других боевых действий. 4. Инвалиды ВОВ. 5. Лица, работавшие в период ВОВ на объектах противовоздушной обороны, на строительстве оборонительных сооружений, баз, аэродромов и других объектов, связанных с военными действиями. 6. Военнослужащие, проходившие военную службу в воинских частях, военно-учебных заведениях, учреждениях, не входящих в состав действующей армии, в период с 22 июня 1941 г. по 3 сентября 1945 г. не менее шести месяцев, а также награжденные орденами и медалями в указанный период.	1. Лица, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда». 2. Члены семей погибших (умерших) участников, инвалидов ВОВ и др. военных действий. 3. Граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, а также вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском аэродроме и других местах. 4. Лица, признанные пострадавшими от политических репрессий и реабилитированных позже. 5. Узники фашистских лагерей.	1. Ветераны труда, в том числе военные и государственные служащие. 2. Льготники по профессиональным признакам и квалификации (отменено). 3. Лица, награжденные знаком «Почетный донор России» и «Почетный донор СССР».	1. Инвалиды. 2. Пенсионеры. 3. Многодетные семьи. 4. Другие граждане, уровень доходов которых ниже прожиточного минимума. 5. Семьи, имеющие детей-инвалидов.

Предлагается перевод средств в оплату труда для большей части льготников второй группы, льготы которых носят постоянный характер материального поощрения за достижения в работе или за выполнение государственных поручений (например, ветераны труда). Этой группе льготников предлагается устанавливать размер пенсии при назначении выше на определенный процент. Как показывают расчеты, исходя из соотношения суммы льгот и пенсии, размер увеличения может составлять до 10% к базовой величине. Единственным методологически сложным моментом при переводе льгот в денежную добавку к пенсии являются льготы по медицинскому обслуживанию и транспортному обеспечению. Здесь возможно восстановить систему бесплатного медицинского обслуживания, учитывая сложившийся уровень жизни основной части льготников. Что касается транспортного обслуживания, то льготу стоит оставить пенсионерам. При этом не следует готовить дополнительных документов, а применять льготу на основе удостоверений.

Н. В. Омелаенко

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ЭТНИЧНОСТИ

Этничность, основные теории этничности, феномен этничности.

Большинство исследователей признают, что этничность (этническая принадлежность) продолжает оставаться в современном обществе, несмотря на процессы глобализации и культурной унификации.

В настоящее время, в связи с тем, что происходят процессы этнического возрождения, интерес к явлению этничности возрастает. Ученые называют различные причины этнического возрождения. В ряде случаев - это стремление устранить исторические, социальные и политические несправедливости, накопившиеся за долгие годы существования колониальных империй неоколониалистической политики в отношении многих народов, дискриминации иммигрантских, расовых и этнорелигиозных групп населения. Другая причина может заключаться в реакции этнокультурных общностей на некоторые объективные процессы, связанные с научно - техническим прогрессом, урбанизацией, распространением нивелирующих тенденций, массовой культуры и быта [1, Стр. 7].

Многие ученые связывают возрождение этнического самосознания, движения за этничность с интеграционными процессами, а также со стремлением этнических сообществ сохранить свою духовную культуру.

Понятие этничности используется в науке сравнительно недавно. Впервые этот термин появился в Оксфордском словаре английского языка в 1972 г. В научный оборот оно было введено американцами Л. Уорнером и П. Лунту, которые использовали его в работе «Статусная система современной общины» (1942).

Первые попытки изучения этничности с помощью психокультурного анализа были предприняты зарубежными исследователями в США в 1940 г. Однако изучение различных форм этнической идентичности стало особенно популярным под влиянием работ Э. Эриксона, который использовал ряд положений З. Фрейда и А. Фрейд, изучая развитие идентичности человека.

В середине 1970 -х годов в США преобладала ассимиляционистская концепция, которая впоследствии получила название «плавленного тигля» и стала считаться основной объяснительной теорией этнических процессов.

Среди зарубежных исследователей, изучающих этничность и этническую идентичность, ученые, - Х. Вагатаун, Дж. Де - Вос, Н. Глейзер и Д. Мойнихэн, Дж. Горер, Дж. Деверо, М. Мид, Романуси -Росс, Т. Шварц и другие.

В западной этнопсихологии существуют два подхода описания этнических процессов: социологизированный и биологизированный. Этническая психология рассматривается как взаимодействие антропологических, этнологических и психологических теорий. При этом выделяют несколько направлений: психоаналитическое, опирающееся на психоанализ и неофрейдизм. Представители данного направления - американские этнологи Р. Бенедикт и М. Мид.

Американский исследователь Г. Деверо в работе «Этнопсихоанализ» (1972) анализировал этничность с точки зрения антропологического и психологического подхода [2, Стр. 149 - 151].

Наиболее интересным является исследование «Роль этничности в социальной истории», проведенное Дж. Де - Вос. Ученый описывает этничность с точки зрения культурно - психологического подхода на четырех уровнях: социальной структуры, как модель социального взаимодействия, как субъективное переживание идентичности и как выражение относительно устойчивых моделей поведения и эмоциональных стилей.

Дж. Де - Вос выделяет ряд факторов, определяющих этничность: территориальный, экономический, религиозный и лингвистический.

По мнению Дж. Де - Воса, этничность является субъективным ощущением постоянной принадлежности. «Этническая идентичность группы людей выражается в субъективном символическом (знаковом) использовании какого - либо аспекта культуры, чтобы отличить себя от других групп. Эти знаки могут быть навязаны извне или извлечены изнутри. Этнические признаки (язык, одежду или пищу) можно считать своеобразными элементами, демонстрирующими другим, кем является человек, к какой группе он принадлежит» [2, Стр. 242].

Дж. Де - Вос утверждает, что этничность является субъективным чувством принадлежности и не может быть установлена лишь по поведенческим показателям. Она определяется по тому, как человек чувствует самого себя, а не по его поведению, которое мы наблюдаем.

Дж. Де -Вос рассматривает этничность в узком и глубоком смысле. В его интерпретации «этничность, в самом узком смысле, - это чувство неразрывности с прошлым, чувство, которое сохраняется как существенная часть самоопределения человека. Этничность тесно связана с потребностью индивида в коллективной целостности. Человек в некоторой степени ощущает угрозу своему собственному выживанию, если его группе или линджу угрожает вымирание. Поэтому этничность включает осознание личного выживания в рамках исторической непрерывности существования групп. На самом глубоком психологическом уровне этничность имеет смысл выживания» [2, Стр. 244].

Дж. Де - Вос представляет концептуальную схему социальной принадлежности в абстрактной форме для объяснения социальных движений, основанных на принадлежности к определенной группе. В отличие от видов социальной идентичности, которая ориентирована на настоящее или будущее этничность ориентирована «на особое наследие прошлого».

«Этничность - это, прежде всего, чувство принадлежности к определенному роду, чувство общности происхождения, религии или языка. Это первичное чувство может быть связанным с политическими или географическими объединениями, а также вовлекать или не вовлекать человека в конфликт с обществом» [2, Стр. 247].

Оценивая работу автора, целесообразно отметить, что исследование этничности Дж. Де - Восом с точки зрения культурно - психологического подхода, является более продуктивным для понимания социального поведения этнических групп.

Интерес к феномену этничности в отечественной науке произошел на рубеже 1960 - 1970 - х гг. В советский период на развитие этой тематики повлияла господствующая идеология. В 1970- 1980 - х гг. этничность трактовали в культурно - идентификационной плоскости, изучались аспекты этничности (национально - смешанные браки, двуязычие и так далее). Основное внимание было сконцентрировано на интернационализации всех этнокультурных процессов и явлений.

Только в середине 80 - х гг. анализируется воздействие этничности на социальные процессы, на стабильность и динамику социальных систем и институтов, конфликтность.

В отечественной науке этничность по - разному интерпретируется обществоведами. Л. М. Дробижева в своей работе «Завоевание демократии» (2005) отмечает, что сама категория «этничность» стала интерпретироваться как изменяющееся, ситуативное явление, имеющее свою историю (возможность деконструкции), и используется в разных контекстах (этническая идентичность, этноцентризм и так далее), соотносимое с гражданской идентичностью [3].

Существует несколько подходов изучения этничности. В рамках конфликтной теории выделяют неомарксистское и модернистское направления, которые берут начало в трудах К. Маркса о разделении труда и власти и М. Вебера. Особенностью неомарксистского подхода является то, что его концепции подчеркивают обусловленность характера и динамики этнических отношений совокупностью экономических факторов, а этнические конфликты являются выражением классового конфликта. Представителями данного подхода являются О. Кокс, М. Райх, Дж. Соломос.

Сторонники модернистского подхода считают, что процесс модернизации общества изменяет природу этнических идентичностей. Функциональный подход акцентирует внимание на иерархическом строении, структуре и функциональных связях. Особенность данного подхода в том, что объект рассматривается как связанное и интегрированное целое, взаимодействия внутри которого устойчивы. Подобное рассмотрение этничности получило название примордиализма.

Представители примордиального подхода рассматривают этничность как объективную данность, изначальную характеристику человечества. До того как индивид становится членом общества или нации, он уже обладает чувством общего происхождения, культурной

или физической схожести со своей этнической группой.

В.А. Тишков отмечает, что примордиалистский взгляд на этничность представляется наиболее корректным и легче всего понимается обыденным сознанием [7, Стр.5].

Представляется наиболее эвристичным социокультурный вариант примордиализма, когда под этничностью понимается разделяемая членами группы культурная общность с характеристиками принадлежности (территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение, психический склад).

Недостатком примордиалистского подхода является подход к этничности как к изначальной характеристике, которая дана индивиду при рождении и не подвержена изменениям.

Особенностями теорий символического интеракционизма является реализация принципа методологического индивидуализма в анализе. Акцент делается на изучение социального процесса, а не социальной структуры, внимание к коммуникации, которая преобразует групповой опыт в субъективный мир значений и ценностей. Теоретический подход данного направления применялся для исследования этнорасовых проблем в 1920 - 30 -е годы представителями Чикагской школы Р. Парк, Л. Вирт и др. Символический интеракционизм связан с анализом поведенческих реакций, понимаемых как результат осознания группой собственных позиций по отношению к позициям других. По мнению Н. Г. Сковцова, «символический интеракционизм вскрывает скрытый дуализм, присущий отношениям этнических групп: он может точно сформулировать обстоятельства, при которых подчиненные группы будут в большей степени пытаться доказать собственную уникальность, усиливая внутреннюю солидаризацию, либо же настаивать на взаимном подобии с прочими общностями в целях повышения их общего престижа и влияния» [7, Стр. 28].

Теория рационального выбора позволяет ответить на вопросы, касающиеся природы национальной и классовой дискриминации, роли этнического фактора в рыночных отношениях и так далее

В 70-е годы появляется новый инструменталистский подход изучения природы этничности, который связан с ростом национальных движений в мире. Его также связывают с этническими конфликтами из-за ресурсов. Наиболее известные представители данного подхода: М. Глакмен, Ф. Барт, А. Коэн, Дж. Комарофф и отечественный исследователь - В. А. Тишков.

Данных исследователей объединяет понимание этничности как ментального конструкта, который создает индивид из-за воздействия на него культуры. Впоследствии этот ментальный конструкт используется в качестве инструмента для решения политических и экономических задач.

По мнению В. А. Тишкова, «этничность, как бы пребывая в спящем состоянии, «вызывается» к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии и для достижения гедонистических устремлений» [7, Стр.6].

Ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, то есть мобилизация членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические цели, а не выражают культурную идеологию группы или «волю народа».

В. А. Тишков считает, что этническая принадлежность - крайне размытый и трудно воспринимаемый образ.

Г. У. Солдатова поддерживает инструменталистскую концепцию этничности, но ей ближе «особое направление инструменталистской ориентации, которое смыкается с социально - психологическими теориями, где этничность трактуется как эффективное средство для преодоления отчуждения, восстановления попорченной национальной гордости, как социальная терапия» [8, Стр. 43].

Утверждения конструктивистов о ситуативности этничности вызывают некоторые сомнения. Поскольку, этничность - это субъективное чувство постоянной принадлежности к определенной этнической группе, которое сопровождает человека на протяжении всей его жизни, исключением являются маргиналы, которые не относят себя к определенной этнической группе. При этом факторы, определяющие этничность (территориальный, экономический, религиозный и культурный), не играют, в данном случае большой роли.

Недостатками инструменталистского подхода является узкое понимание этнических интересов. Ситуационисты не в состоянии объяснить, почему люди часто стремятся сохранить свою этничность, даже в тех случаях, когда ее сохранение не дает никакого выигрыша. [9, Стр.49]

Существуют и другие подходы изучения этничности. Н. Г. Сковцов выделяет две социологические концепции. Первая основана на представлениях о независимой от субъекта объективной природе реальности и настаивает на приоритетном исследовании социальных структур и институтов. Вторая основана на принципе методологического индивидуализма и рассматривает субъект как исходную точку социологического познания, уделяя основное внимание раскрытию социального действия. Среди наиболее весомых доктрин, которые представляют эти две противоположные ориентации: неомарксизм и теории ресурсной конкуренции в качестве концепций объективной социологии, а также символический интеракционизм и теории рационального выбора в качестве субъективной социологии [6, Стр. 23].

Этничность играет существенную роль в жизни общества. Явление этничности всегда будет вызывать научный интерес социологов, философов, историков, правоведов, способных создать синтетическую концепцию, обеспечивающую развитие и социальное благополучие жизнедеятельности различных этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарипов А. Я., Файзуллин Ф.С. Этническое сознание и этническое самосознание. - Уфа: Гилем, 2000. - 174 с.
2. Личность культура этноса: современная психологическая антропология / под общей ред. А. А. Белика. - М.: Смысл, 2001. - 555 с.
3. Дробижеева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (Что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. - 2005. - № 2. - С. 16 - 28.
4. Габдрахманова Г. Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования. - 2007. № 1. - С. 116 - 122.
5. Винер Б. Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2005. - т. VIII. № 2(31). - С. 142 - 164.
6. Сковцов Н. Г. Этничность: социологическая перспектива // Социологические исследования. - 1999. - № 1. - С. 21 - 31.
7. Тишков В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. - 1997. - №3. - С. 3 - 21.
8. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. - М.: Смысл, 1998. - 389 с.
9. Хайруллина Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. - Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2000. - 466 с.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ НА ОСНОВЕ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ

Е. В. Курушина

Мотивация, факторы мотивации, человеческий потенциал, уровень жизни, трудовые ресурсы.

Обострение глобальной конкуренции, в том числе в сфере систем национального управления, усиливает необходимость поиска наиболее эффективных путей развития. Проект концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации [1] базируется на переходе к инновационному социально ориентированному типу, который обеспечит достижение параметров, соответствующих уровню ведущей мировой державы. Реализация перехода российской экономики на новый тип развития предполагает, в первую очередь, развитие человеческого потенциала.

Человеческий потенциал как фактор производства отражает меру способности и возможности трудового ресурса решать важнейшие задачи развития экономики. Эта способность определяется качественными и количественными характеристиками фактора. Количественные характеристики человеческого потенциала отражаются в показателе изменения численности населения (страны, региона), уровень которого формируется под действием основных демографических процессов: рождаемости, смертности и миграции.

Решение стратегических задач по формированию новых центров социально-экономического развития, обеспечению повышения комплексности и сбалансированности развития регионов, размещению производительных сил, созданию сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, требует использования эффективных механизмов и инструментов управления пространственным размещением фактора. Для выявления наиболее значимых мотивов, обеспечивающих тенденции роста фактора труд в территориальном аспекте, проведено исследование на основе использования классических подходов содержательных теорий мотивации Маслоу, Альдерфера, Макклеланда, Герцберга, а также изучения современных факторов привлекательности территорий и производств для жизнедеятельности в регионе. В рамках данного исследования была предложена система мотивационных факторов роста количественной составляющей человеческого потенциала и сформирована группа показателей - факторов, (табл. 1).

Таблица 1

Факторы мотивации роста количественной составляющей человеческого потенциала

Потребность	Мотивационный фактор	Показатель-фактор
<u>Существования</u> Физиологические: пища, одежда; жилье; среда обитания Безопасность и защищенность: социальная; безопасность для жизни	Уровень жизни	Заработная плата; обеспеченность новым жильем
	Благоприятность среды обитания	Продолжительность жизни
	Безопасность существования	Уровень безработицы, пенсий, преступности
<u>Общения</u> связь, принадлежность к социальной группе	Возможность общения	Плотность населения; густота автодорог; услуги связи на 1 жителя
<u>Достижения</u> уважение, самовыражение, рост	Конкурентоспособность производств	Экспорт на душу населения; удельный вес инновационно-активных предприятий
	Предпринимательская среда	Удельный вес работников малых предприятий в общей численности

Понятие «мотивационный фактор роста количественной составляющей человеческого потенциала» отражает наличие объективных условий во внешней среде на мега- и макроуровнях для удовлетворения биологических и социальных потребностей человека, привлекательных для мигрантов и процессов воспроизводства фактора труд, а также способствующих физическому и психическому здоровью на протяжении всей трудовой жизни. Критериями отбора показателей-факторов явились: соответствие потребностям и содержанию мотивационных факторов, измеримость, значимость (по статистическим характеристикам) и статистическая отчетность [2], позволяющая сформировать массив данных для исследования.

На основе построения пространственных моделей макрорегионов и Российской Федерации, включающих около 100 зависимостей изменения численности населения субъектов РФ от степени удовлетворения потребностей жителей Федеральных округов, определен рейтинг влияния мотивационных факторов роста количественных составляющих человеческого потенциала на основе обобщения статистических характеристик полученных зависимостей (рис. 1).

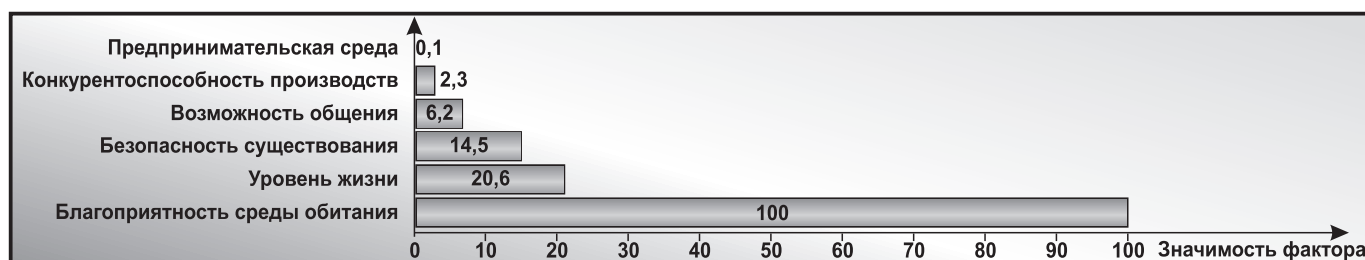

Рис. 1. Рейтинг мотивационных факторов роста количественной составляющей человеческого потенциала по Российской Федерации

Результаты свидетельствуют о высокой значимости потребностей существования для россиян (см. рис.1). Первостепенное влияние на пространственное размещение фактора труд оказывает повышение благоприятности среды обитания. Рост фактора на 1% приводит к росту количественной составляющей человеческого потенциала на 9%. На основе исследования различных показателей-факторов, отражающих уровень экономического, социального развития регионов, состояния окружающей среды и биотического индекса рассчитанного Голубевым и Бушуевым [3], выявлено преимущественное влияние объективных факторов природно-климатического характера на ожидаемую продолжительность жизни при рождении. В Ингушетии, Дагестане, Чеченской Республике ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет 72-75 лет. В автономных округах с суровыми климатическими условиями и низкой продуктивностью биоты (природного капитала) – Корякском, Эвенкийском, Чукотском АО и Республике Тыва уровень аналогичного показателя на 17-20 лет меньше.

Возможность управления уровнем благоприятности среды обитания крайне ограничена. Улучшение системы здравоохранения, экологической ситуации в регионе повышают качество жизни, но не оказывают, как показали исследования, прямого воздействия на продолжительность жизни и рост количественной составляющей человеческого потенциала. Например, в Чукотском АО при максимальных среди регионов России удельных годовых расходах консолидированного бюджета на здравоохранение и спорт (19,84 т.р./чел.) наблюдается минимальная продолжительность жизни (58 лет). Москва в рейтинге регионов-долгожителей стоит на четвертом месте (71,4 года) при максимальных выбросах загрязняющих веществ в атмосферу (80,9 кг/кв.км) в год.

Второе место по значимости мотивационных факторов роста количественной составляющей человеческого потенциала принадлежит уровню жизни населения. Этот показатель-фактор в данном исследовании измерен уровнем среднемесячной начисленной заработной платы в процентах по отношению к величине прожиточного минимума. Выявленная зависимость между уровнем покупательной способности и приростом численности населения в регионах проведена (рис. 2).

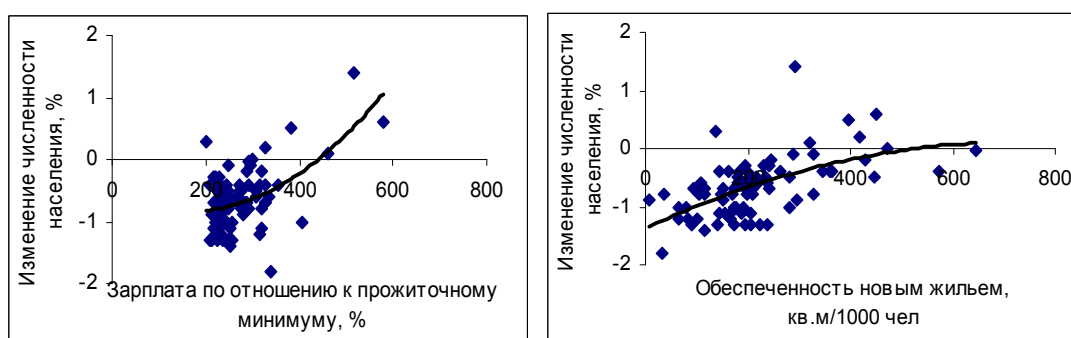

Рис. 2. Зависимость изменения численности населения по субъектам от мотивационных факторов уровня жизни

За последние 10 лет в России, за исключением регионов традиционно высокого уровня рождаемости, наблюдаются общие тенденции снижения количественной составляющей человеческого потенциала. Вместе с тем, в субъектах с максимальной покупательной способностью (ХМАО-Югра, ЯНАО, Москва) есть положительная динамика показателя. По результатам данного исследования выявлена зависимость роста численности населения по субъектам РФ от цены фактора производства труд (в виде заработной платы с учетом покупательской способности). Наличие зависимости подтверждает действие рыночных законов о мотивирующем воздействии цены на развитие, касающееся не только сферы производства товаров (в соответствии с кривой предложения), но и факторов производства.

Исследование структуры использования денежных доходов населения в 2005 г. свидетельствует о том, что россияне 80% своих доходов в анализируемом периоде использовали на удовлетворение потребностей существования, связанных с приобретением товаров, оплатой услуг и обязательных платежей. По тем же данным менее 2,5% доходов потрачено населением на приобретение недвижимости, в том числе жилья. Учитывая различные возможности удовлетворения данной потребности, используемый выше показатель средней заработной платы с учетом покупательной способности рубля не может в полной мере отражать обеспеченность населения жильем. При обосновании показателя-фактора, характеризующего степень удовлетворения потребности населения в жилье, учитывалась потребность в современном неветхом и неаварийном жилье. Для исследования влияния данного мотивационного фактора на прирост количественной составляющей человеческого потенциала в регионах РФ предложен показатель обеспеченности новым жильем в кв.м/1000 чел., введенный за последние пять лет.

Полученная зависимость изменения численности населения субъектов РФ от обеспеченности новым жильем (см. рис. 2) имеет более высокую достоверность, но меньшую эластичность фактора по результирующему признаку, чем зависимость от уровня заработной платы и прослеживается по всем Федеральным округам. По Уральскому ФО выявлена высокая эластичность результирующего признака от показателя-фактора. Прирост обеспеченности новым жильем на 1% способствует приросту численности населения более чем на 6%.

Третье место по значимости влияния мотивационных факторов роста количественной составляющей человеческого потенциала принадлежит обеспечению безопасности существования в социальном и физическом аспектах. По Южному ФО при уменьшении уровня преступности на 1% прирост численности населения по субъектам РФ повышается на 1,76%. Высокая эластичность и достоверность исследуемых зависимостей выявлена по Уральскому и Северо-Западному Федеральным округам. Положительное влияние социальной защищенности пенсионеров на прирост количественной составляющей человеческого потенциала выявлено в регионах с высоким уровнем демографической нагрузки (Приволжском, Центральном ФО), где на 1000 человек трудоспособного возраста приходится 330-375 лиц старше трудоспособного возраста.

Зависимость между социальной безопасностью и приростом количественной составляющей человеческого потенциала носит более сложный характер. Изменение численности населения в регионах происходит под действием факторов естественного прироста населения и миграционных процессов. Повышение рождаемости оказывает разнонаправленное воздействие на изменение количественной

составляющей человеческого потенциала. С одной стороны, повышение рождаемости прямо пропорционально отражается на приросте численности населения. Особенно это проявляется в регионах с традиционно высоким уровнем рождаемости в автономных округах Дальневосточного ФО и республиках Южного ФО (Дагестане, Чечне и Ингушетии). С другой стороны, выявлена положительная корреляция между рождаемостью и уровнем безработицы по субъектам РФ. В регионах с низким уровнем занятости, обусловленным действием различных факторов (слабое экономическое развитие и др.), наблюдается, как правило, отток населения из региона. По Российской Федерации в целом коэффициент эластичности миграционного прироста по снижению уровня безработицы составляет 3,68.

На четвертом месте по значимости влияния мотивационных факторов роста количественной составляющей человеческого потенциала находятся потребности общения. В проводимом исследовании удовлетворение потребности общения рассматривалось с позиций плотности населения и развития инфраструктуры общения через средства транспортных коммуникаций и связи. В густонаселенных регионах (Центральный, Южный, Приволжский) плотность населения и густота автодорог в субъектах РФ выступают главными мотивационными факторами роста количественной составляющей человеческого потенциала в этой группе потребностей. В малозаселенных регионах (Уральский, Дальневосточный ФО) потребности общения удовлетворяются через повышенное потребление услуг связи.

Как показало проведенное исследование, возможности удовлетворения потребностей достижения для Россиян не выступают главным мотивом межрегиональной миграции или стимулирования рождаемости.

На пятом месте в рейтинге мотивирующих факторов роста количественной составляющей человеческого потенциала находится конкурентоспособность производств. Наиболее чувствительными регионами по изменению численности в зависимости от конкурентоспособности по экспорту являются Центральный и Приволжский Федеральные округа, а по уровню инноваций – Сибирский ФО.

На шестом месте по значимости мотивационных факторов роста количественной составляющей человеческого потенциала находится удовлетворение потребности успеха (достижений) в предпринимательской среде. Этот фактор по полученным данным привлекается только в Сибирском Федеральном округе.

По результатам проведенного исследования составлен рейтинг влияния мотивационных факторов на изменение количественной составляющей человеческого потенциала по Российской Федерации в целом и по каждому Федеральному округу, получены оценки степени чувствительности результирующего показателя от исследуемых факторов в пространственном аспекте. Наиболее чувствителен к влиянию мотивационных факторов (с относительной оценкой 18,8 баллов) рост количественной составляющей человеческого потенциала в Уральском ФО. Средняя степень чувствительности зафиксирована в Северо-Западном (5,8), Центральном (3,7) и Приволжском (2,8) Федеральных округах. Низкая степень – в Южном (1,6), Сибирском (0,9) и Дальневосточном (0,4) ФО.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке эффективных механизмов управления человеческим потенциалом, реализации государственной политики регионального развития и обосновании предпринимаемых мер финансового и нефинансового характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (проект). – М., 2008.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 981 с.
3. В.В. Бушуев, В.С. Голубев, А.М. Тарко. Индикаторы социоприродного развития российских регионов. – М.: ООО «ИАЦ Энергия», 2004.

ИНДИКАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Д. В. Неустроев

Индикативное планирование, сбалансированная система индикаторов, региональное экономическое развитие, поиск точек развития, матрица зависимостей индикаторов.

Планирование как форма государственного воздействия на экономику существует почти во всех странах. Различают следующую классификацию видов планирования.

В зависимости от срока, на который составляется план, и степени детализации плановых расчетов:

- долгосрочное (перспективное) планирование (на период более 5 лет). Такие планы призваны определять долгосрочную стратегию предприятия, включая социальное, экономическое, научно – технологическое развитие;

- среднесрочное планирование (от 1 года до 5 лет);

- краткосрочное (текущее) планирование (до 1 года, включая полугодичное, квартальное, месячное, недельное (декадное) и суточное планирование) [1, Стр.45].

По содержанию плановых решений выделяют:

- стратегическое планирование, как правило, ориентированное на долгосрочную перспективу и определяющее основные направления развития хозяйствующего субъекта. Основная цель стратегического планирования состоит в создании потенциала для выживания в условиях динамично изменяющейся внешней и внутренней среды, порождающей неопределенность перспективы. В результате стратегического планирования субъект ставит перспективные цели и вырабатывает средства их достижения;

- тактическое планирование – процесс создания предпосылок для реализации новых возможностей. Тактическое планирование охватывает краткосрочный и среднесрочный периоды;

- оперативно-календарное планирование, являющееся завершающим этапом в планировании хозяйственной деятельности. Основная задача оперативно-календарного планирования состоит в конкретизации тактического плана для организации повседневной, планомерной и ритмичной работы субъекта.

Кроме того, планирование можно классифицировать по следующим критериям:

- степень охвата;

- объект планирования;

- сфера и глубина планирования;

- координация частных планов во времени;
- учет изменения данных;
- очередность во времени [1, Стр.50].

С точки зрения обязательности плановых заданий различают:

- директивное планирование - процесс принятия решений, имеющих обязательный характер для объектов планирования. Директивные планы имеют, как правило, адресный характер и отличаются чрезмерной детализацией. Многие недостатки социалистического планирования порождены его директивностью. Однако из этого не следует вывод о нецелесообразности применения такого планирования в рыночных условиях. Директивное планирование может служить эффективным средством решения многих народно-хозяйственных задач, имеющих общенациональное значение, например, в области охраны окружающей среды, обороны, социальной политики, структурной перестройки экономики и т.п. [2, Стр. 61];

- индикативное планирование - средство реализации социально-экономической политики правительства путем принятия системы прогнозов, планов по дальнейшему развитию хозяйственных агентов, исключающее прямое государственное воздействие. Такое планирование предполагает разработку системы параметров (индикаторов), характеризующих развитие экономики страны, которые желательно достичь в соответствии со сроками плана [3].

Индикаторы определяются как параметры границы, в пределах которых система, включающая организационные механизмы, технологические связи, материальные и финансовые потоки, может устойчиво функционировать и развиваться. В отличие от показателя, дающего лишь количественную констатацию, индикатор носит векторный, направленный характер. Индикаторы имеют предельные пороговые (минимальные и максимальные) уровни прибыльности, налоговых ставок, режимов развития многомерных систем. Внутри предельных границ образуется так называемый «коридор», необходимый и достаточный для принятия управленческого решения. При этом необходимо установить адекватные пороговые значения «коридора», то есть многовариантность развития. Многовариантность нарастает по мере расширения периода «плана» и сокращается при сокращении периода. Особое место занимает определение и использование пороговых значений индикаторов, призванных сигнализировать о приближении критического состояния объекта управления и необходимости изменения стратегии развития объекта [4, Стр.48].

Впервые теоретические предпосылки индикативного планирования предложены в начале XX века советским экономистом Кондратьевым Николаем Дмитриевичем (1892-1938). Под его руководством разработан перспективный план развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923-1928 гг., сочетающий различные элементы индикативного планирования в рамках концепции «длинных волн».

Мировая практика разработки стратегических индикативных планов насчитывает немногим более полувека. Пионером в этом вопросе можно считать Японию, которая отдельные элементы стратегического планирования применяла еще с конца XIX века, а в середине тридцатых годов прошлого века создала органы, отвечающие за планирование индустриального развития страны. В Европе лидером индикативного планирования принято считать Францию, которая применила опыт индикативного планирования в середине сороковых годов почти сразу после окончания Второй мировой войны [5].

Основной функцией индикативного плана является координация действий равноправных хозяйствующих субъектов.

Индикативное планирование позволяет принимать самостоятельные решения, действовать наилучшим образом в общественных интересах. Отсюда вытекает одна из основных задач - создание организационных и экономических условий для формирования и свободного функционирования рынка товаров, капиталов, рабочей силы в стране, а также выгодных внешних экономических связей.

Индикативное планирование выступает одновременно и средством государственного регулирования экономики, и средством ее саморегулирования, корректируя дефекты рыночного механизма и изъяны прямого государственного вмешательства в воспроизводственные процессы.

Развиваясь, индикативное планирование прошло через формы, соответствующие этапам государственного регулирования экономики. Первой формой индикативного планирования является конъюнктурная, предполагающая усиление влияния бюджета на темпы и пропорции экономического роста [6].

Более развернутой и совершенной формой индикативного планирования является структурная форма, предусматривающая расширение плановой деятельности на мезо- и микроуровне национальной экономики. Акцент делается на обеспечение реализации государственной структурной политики в отношении отдельных регионов, отраслей и секторов экономики соответствующим согласованием планов и интересов предприятий и государства, путем контрактных отношений и подключению к выполнению индикативных планов частных предприятий и территориальных властей с использованием налоговых льгот, льготных кредитов и иных мер господдержки в рамках селективной структурной политики.

По мере развития смешанной экономики, глобализации рынков (прежде всего в общеевропейских масштабах) индикативное планирование трансформируется в стратегическую форму. Особенностью данной формы является значительное расширение временного горизонта индикативных планов и максимальная их интеграция с долгосрочной общенациональной экономической политикой. Важнейшая функция индикативного планирования - концентрация и реализация стратегических планов, программ, проектов, обеспечение сбалансированности динамики всей экономики и взаимодействия технологических укладов [7].

Применяя индикативное планирование, необходимо учитывать следующие возможные риски и недостатки: с течением времени набор инструментов государственной социально-экономической политики изменяется, некоторые факторы становятся слабее. Неопределенность показателей прогнозирования обусловлена и факторами институционального характера. Значительная неопределенность (большое количество экзогенных факторов) требует формирования многочисленных вариантов развития, что усложняет выбор наиболее рационального. К негативным факторам можно отнести политическую нестабильность общества и невозможность определенного прогнозирования политической ситуации в будущем [8].

Управление экономикой Российской Федерации в условиях усугубляющегося мирового финансового кризиса должно быть построено, прежде всего, на принципах эффективности, оптимизации финансовых потоков и гибкости решений в зависимости от меняющихся факторов внешней среды. 2008 г. стал важной отправной точкой экономической истории России. Пришедший к высшему должностному посту государства Д.А. Медведев провозгласил ориентированность политической и экономической систем на результат, в том числе в области социальных, инновационных программ. России необходим своеобразный «скачок» в развитии, потому что она находится на ступени развивающегося государства с огромным ресурсным потенциалом. Россия 2009 г. не обладает тем мировым господством, какое было раньше. Усиление военной доктрины и запуск инновационных программ даст определенный результат, но этот эффект можно будет оценить только через несколько лет. Предшественник Д.А. Медведева В. В. Путин в 2000 г. провозгласил главный ориентир экономики на долгосрочную перспективу - удвоение ВВП к 2010 г., пытаясь таким образом, следуя за опытом Японии, вывести Россию в ранг развитых

стран, недооценив важную деталь: Япония, провозгласив такой девиз, перешла от директивных планов к индикативным что помогло ей стать развитым государством-лидером в мировом масштабе. Переход к индикативному плану, как к важному элементу, предопределяющему стратегию развития экономики, является перспективным направлением стабилизации и усиления экономики.

По своему федеративному устройству Россия состоит из субъектов, которым делегирована часть государственных функций и полномочий. На сегодняшний день регионы решают первоочередные тактические и оперативные задачи, что предопределяет их финансовую устойчивость. В регионах, как правило, не уделяется внимание выработке единой политики с четко выраженными приоритетами, стратегиями развития. В рамках консолидации всех балансов на государственном уровне такая несбалансированная система приводит к глобальным экономическим диспропорциям и сводит функции государства лишь к наблюдению за этими процессами.

Поскольку структура государственного устройства не позволяет одинаково эффективно управлять развитием различных регионов с одной выбранной для всей концепцией, регионам самостоятельно наряду с директивными планами было бы экономически целесообразно применять методики определения и корректировки исполнения генеральной стратегии на основе индикативного планирования. Индикативный план позволяет заложить необходимые резервы для поиска точек роста экономики и принять управленческое решение именно в тот момент, когда это крайне необходимо.

По мнению автора, для эффективного индикативного планирования на уровне региона необходимо задать определенный алгоритм действий, каждое из которых закрепляется за определенным органом власти (рис. 1).

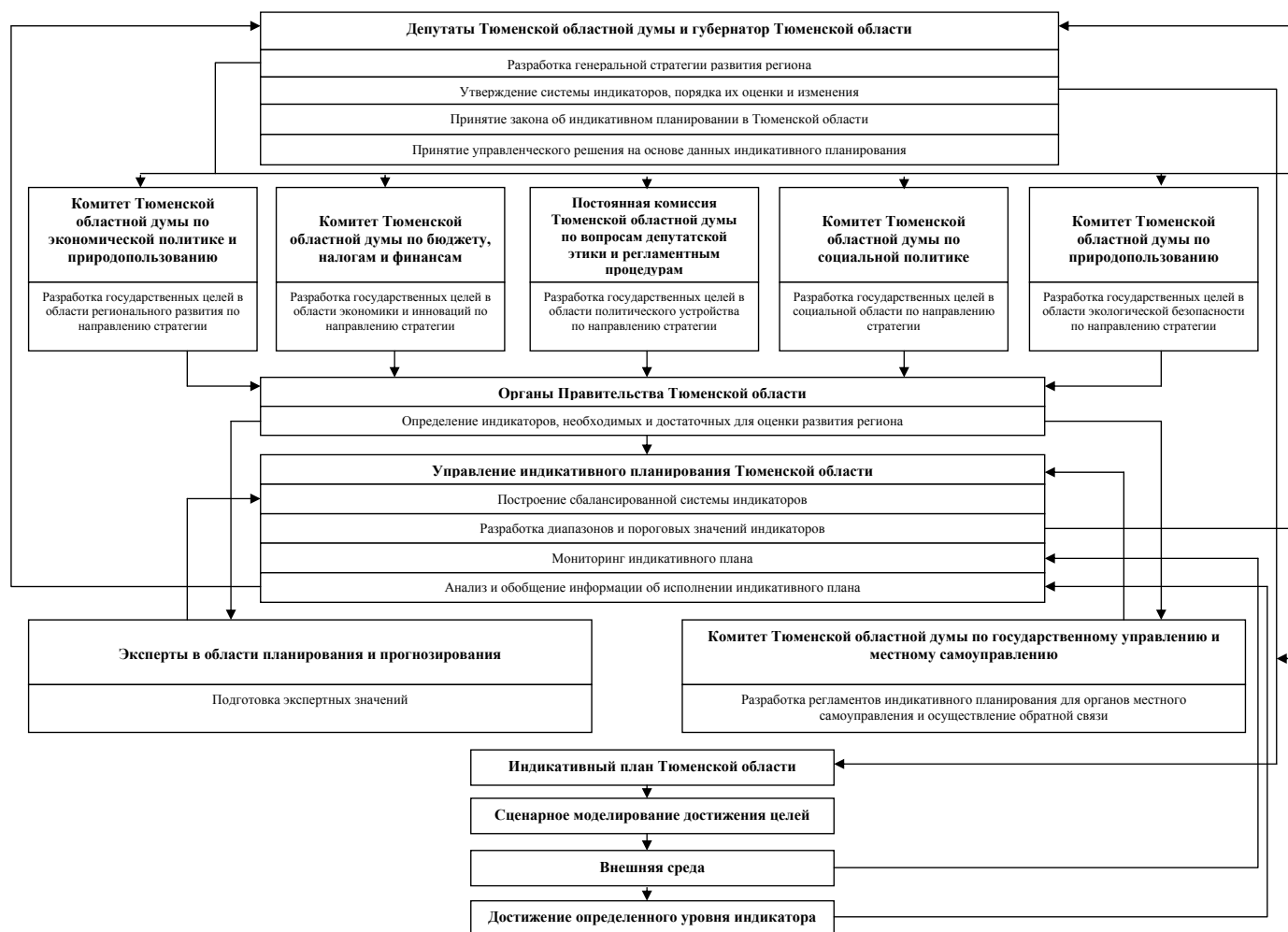

Рис. 1. Алгоритм действий при индикативном планировании региона на примере Тюменской области

1. Выработка генеральной региональной стратегии и описание ее целей, а также способов достижения через решение тактических и оперативных задач.
2. Осознание региональными лидерами необходимости ухода от директивных планов и переход к гибкому, меняющемуся в зависимости от факторов внешней среды индикативному плану, либо составление параллельных индикативного и директивного планов.
3. Построение сбалансированной системы индикаторов, позволяющей решать задачи региона с минимальными ресурсными затратами. Данная система может послужить сбалансированной структурирующей основой для всех подсистем управления и переориентации их на стратегию.
4. Ранжирование индикаторов.
5. Построение матрицы совместимости индикаторов через определение независимых, взаимозаменяющих и взаимодополняющих индикаторов.
6. Определение диапазонов критериев с разбивкой: а) допустимый диапазон индикатора; б) диапазон индикатора, характеризующий раннее предупреждение изменения развития региона; в) диапазон индикатора, угрожающий развитию региона; г) диапазон

индикатора, деструктурирующий развитие региона.

7. Регламентирование процедур принятия решения в зависимости от изменения (неизменности) индикатора.
8. Регламентирование порядка утверждения, использования и изменения регионального индикативного планирования.
9. Методические рекомендации для индикативного планирования региона.
10. Автоматизация процессов составления и исполнения индикативного плана через написание и использование программного продукта.

11. Методические рекомендации по сбору информации и исполнению индикативного плана с использованием программного обеспечения, с привлечением соответствующих органов власти региона и Российской Федерации.

12. Разработка и внедрение аналогичной системы индикативного планирования на муниципальном уровне региона, консолидация данных для индикативного планирования региона.

13. Адаптация системы регионального индикативного планирования к общенациональным и международным стандартам планирования, разработка соответствующей адаптационной модели в рамках федерального индикативного планирования.

Задача построения сбалансированной системы индикаторов на основе предложенной обобщенной системы индикаторов должна решаться через поиск их необходимого количества, с отсечением ненужных по ряду признаков критериев, вытекающих из других, оказывающих минимальное значение, сбор информации по которым затруднен или иным образом ограничен и пр. Эффективным индикативным планом региона будет план с 10-15 индикаторами. При этом индикаторы, входящие в сбалансированную систему, должны охватывать максимальный диапазон описываемых явлений, не быть абсолютно однотипными, зависимыми и дополняющими друг друга, а сбор информации по ним должен быть максимально простым в рамках текущего статистического наблюдения. Выбор количества и перечня индикаторов должен осуществляться анкетированием экспертами. Список экспертов учитывает региональные особенности построения законодательной и исполнительной систем. Количество экспертов должно быть от 12 до 20 человек. В Тюменской области список экспертов может состоять из следующих специалистов: представителей Тюменской областной думы, Правительства Тюменской области, Торгово-промышленной палаты Тюменской области, органов статистики, научных деятелей в области планирования и прогнозирования экономических процессов и др.

Автором предлагается методика оценки сбалансированности индикаторов через построение матрицы зависимости индикаторов (табл.). Необходимо включить в состав основных индикаторов, характеризующих процесс развития в регионе, индикаторы-лидеры по группам зависимости (см. табл.) индикаторы с порядковым номером 3,4 и 7).

Таблица

Матрица зависимостей субиндикаторов
(на примере произвольного набора субиндикаторов)

Наименование индикатора	Порядковый номер индикатора	1	2	3	4	5	6	7
Налоговые поступления	1	-	НСИ	ВЗСИ	ВДСИ	ВЗСИ	ВЗСИ	НСИ
Индекс инвестиционной активности	2	НСИ	-	ВЗСИ	ВЗСИ	ВДСИ	ВЗСИ	ВЗСИ
Законодательная инициатива	3	ВЗСИ	ВЗСИ	-	НСИ	ВЗСИ	ВЗСИ	ВЗСИ
Вовлеченность региона в теневую экономику	4	ВДСИ	ВЗСИ	НСИ	-	ВДСИ	ВДСИ	ВЗСИ
Активность контрольных органов	5	ВЗСИ	ВДСИ	ВЗСИ	ВДСИ	-	ВЗСИ	НСИ
Сбалансированность доходов и расходов	6	ВЗСИ	ВЗСИ	ВЗСИ	ВДСИ	ВЗСИ	-	НСИ
Доходы населения	7	НСИ	ВЗСИ	ВЗСИ	ВЗСИ	НСИ	НСИ	-
Итого по индикатору:		2 НСИ 3 ВЗСИ 1 ДСИ	1 НСИ 4 ВЗСИ 1 ВДСИ	1 НСИ 5 ВЗСИ 0 ДСИ	1 НСИ 2 ВЗСИ 3 ВДСИ	1 НСИ 3 ВЗСИ 2 ВДСИ	1 НСИ 4 ВЗСИ 1 ВДСИ	3 НСИ 3 ВЗСИ 0 ВДСИ

ВДСИ - взаимодополняющие субиндикаторы (чем больше значение одного субиндикатора, тем меньше значение другого);

ВЗСИ - взаимозаменяющие субиндикаторы (чем больше значение одного субиндикатора, тем больше значение другого);

НСИ - независимые субиндикаторы.

Методика формирования сбалансированной системы индикаторов развития региона может быть реализована через установление жестких административных регламентов, введение автоматизации процессов для получения оперативной информации по результатам ежедневного мониторинга состояния индикаторов. Эффективность индикативного планирования будет зависеть и от скорости адекватного реагирования на изменение внешней среды. Для централизации процессов индикативного планирования предлагается создание в Правительстве области Управления индикативного планирования.

На фоне экономического спада во всем мире Тюменская область способна поддерживать реализацию намеченных ранее инновационных и социальных программ. Несмотря на это, секвестирование областного бюджета произошло. В результате уменьшилась сумма планируемых доходов вдвое. Директивный план бюджетного регулирования экономики региона в очередной раз показал неспособность к адаптации под воздействием внешних факторов. Корректировка этого плана в течение 2009 года будет проводиться многократно, по-

тому что риски, заложенные в нем, учитывают только крайне негативную финансовую обстановку.

Принятие и утверждение индикативного плана позволило бы эффективно и своевременно менять основные параметры социально-экономического развития без ущерба для экономики региона на основе сценарного подхода, поскольку находящиеся в балансе индикаторы сохраняли бы прежние пропорции и ориентиры, а пассивное выжидание последствий, вызванных мировым финансовым кризисом, сменилось бы эффективным поиском «точек роста» экономики региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин А.И. Планирование на предприятии. Учеб.пособие. В2 ч: Ч. 1. Стратегическое планирование. - Мн.: ООО «Мисанта», 1998.
2. Государственное регулирование экономики: Курс лекций/ Н.Б. Антонова, А.Г. Завьялков, Г.А. Кандаурова и др.; Под общ. ред. Н.Б. Антоновой. - Мн.: ООО «Мисанта», 1996.-61 с.
3. Мищенко В.В. Государственное регулирование и планирование национальной экономики// <http://www.elective.ru/arts/eko01-k0079-p04370.phtml>
4. Индикативное планирование в стратегии экономического развития России. Материалы научного семинара/Под ред. В.И. Якунина. Выпуск №8 (13). - М.: Научный эксперт, 2008. - 104 с.
5. Саидова Г.К. Международный опыт индикативного планирования и возможности его применения в Узбекистане// http://www.cer.uz/files/downloads/p_papers/2002_08_full_ru.pdf.
6. Сазонов В.Г. Прогнозирование и планирование в условиях рынка// http://window.edu.ru/window_catalog/files/r41011/dvgu132.pdf
7. Насибов Лутфияр Гулу Оглы. Концептуальные подходы к формированию системы индикативного планирования на сельскохозяйственных предприятиях// <http://www.novsu.ru/file/117836>.
8. Егоров В.В. Прогнозирование национальной экономики// <http://www.ekon.oglib.ru/bgl/3125/362.html>.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ, КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

О. В. Ревякина

Малое предпринимательство в России, малый бизнес, средний класс, регион.

В своем выступлении в г. Тобольске 2008 г. Д. Медведев отметил, что через несколько лет в России занятость в малом и среднем бизнесе должна достичь 60% всей занятости населения. Государство рассматривает малый бизнес как одно из важнейших средств подъема экономики и решения проблем безработицы в Российской Федерации. Без устойчивой опоры на малый бизнес претворить в жизнь такую задачу государства и правительства как двукратное увеличение ВВП не удастся. Реальным резервом формирования среднего класса являются представители среднего и малого бизнеса. В странах ЕС малыми предприятиями производятся до 80% ВВП.

Предпринимательский класс в России немногочислен. По данным ИНОП его доля в составе населения составляет 2,7% (без представителей крупного бизнеса). Доля предпринимателей почти одинакова на всей территории России - во всех федеральных округах и во всех типах поселений.

Доля предпринимателей, соответствующих по своему потребительскому статусу среднему классу и выше составляет 43,4% от общего числа предпринимателей, хотя средний класс в России является более многочисленным, чем предпринимательский. По разным источникам он составляет от 9 до 24%. По данным исследований Института социологии РАН РФ, проведенных в 2006 -2007 гг. к среднему классу могут быть отнесены 20 -22% экономически активного городского населения России. Если оценивать все население России, то доля в нем среднего класса почти в полтора раза меньше - около 14% (и 18% среди работающих). В мегаполисах - миллионниках, судя по самоидентификации, таких людей около 28% от всего экономически активного населения.

Средний класс обладает другими, по сравнению с предпринимателями, характеристиками распределения по территории страны. Наиболее велика его доля в Москве - 37,2%; наименее велика в сельской местности - 8,6%. В определении среднего класса важно учитывать способность людей брать ответственность, разумно рисковать, накапливать финансовые средства, инвестировать интеллектуальные способности, инвестировать в свое «дело жизни» и т.п. С этой точки зрения представители малого и среднего бизнеса - одна из составных частей среднего класса.

Одной из причин слабого развития малого бизнеса в России является низкая эффективность организации его поддержки. Ограниченность финансовых ресурсов, недостаточная информированность, нехватка высококвалифицированных кадров, отсутствие профессионализма, отсутствие механизма судебной защиты приводят к нестабильности функционирования малого предпринимательства.

Становление и развитие малых форм предпринимательства во многом - следствие специфических особенностей регионов и потребностей их населения.

Развитие малого бизнеса для регионов, в частности, муниципальных образований, - это прежде всего повышение эффективности экономики и решение социальных проблем.

Развитие малого бизнеса на территории муниципального образования, это прежде всего, обеспечение занятости населения без особых затрат для местных властей, так как малый бизнес, прежде всего, создает новые рабочие места, чем вносит свой вклад в проблему трудоустройства населения и заработная плата работающих у частных предпринимателей гораздо выше чем на государственных и муниципальных предприятиях, что решает социальные проблемы.

В регионах Тюменской области (Армизонский, Аромашевский, Нижнетавдинский и Тобольский) малый бизнес обеспечивает рабочими местами до 40 и более процентов активного населения, каждый пятый, работающий в г. Тюмени, занят в этом секторе, в Ишиме - каждый третий.

Численность занятых в сфере малого предпринимательства в городе Тюмени на сегодня составляет более 60 тысяч человек.

Наибольшая часть малых предприятий приходится на сферу торговли и общественного питания (~38%) от всех малых предприятий города, число их постоянно увеличивается, так как это наиболее прибыльное и наименее рискованное дело, пользующееся стабиль-

ным потребительским спросом.

С одной стороны, увеличение числа предприятий в этой сфере способствует росту конкуренции. С другой стороны, идет рост предпринимательской активности в этой сфере. Сфера торговли является одним из важных источников формирования городского бюджета. Налоговые поступления от этого вида деятельности составляют ~12% городской казны, а доля с продаж 6,5% городского бюджета. Немаловажное значение для малого предпринимательства в городе играет предоставление услуг. Сфера бытовых услуг почти полностью представлена малым бизнесом (химчистки, парикмахерские, ателье, ремонт бытовой, аудио - видео техники). Предоставлением такого вида услуг занимается ~10% всех малых предпринимателей города.

Спрос на услуги в большей степени зависит от материального положения потребителей. 30% населения города пользуются только основными - обязательными услугами, оказываемыми муниципальными предприятиями. Остальные 70%, кроме основных услуг, пользуются услугами, оставленными малым бизнесом.

Следует выделить несколько направлений по развитию малого и среднего предпринимательства на уровне регионов:

- региональные рынки;
- кредитная кооперация (проблема доступа малых предприятий к финансовым ресурсам);
- развитие уникальной технологии - франчайзинг.

Преимущество в получении налогов от малого бизнеса должно отдаваться муниципальным бюджетам, так как на развитие малого предпринимательства важное влияние оказывают местные власти. В связи с этим у них должен быть стимул к созданию благоприятных условий для такого развития в целях получения дополнительных перечислений в свои бюджеты.

Налоги от отечественного малого бизнеса в силу незначительного масштаба развития данного сектора и других причин, влияющих на уплату налогов, чтобы делать их инструментом экономической политики и оставлять значительную часть на федеральном уровне.

Основными направлениями деятельности органов местной власти в сфере поддержки развития малого предпринимательства должна стать реализация следующих программных мероприятий:

- финансово - кредитная поддержка малого бизнеса. Основными задачами в реализации этого направления для местных властей является обеспечение принципа равных возможностей и одинакового отношения ко всем предпринимателям.
- информационно - консультационные услуги, так как важным элементом инфраструктуры поддержки малого предпринимательства является создание консультационных пунктов, основной задачей которых является оказание субъектам малого предпринимательства различных видов услуг информационного, маркетингового и экспертного характера, помощь в составлении, технико-экономических обоснований и бизнес-планов, обеспечение правовой защиты предпринимателей.
- создание бизнес-инкубаторов, которые должны иметь наиболее благоприятные условия для стартового развития малых предприятий. Создающееся малое предприятие не имеет опыта ведения бизнеса, накопленных информационных ресурсов, в необходимом объеме основного капитала, нет опыта планирования деятельности поддержки малого предпринимательства на этапе организации и начала деятельности;
- устранение бюрократических преград, связанные с неудавшейся попыткой установить верховенство закона на местном уровне, так как именно там толкование и применение законов оказывает прочное воздействие на бизнесменов.
- содействие выставочно-ярмарочной деятельности, что позволит выявить рыночный потенциал и перспективы сбыта продукции; получить практические навыки в организации рекламы продукции; установить контакты с потенциальными покупателями, поставщиками и инвесторами;
- формирование благоприятного общественного мнения о малом предпринимательстве, что предполагает изучение и мониторинг социально-экономических процессов и социально-психологического климата в среде малого предпринимательства, а также пропаганду идей малого бизнеса через средства массовой информации и формирование механизма взаимодействия предпринимателей с местными, региональными, государственными и общественными структурами.

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

С. А. Ростовцев, Т. Е. Зерчанинова

Социальное проектирование, организация, культурно-досуговый центр, социальная система.

Применение проектного метода для решения социальных проблем и создания организаций прочно вошло в практику социального управления. Технология социального проектирования позволяет построить проект системы и в процессе его реализации получить ожидаемый результат с учетом эффективности. Социальное проектирование как деятельность находится в поле взаимосвязи трёх элементов: а) научная деятельность по разработке некоей модели на основе исследований, причём проект с самого начала ориентирован на воплощение его в реальность; б) управленческая деятельность по созданию условий для реализации проекта, по достижению поставленной цели преодоления социальных проблем; в) практическая деятельность по воплощению проекта, по созданию реального воплощения некой умозрительной, символической модели.

Исходные принципы социального проектирования разрабатывались Я. Дитрихом, Т. Тиори, Д. Фраем, П. Хиллош, Ф. Ханикой, отражены в работах П. Бергера, Н. Лукмана, К. Поппера и других зарубежных авторов. В отечественной социологии первые идеи о проектировании социальных систем высказаны в работах И.И. Ляхова, В.Н. Дубровского, А.Г. Раппопорта, В.М. Разина, Б.В. Сазонова, Г.П. Щедровицкого и О.И. Генисаретского. С точки зрения социального управления эти проблемы рассматривались В.Г. Афанасьевым, И.В. Бестужевым-Ладой, П.Н. Лебедевым. Теоретические и практические основы социального проектирования проанализированы в работах Н.А. Аитова, Г.А. Антонюка, Н.И. Лапина, А.И. Пригожина, Ж.Т. Тощенко, Н. Г. Харитоновой, а также в исследованиях Т. М. Дридзе, Ю.А., Крючкова, О.Н. Яницкого, В.А. Лукова, Н. А. Костко, И. В. Котлярова, А. И. Кузьмина, В.И. Курбатова, О.В. Курбатовой и др. Управление проектами является предметом исследования Г. Дитхелм, Ф. Клиффорда, Э. Грея, У. Ларсона, М. Ньюэлла, Д. Локка, В. И. Ворopaева, В. Н. Буркова, Д. А. Новикова, И. И. Мазур, В. Д. Шапиро, П.Стр. Гейзлер, О. В. Завьяловой и др.

Социальное проектирование - это научно-теоретическая и одновременно предметная практическая деятельность по созданию

проектов развития социальных систем, институтов, социальных объектов, их свойств и отношений на основе социального предвидения, прогнозирования и планирования социальных качеств и свойств, являющихся значимой социальной потребностью [1, Стр. 3].

В разнообразных источниках существует множество определений понятия «социальный проект». Для нас ближе всего его трактовка как социального нововведения. Социальный проект – «это сконструированное инициатором проекта социальное нововведение, (1) целью которого является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности, (2) которое имеет пространственно-временные и ресурсные границы и (3) воздействие которого на людей признается положительным по своему социальному значению» [2, Стр. 36]. Под социальным нововведением понимается разновидность управленческого решения, замысел которого предусматривает целенаправленное создание или изменение того или иного социального явления или процесса, а реализация состоит в осуществлении этого замысла.

Проект характеризуется глубокой проработкой социальных задач и включает меры не только социально-диагностического, но и организационно-управленческого (технологического) обеспечения. За социальным диагностированием, с которого начинается процесс социального проектирования, логично следует необходимость социальных технологий, которые обеспечивают практическую реализацию социальных резервов, освоение социальных ситуаций принятием и осуществлением социальных решений, их подтягивания до уровня решений «технико-технологических». В этом и состоит суть социального менеджмента [3, Стр. 13-14].

Методологической базой нашего исследования является системный подход, который применяется и к исследованию организации как социальной системы, и к ее проектированию как управленческой функции. Данный подход, его становление, применение к исследованию и проектированию разного рода систем описан в работе Ю.М. Плотинского [4]. Нами выбрана разновидность прикладного системного анализа, разработанная Р. Акоффом. Система рассматривается им как целое, определяемое одной или несколькими основными функциями, где под функцией понимается роль, «миссия» системы. По Акоффу, система состоит из двух или более существенных частей, то есть частей, без которых она не может выполнять свои функции. Другими словами, она является целым, которое нельзя разделить на независимые части [5].

Организация – это «социальная система, включающая определенное множество индивидов и регулирующая их взаимодействие для достижения конкретных целей» [6, Стр. 371]. А. И. Пригожин выделяет несколько социальных ролей организаций: «организация, как инструмент решения общественных задач, средство достижения целей; организация, как человеческая общность, специфическая социальная среда; организация, как безличная структура связей и норм» [7, Стр. 19]. Организации заранее проектируются, моделируются с тем, чтобы сформировать структуру, подчиненную интересам достижения установленных целей. При проектировании организации используется представление о ней как об организме, который действует рационально и целенаправленно, имеет априори установленную цель и совершенствует методы достижения цели. Социальное проектирование организации – это система действий по разработке модели организации как социальной системы с учетом основных ее параметров, специфики функционирования и взаимосвязи с внешней средой, направленная на эффективное преодоление социальных проблем на основе исследования социальных потребностей социума.

Системность подхода к проектированию организации проявляется в том, чтобы не упускать из виду ни одну из управленческих задач, без решения которых реализация целей окажется неполной, выявить и взаимоувязать применительно к этим задачам систему функций, исследовать и организационно оформить все связи и отношения по вертикали и по горизонтали, изучить факторы, оказывающие влияние на функционирование организации. Системный подход к проектированию организации заключается, во-первых, в исследовании всех параметров, оказывающих влияние на функционирование организации и установлении зависимостей между выявленными параметрами, во-вторых, в учёте выявленных зависимостей при осуществлении планирования, организации деятельности и непосредственно самой деятельности.

На основе теоретической концепции проектирования нами разработана и апробирована технология создания социального проекта локального культурно-образовательного и досугового комплекса (КОДК). Это организация, предназначенная для удовлетворения возникающих у представителей локального территориального социума социальных потребностей, оказания социальной помощи представителям социума на основе вовлечения самих членов социума в социально значимую деятельность, постоянного мониторинга качества и необходимости предоставляемых услуг, целью деятельности которой является предоставление информационных, развивающих, образовательных услуг, а также услуг по реализации свободного времени.

Проект КОДК адресован локальному территориальному социуму посёлка Рудный, который является удаленным от центра крупного города (Екатеринбурга) поселком городского типа с численностью населения около 2 тысяч человек и находится в подчинении администрации городского района. Специфика локального социума заключается в наличии четких территориальных границ, относительно небольшой численности, территориальной обособленности от некоего целого, в объединяющем начале, которое основано на тесных связях и взаимодействии между его членами [8].

Локальный социум посёлка Рудный является территориально обособленной общностью, проживающей на относительно компактной территории, удаленной от центра города. Он характеризуется большей интенсивностью внутренних связей по сравнению с внешними, однородностью условий функционирования, спецификой качественного состава населения и среды его жизнедеятельности, осознанием большинства жителей своей принадлежности к данной территориальной общности, наличием у членов общности тесных родственных и соседских связей, общих интересов, формирующих определённые типы поведения территориальной группы, то есть специфическим образом жизни, существенно отличающимся от образа жизни жителей центральных районов.

Целью проектируемого комплекса является удовлетворение социальных потребностей и организация свободного времени локального социума. Речь идет о разработке социального проекта, который выполняет в том числе и функцию социальной защиты населения. Проектируемый комплекс будет доступен местным жителям и территориально, и материально. Он призван решать проблему организации свободного времени, исходя из существующих у представителей локального территориального социума потребностей, в то же время своей деятельностью развивать, формировать у населения социальные потребности в культурной, образовательной и досуговой деятельности.

Технология социального проектирования культурно-образовательного и досугового комплекса основана на методологии «интерактивного» планирования Р. Акоффа, которая позволяет осуществить планирование на микроуровне для совершенствования деятельности организаций, так как основана на принципах целостности и непрерывности планирования [5].

Процесс разработки и реализации проекта КОДК можно разделить на несколько этапов: 1) изучение социальных потребностей и степени их удовлетворённости в локальном социуме; 2) определение параметров деятельности КОДК; 3) проведение консультаций с лицами, заинтересованными в создании проектируемой организации (представителями локального социума, представителями районной

администрации и др.); 4) формирование и организационное оформление комплекса; 5) осуществление обратной связи.

Для изучения потребностей населения в культурной, образовательной и досуговой деятельности нами проведено социологическое исследование, основным объектом которого было взрослое население п. Рудный. Опрос проводился в период с 20 по 27 ноября 2006 г. Объем генеральной совокупности (взрослое население поселка от 18 лет и старше) составляет 1720 человек. Отбор респондентов производился по спискам избирателей. Тип выборки - систематическая с шагом 5. Объем выборочной совокупности составил 344 респондента. Ошибка выборки не превышает 5 %. Для сбора социологической информации применялся анкетный опрос.

По данным переписи населения 2002 года в Российской Федерации таких поселков насчитывается 195, в УрФО - 48, в Свердловской области - 35 [9]. Средняя численность населения в таких поселках, находящихся на территории Свердловской области, составляет 1995 человек. В структуре населения мужчин 47 %, женщин - 53 %. На основе статистических данных обосновывается типичность п. Рудный по таким критериям как численность населения и его демографическая структура. Численность населения п. Рудный составляет 1954 человека, что на 2 % отличается от средней численности аналогичных поселков Свердловской области. Доля мужчин и женщин в п. Рудный составляет 44% и 56 % соответственно, что отличается от средней на 3 %. Поэтому результаты опроса населения и сам проект могут быть экстраполированы на локальные территориальные социумы аналогичного типа: удаленные от центров крупных городов поселки городского типа с численностью населения около 2 тысяч человек, находящиеся в подчинении администрации города или городского района.

В ходе эмпирического исследования определена структура свободного времени жителей поселка: в основном они смотрят телевизор, посещают родственников, читают книги, ходят по магазинам, читают газеты, совершают прогулки. Причем на первое место по частоте и у мужчин, и у женщин вышел просмотр телепередач, а на второе место у мужчин - чтение газет, а у женщин - посещение родственников. 43 % опрошенных не удовлетворены способами проведения свободного времени. Из жителей поселка почти треть (33%) никогда не ходит в театры, на выставки и концерты, а 50% проводит так время раз в год (28%), либо раз в полгода (22%). Результаты, полученные в нашем исследовании, близки к данным, полученным В. Д. Патрушевым [10], которые свидетельствуют о том, что у работающих горожан в России более половины свободного времени посвящается телевидению, общению и пассивному отдыху.

75% опрошенных ответили, что они располагают свободным временем, которое могли бы провести в КОДК на территории посёлка. Свободное время составляет, в основном, от двух до четырех часов в день. Если бы на базе школы был организован КОДК, то жители поселка хотели бы получать достаточно разнообразные услуги, самые популярные среди которых услуги юриста и занятия в автошколе, в атлетическом зале, занятия группы женской гимнастики.

При достаточно низком уровне жизни большей части локального социума невозможна организация деятельности КОДК на коммерческой основе. Больше половины опрошенных считают, что стоимость услуг комплекса должна быть не выше 100 рублей за одно занятие. Расчеты показали, что такая оплата не сможет покрыть затраты на содержание КОДК. В этих условиях КОДК должен финансироваться не только жителями поселка, но и из местного бюджета и муниципальных программ. Это требует активного участия органов местного самоуправления в реализации проекта. В результате возможно получение социального эффекта и повышения уровня удовлетворенности общественности деятельностью органов местного самоуправления.

На основе изучения проблем, предпочтений жителей локального территориального социума в сфере досуга и обсуждения путей решения выявленных проблем нами разработан проект локального культурно-образовательного и досугового комплекса, который будет предоставлять услуги образовательного, культурного, досугового характера местному локальному сообществу. В идеале получим комплекс, созданный на базе школы, в который будут приходить представители локального социума, имеющие свободное время и желающие получить образовательные, культурные и досуговые услуги и, люди, желающие научить других тому, что умеют сами. Кроме того, в этом комплексе будет сосредоточена общественная жизнь посёлка, будут проходить поселковые мероприятия, инициаторами, организаторами и участниками которых будут в первую очередь сами жители посёлка.

На сегодняшний день разработка проекта находится на четвертой стадии - формирование и организационное оформление комплекса. Разработанный проект представлен на конкурс инновационных проектов, организованных администрацией г. Екатеринбурга. Если он будет поддержан органами местного самоуправления и реализован, то в дальнейшем будет необходим постоянный мониторинг деятельности КОДК с целью ее корректировки и в соответствии с изменением социальных потребностей локального территориального социума.

Реализация данного проекта должна осуществляться на основе принципов социального партнерства между всеми субъектами деятельности КОДК, которыми являются жители поселка, работники и администрация школы, администрация района, городская дума, общественные организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2000. - 412 с.
2. Луков В. А. Социальное проектирование: Учеб. Пособие. - М.: Изд-во Моск. Гуманит.-социальн. Академии: Флинта, 2003. - 240 с.
3. Социальный менеджмент: Учеб. пособие / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев, Н.С. Данакин и др. / Под ред. В.Н. Иванова, В.И. Патрушева. - М.: Высш. шк., 2001.
4. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов: Учеб. пособие для высших учебных заведений. - М.: Логос, 2001. - 294 с.
5. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. - М.: Изд-во «Сирин», 2002. 256Стр.; Акофф Р. Л. Акофф о менеджменте. - СПб.: Питер, 2002. 448 с.; Акофф Р. Л. Идеализированное проектирование: Как предотвратить завтрашний кризис сегодня. Создание будущего организации. - М.: Баланс Бизнес Букс, 2007. - 265 с.
6. Зинченко Г. П. Социология управления. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
7. Пригожин А. И. Современная социология организаций. Учебник. - М., 1995.
8. Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятия и проблемы // Социологические исследования. - 2006. - № 5. - С. 23-32.
9. Численность и размещение населения. Итоги всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба государственной статистики. Т.1. - М.: ИНЦ «Статистика России», 2004. - С. 456-457.
10. Патрушев В. Д. Бюджет времени городского работающего населения США и России (1980-1990-е годы) // Социологические исследования. - 2003. - № 12. - С. 32-40; Патрушев В. Д. Динамика использования бюджетов городским и сельским населением // Социологические исследования. - 2005. - № 8. - С. 46-51.

Классическая школа научного менеджмента в лице Ф. У. Тейлора стремилась ввести в управление четкое разделение ролей управляющих и управляемых. Главным критерием их различия стало требование к управляющим создавать детальные правила деятельности, которые снимали с управляемых необходимость постоянного выбора того, чем им следует заняться в настоящий момент. Эти правила ни в коей мере не могли основываться на произволе управляющих. Напротив, Тейлор предъявлял жесткие требования к методикам создания правил, внедряя на предприятиях систематический учет и измерение. Фактически Тейлор видел в управляющем поставщика определенной управленческой услуги, который, обеспечивая управляемых правилами, освобождал их от несвойственных им функций и создавал возможность повышения производительности, следовательно, заработной платы [1].

Система Тейлора предполагала гармонию и сотрудничество управляющих и управляемых. Гармония вытекала из того, что каждый на предприятии занимается своим делом, способствуя успеху предприятия. При этом Тейлор допускал и принудительное внедрение научной организации труда, считая, что рост производительности постфактум всех сделает её приверженцами.

В контексте рассматриваемой проблемы, заслуга Тейлора состоит в том, что он выдвинул требование научной обоснованности правил деятельности, поставил вопрос о более четкой и организованной работе по конструированию полей управляемости. Недостаток системы Тейлора - передача процесса конструирования в руки одних управляющих, сведение роли управляемых до исполнителей, хотя сам Тейлор понимал, что часто исполнитель больше знает о своей работе, чем руководитель.

В стремлении к рационализации управления, Тейлор руководствовался благородными пожеланиями роста производительности и разгрузки исполнителя от дополнительной организационной работы, отвлекающей их от непосредственного занятия и, фактически, уменьшающей заработок. Однако идея Тейлора, состоящая в том, что исполнители могут быть достаточно активными помощниками в создании предписаний, отошла на второй план. Поэтому в целом система Тейлора оказалась связана с пассивным представлением об управляемости, в соответствии с которым, конструирующая активность отдавалась управляющим. Управляемый должен был лишь активно исполнять предписания, при этом пассивно относиться к их содержанию. Такой дисбаланс активности и пассивности не мог не привести к проблемам с управляемостью. Отражением этого процесса стал поиск нормы управляемости для оказавшихся чрезмерно загруженными управляющих.

Идея нормы управляемости основана на ограничении числа лиц, непосредственно подчиненных руководителю. Согласно Л. Урвику: «Ни один руководитель не может непосредственно контролировать более чем пять или самое большее шесть подчиненных, работа которых взаимосвязана» [2, Стр. 116]. Если, как пишет Урвик, число подчиненных возрастает арифметически, то одновременно происходит геометрическое возрастание всех возможных комбинаций связей, которые потребуют внимания руководителя.

Дж. Грейкунас ввел особую математическую формулу для определения нормы управляемости. Согласно его расчетам, введение каждого нового сотрудника в сферу подчинения данному начальнику примерно удваивает число потенциальных отношений. Если начальник имеет четырех подчиненных, то введение пятого увеличивает число потенциальных отношений начальника на 20, число потенциальных отношений каждого сотрудника на 9 и общее число возможных отношений возрастает с 44 до 100. Если начальнику подчинены 18 чел., то число его потенциальных отношений возрастает до астрономической цифры—2359602.

В символическом виде эта зависимость может быть представлена так: $F=A+B+C= n((2^n-1)+n-1)$, где F - предельный для данной численности подчиненных объем контролируемых отношений; n - число подчиненных, A - предельное число прямых отношений; B - предельное число перекрещивающихся отношений; C - предельное число групповых отношений [3, Стр. 208].

Согласно формуле Грейкунаса, за пределом нормы управляемости возникает фикция внешнего контроля, которая заставляет делегировать часть властных функций вниз по иерархии, что в формализованном виде доказывает положения о происхождении иерархии из превышения нормы управляемости, выдвинутые Л. Урвиком и Л. Гьюиком.

Ч. Дэвис, продолжая исследование нормы управляемости, определил число подчиненных при физической деятельности в 30 человек, при умственном труде — от 3 до 8. Э. Дейл пришел к выводу, что в 100 обследованных им крупнейших американских фирмах число сотрудников, непосредственно подчиненных высшему администратору, равно ~ 8—9 [3, Стр. 117].

Количественно пыталась измерить управляемость и социология организаций, обосновывавшая норму неуправляемости на основе критерия осуществимости управленческих решений. Ф. Кутейщиков ещё в 1922 году выяснил, что в среднем выполняется 60-70% распоряжений администрации. 30-40% распоряжений либо не исполняется, либо просто не доходит до непосредственных подчиненных [4, Стр. 71]. А.И. Пригожин, проведя еще ряд исследований, фактически подтвердил выводы Ф. Кутейщикова. Средний показатель осуществимости управленческих решений 61,8%. Соответственно 38,2% неосуществленных управленческих решений - это показатель неуправляемости в организации. Показатель неуправляемости можно понизить с помощью контроля над качеством управленческих решений и их исполнением. Однако, во-первых, в большинстве организации этим редко кто занимается целенаправленно. Во-вторых, часто 38,2% неосуществленных управленческих решений не осознаются в организации как проблема, так как это общепринятая практика [5, Стр. 359].

Исходя из количественного измерения управляемости, социологическая и управленческая теории стали акцентировать внимание на границах управляемости для конкретных субъектов, на её возможно достижимой мере. На этой основе представления об управляемости стали связываться с управляемостью в определенных границах. Однако границы управляемости являются такими границами лишь для лица, принимающего решение, для изолированного, отдельно взятого субъекта, который воспринимает других субъектов как объект своей управленческой деятельности.

Принципиально иным было бы суждение об управляемости и её границах, если бы мы исходили не из изолированного управляющего субъекта, противопоставляющего себя другим как субъект объекту, а из ситуации субъект-субъектного взаимодействия. В таком случае, управляемость, достигаемая каждым из множества субъектов, может рассматриваться как общая управляемость ситуации. Она ограничена уже не зоной управления одного управляющего субъекта, а зоной всего взаимодействия, то есть потенциально безгранична и определяется лишь количеством субъектов. Такая управляемость является качеством не объекта, а субъекта управления, его способностью и готовностью к формулировке и достижению целей, основанных на определенных ценностях, совместно разделяемых с другими.

Переход от субъект-объектного к субъект-субъектному механизму обеспечения управляемости обусловлен новыми требованиями,

предъявляемыми современной экономикой. Рост темпов научно-технических изменений потребовал от организаций включения в инновационный процесс налаживания эффективной модели управления знаниями всего персонала. В данных условиях концепция самообучающейся организации предложила внедрять субъект-субъектный подход к обеспечению управляемости, позволяющий активизировать инновационную деятельность фирмы на основе коммуникации.

Представители концепции самообучающейся организации, изучая успешный опыт внедрения инноваций, обнаружили, что инновации чаще всего возникают на периферии организации, в недрах ежедневного рабочего процесса и реже бывают централизованно спланированы. Основной проблемой возникновения и распространения инновации является не ее формулировка топ-менеджментом и трансформация «сверху-вниз», а то, что многие потенциальные нововведения не обнаруживаются, не стимулируются должным образом или не находят применения [6, Стр. 32]. В таком случае, задача управления заключается не в создании инновационной стратегии и её насильственного внедрения (субъект-объектный подход), а в сосредоточении на способах обнаружения инновационных источников во всей организации, на возможности быстрого и конструктивного поддержания полезных инновационных идей, на адаптации их к различным сферам приложения. Это невозможно без активизации взаимодействия управляющих и управляемых субъектов, без продвижения инновационной стратегии «снизу-вверх» (субъект-субъектный подход).

В связи с этим необходимо представлять разработку инновационной стратегии организации как сферу объединения опыта и его развития. При этом взаимодействию и коммуникации придается решающее значение. Инновация в организации порождается не на уровне одинокого субъекта. Даже если он является инициатором инновационной стратегии, большинство инноваций возникает благодаря общему контексту и его обсуждению.

Концепция самообучающейся организации показывает, как способности субъектов проявляются только в условиях реального поведения под организующим воздействием конкретной ситуации. Например, в результате изучения поведения покупателей супермаркетов выяснено, что большинство из них в условиях лабораторных экспериментов не может произвести простые математические расчеты, однако, в магазине они внезапно демонстрируют более высокий уровень способностей. Если в начале движения между полками в торговом зале человек может находиться в состоянии неопределенности относительно выбора торговой марки и цен, то после покупки он способен вспомнить изменение цен на протяжении длительного периода и в деталях описать свое обоснование выбора определенной марки товара. Э. Ноэль в известной книге «Массовые опросы» описывает эту специфику поведения покупателей [7, Стр. 138]. Окружающая обстановка настолько важна, что вне привычной для субъекта среды, он может не распознать и отвергнуть то знание, которое разделял.

Таким образом, для предотвращения потери управляемости в случае быстрых изменений, характерных для современной экономики, необходимо, чтобы инновации собирались «снизу» или, чтобы инновации «сверху» и инновации «снизу» были бы взаимосвязаны, что требует создания определенной окружающей обстановки.

Представители концепции самообучающейся пытаются создать механизм восприятия организацией повседневных инноваций. Они предлагают рецепты для менеджеров при проведении перемен «снизу вверх». Сравнение этих рецептов с аналогичными рекомендациями субъект-объектного подхода дано (табл.).

Таблица

	Изменения «снизу вверх» субъект-субъектный подход	Изменения «сверху вниз» субъект-объектный подход
Диагностика проблемы	Стимулируйте участие в переменах путем совместного диагностирования бизнес-проблем... Побуждая сотрудников к совместному выявлению организационных проблем и вариантов их устранения, генеральный менеджер [подразделения] мобилизует их изначальную личную приверженность, что является необходимым условием инициации процесса перемен...	Развивайте в себе чувство безотлагательности. Проверяйте рыночные и конкурентные реалии; определяйте и обсуждайте кризисы, потенциальные проблемы и возможности своей организации.
Субъекты	Стремитесь к общему видению организации и управления конкурентоспособностью. Как только ядро группы сотрудников организации принимает на себя обязательства в отношении конкретного анализа проблем, генеральный менеджер должен постараться добиться всеобщего признания своей мировоззренческой концепции, нацеленной на устранение организационных проблем, что в свою очередь ведет к перераспределению ролей и ответственности...	Формируйте сильные коалиции руководителей. Создавайте группы, которые будут обладать достаточной властью для того, чтобы возглавить организацию в период перемен; побуждайте членов группы к совместной работе в команде.
Концепция	Старайтесь как можно быстрее прийти к консенсусу относительно новых представлений, компетенции, необходимых для их легитимизации и требующихся для их продвижения сплоченности...	Формируйте мировоззренческую концепцию. Ваше видение будущего направляет действия организации, а стратегии призваны реализовать предвидение.

Продолжение таблицы 1		
	Изменения «снизу вверх» субъект-субъектный подход	Изменения «сверху вниз» субъект-объектный подход
Консолидация и распространение	Распространяйте изменения по всем отделам, избегая проталкивания их сверху... Искушение силой внедрить новинки во всех отделах организации может быть очень велико, особенно когда назревает необходимость в быстрых переменах. Однако «проталкивание» запрограммированных изменений — большая ошибка, чреватая «коротким замыканием» процесса преобразований. Позвольте каждому отделу «изобрести свой велосипед» — то есть найти свой собственный путь к новой организации...	Обогащайте видение. Используйте любые средства, чтобы обогатить свое видение — в частности, видение новых стратегий; учитесь на примере руководящих коалиций. Предоставляйте другим право действовать в соответствии с их собственным видением. Преодолевайте возникающие на пути перемен препятствия, изменяйте системы и структуры, которые серьезно подрывают новое видение, поощряйте рискованные, а также нетрадиционные идеи и действия Консолидируйтесь в целях перестройки, стремитесь к переменам. Воспользуйтесь возросшим доверием к изменениям в системах, структуре и политике, пусть даже они не укладываются в рамки вашего видения. Принимайте на работу новых людей, обладающих собственными мировоззренческими концепциями и способных внедрять их в жизнь. Тем самым вы сообщите процессу перемен дополнительную энергию.
Закрепление и институционализация	Изменение институционализируется посредством проведения официальной политики, формальными системами и структурами... Новый подход должен укорениться...	Институционализируйте новые подходы. Четко определите взаимосвязи между новыми образцами поведения и успехом корпорации, разрабатывайте и применяйте методы повышения инициативности и преемственности.
Контроль и коррективы	В ответ на возникающие в процессе изменений проблемы осуществляйте контроль над реализацией стратегий, своевременно вносите коррективы... Назначение перемен — создать... обучающуюся организацию, способную приспосабливаться к изменяющейся конкурентной внешней среде... Кто-то может сказать, что за это отвечают менеджеры. Но мониторинг процесса перемен — общая задача всех сотрудников.	Определите краткосрочные цели и добивайтесь их достижения. Планируйте действия, которые приведут к видимому улучшению показателей деятельности, осуществляйте их, вознаграждайте сотрудников, принявших участие в акциях, которые в итоге привели к улучшениям.

Как мы видим, современные субъект-субъектный и субъект-объектный подходы в конкретной управленческой деятельности во многом схожи. Времена жесткого субъект-объектного подхода прошли, но различие особенно очевидно, когда речь идет об определении субъектов нововведений. Субъект-объектный подход призывает менеджера к саморазвитию и созданию коалиций руководителей, сотрудники мотивируются и вознаграждаются «сверху», не страшно и заменить часть из них на новых более подходящих людей, для обогащения актуально взаимодействие с коалициями руководителей из других сфер. Субъект-субъектный подход требует стимулирования участия и консенсуса даже с рядовыми сотрудниками, предоставляет им право на ошибки, акцентирует внимание на совместном мониторинге изменений, допускает создание ядра из наиболее активных сотрудников, но это ядро не должно перекрыть доступ к изменениям остальных, отрицает проталкивание изменений «сверху».

Вместе с тем, преимущества субъект-субъектного подхода, позволяющего проводить быстрые инновационные изменения без потери управляемости, имеют слабое отражение в теории организационных структур. Большинство традиционных организационных структур строится исходя из принципа нормы управляемости, сконструированной в недрах субъект-объектного подхода. В рамках таких структур хорошо реализуются отношения доминирования/подчинения, проводятся властные решения, а на коммуникацию и взаимообогащение сотрудников, их соуправление организацией они не ориентированы.

Более осознанным является применение коммуникативных моделей обеспечения управляемости в концепции горизонтального управления. Если иерархическое вертикальное управление — это подчинение объекта управления целям и задачам субъекта управления, то горизонтальное управление является взаимодействием управляющих и управляемых субъектов управления по совместной формулировке и достижению целей и задач. По мнению Кристера Ферлинга, смысл вертикального управления заключается во фразе: «Я вам говорю — вы делаете», поэтому оно базируется на трех так называемых «эс»: структура, система, стратегия. В горизонтальном управлении топ-менеджеры лишь формируют самое общее направление деятельности, дальше должны подключиться все остальные субъекты. Поэтому горизонтальное управление основано на трех «пи»: люди, цель и процесс (people, purpose, process) [9, Стр. 4].

Горизонтальное управление является гораздо более интенсивным источником развития, чем вертикальное. Однако оно очень коммуникативно насыщено, предъявляет большие требования ко всем субъектам. Совместное достижение целей делает ситуацию управляемой, но оно невозможно без согласия, взаимопонимания, взаимной предсказуемости действий.

Таким образом, современная управленческая теория видит будущее организационного управления за субъект-субъектным взаимодействием, предпочтительной организационной формой для которого выступает горизонтальное управление. Кьелл А. Нордстрем и Йонас Риддерстрале в своей знаменитой книге «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта» отмечают: «Обращаются ли в вашей фирме с сотрудниками, как с инвесторами? Это необходимо, потому что они и есть инвесторы интеллектуального капитала. Каждый день они отдают свои сердца и головы работе. А если они этого не делают, то вас скоро не станет» [10, Стр. 57]. Сотрудники являются деловыми партнерами, которые соотносят свой выбор данной организации с другими предложениями на рынке труда. Делая вложение труда именно в эту организацию, они несут все риски неэффективного вложения от потери времени до потери дохода.

Субъект-субъектный подход к обеспечению управляемости не повторяет известного тезиса о том, что каждая кухарка может управлять государством. Это невозможно и не нужно. У любого субъекта есть свое управляемое поле. «Все мы теперь лидеры. Может, не все из нас будут руководить ABB, IBM или чем-то подобным, но все мы все равно лидеры. Мы вынуждены быть ими» [10, Стр. 208].

Таким образом, современные управленческие теории предлагают перейти от субъект-объектного подхода к обеспечению управляемости, основанного на рациональном разделении труда на управляющих и управляемых, к субъект-субъектному подходу, требующему

коммуникативно насыщенных форм обеспечения управляемости с одновременным признанием равноправности участия в управлении. Данный переход позволяет организациям поддерживать управляемость при высоком темпе изменений и реализовывать инновационные стратегии. При этом представляется важным соблюдение принципов коммуникативного обеспечения управляемости.

1. Принцип уникальности опыта управления. Главным принципом традиционного научного менеджмента была передаваемость и тиражирование положительного опыта управления. Новый подход к управлению подчеркивает уникальность и непередаваемость опыта управления. Положительный опыт может служить ориентиром и давать надежду, но он основан на явной или неявной философии организации, которую невозможно взять и перенести в другое место. Субъект-субъектный подход порождает большую управляемость, но его нельзя внедрить, он вырастает «снизу». Вместе с тем, творческое изучение положительного опыта других поможет членам организации разработать собственные правила взаимодействия.

2. Принцип взаимного обучения, развития и управления совместными знаниями. Организация достигает успеха только благодаря людям-субъектам, которые общаются между собой, принимают решения и развиваются, совершенствуя свои навыки и навыки других. Совместно работая над взаимодействиями внутри организации, нельзя забывать внешних субъектов - деловых партнеров, представителей местных сообществ и т.д. Их также желательно втянуть в процесс совместного развития и самообучения.

3. Принцип доверия к людям и взаимной ответственности. Повысить эффективность работы, непрерывно выявлять скрытые проблемы без помощи каждого сотрудника организации невозможно. Доверие - экономически и социально выгодно. Контроль неэффективен и дорог, его следует минимизировать, создавая условия для развивая инициативы и ответственности, например, в рамках контроллинга.

4. Принцип сокращения иерархии и децентрализации. В течение длительного периода управленческая наука была уверена в том, что в фирмах и компаниях как сложных системах должна существовать иерархия, то есть упорядочение уровней подсистем, частей и элементов. Однако теперь теория управления рассматривает поддержку иерархии как затратную и малоэффективную в современном бизнесе, ориентированном на креатив. Желательна максимальная децентрализация, которая зависит от отраслевых особенностей.

5. Принцип критики делегирования полномочий. Делегировать можно только то, что ранее было отнято. У каждого субъекта изначально должны быть полномочия и своя зона управления.

6. Принцип учета общей, а не локальной эффективности. Необходимо изучать все последствия принимаемых решений для управляемости организации, а не только текущие и сиюминутные выгоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тейлор Ф.У. Научная организация труда. - М.: Транспечать, 1925.
2. Гвишиани Д.М. Организация и управление. Социологический анализ буржуазных теорий. - М.: Наука, 1970.
3. Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. - М.: Инфра «М», 2000.
4. Корицкий Э.Б., Нинчиева Г.В. Шетов В.Х. Научный менеджмент: российская история. - СПб.: Питер, 1999.
5. Пригожин А.И. Управляемость организации // Прикладная социология и менеджмент. - М.: Издательство МГУ, 1998.
6. Джонсон Дж., Хафф А. Повседневная инновация / Повседневная стратегия //Хэмел Г., Прахалад К., Томас Г., О' Нил Д. Стратегическая гибкость. - СПб.: Питер, 2005.
7. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. - М.: Прогресс, 1978.
8. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. - СПб.: Питер, 2000.
9. Краснова В. Когда в ресторане много свободных столиков. Интервью с Кристером Ферлингом // Эксперт. - 6 октября 2003. №37(392).
10. Нордстрем Кьелл А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. - СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002.
11. Рубцова М.В. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. - 2007. - № 12. - С. 32-38.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА И ИЗМЕРЯЕМОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

А. Я. Криницкий

Молодежь, молодежная политика, целевые программы, эффективность деятельности, показатели эффективности.

Тенденцией последнего десятилетия в России стало значительное повышение внимания государства к молодежи. Одновременно заметно усилилась и критика государственных молодежных программ со стороны общественности. Обозначенное противоречие актуализирует вопрос об эффективности молодежной политики проводимой государством.

Несмотря на важность проблемы эффективности, имеющей интегративное значение и позволяющей в совокупности рассмотреть структуру, функции, направления и принципы деятельности органов по делам молодежи, приблизить теорию к практике, в литературе ей уделено недостаточно внимания. К.И. Фальковская в своей диссертации в числе исследователей темы называет Г.В. Куприянову, В.В. Нехаева, Т.Г. Нехаеву, О.В. Татаринова [1, Стр. 3]. Можно также упомянуть отдельные материалы Стр.В. Устинкина и А.В. Рудакова [2], А.Я. Криницкого [3]. В последнее время появились попытки анализа проблемы применительно к частным аспектам работы с молодежью. В большинстве случаев исследователи лишь констатируют неразработанность темы [4] и декларируют необходимость выработки единых критериев оценки эффективности [5, Стр.123]. Парадоксальность ситуации, однако, заключается в том, что все программные документы и федерального и регионального уровней, определяющие направления развития молодежной политики, содержат разделы, посвященные вопросам мониторинга и эффективности проводимых мероприятий.

В течение 10 лет базовым подходом к реализации государственной молодежной политики являлся программно-целевой метод, использование которого немыслимо без проведения регулярного мониторинга и контроля эффективности осуществляемых мер. Реализовавшиеся федеральные целевые программы (далее ФЦП) «Молодежь России», помимо прочих, содержали разделы, посвящен-

ные оценке результатов программной деятельности. В ФЦП «Молодежь России (2001-2005 годы)» таковым является раздел «Оценка эффективности реализации Программы». Эффективность определяется через ожидаемые конечные результаты реализации Программы. Особого внимания заслуживает тот факт, что показатели результата, сформулированные в паспорте программы и в разделе «Оценка эффективности реализации Программы», совпадают лишь на 75-80%. В качестве значимых обозначены следующие показатели конечного результата:

- снижение темпов неблагоприятной динамики развития демографической ситуации;
- повышение уровня гражданского и военно-патриотического воспитания молодежи;
- улучшение физического здоровья молодого поколения;
- повышение уровня доходов молодежи и молодых семей;
- улучшение социально-бытовых и жилищных условий;
- снижение уровня безработицы среди молодежи на основе повышения квалификации и формирования соответствующих требований рынка трудовых ресурсов;
- увеличение числа учреждений по работе с молодежью; повышение деловой и социальной активности молодежи.

Несмотря на то, что об эффективности программы написано много [6], на самом деле сформированная разработчиками система показателей представляется недостаточно продуманной, не позволяющей четко фиксировать состояние молодежной среды. Отсутствуют базовые и ожидаемые значения показателей; индикаторы, отражающие их текущее состояние; детальная программа мониторинга, позволяющего отслеживать динамику изменений.

Больше внимания вопросам эффективности уделяют авторы принятой в декабре 2006 года «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации». Оценку реализации Стратегии предполагается проводить по двум группам результатов:

1) результаты, характеризующие ожидаемые улучшения в положении молодежи (повышение уровня здоровья, образования; уровня доходов молодых людей в сравнении с предыдущим периодом и доходами взрослого населения);

2) результаты, характеризующие вклад молодежи в социально-экономическое, общественно-политическое и социокультурное развитие страны (сокращение уровня молодежной безработицы; снижение уровня правонарушений среди молодежи; повышение деловой, предпринимательской, творческой, спортивной активности молодежи; повышение уровня самоорганизации и самоуправления молодежи).

Предложено иерархическое строение системы индикаторов и показателей:

- Основной обобщающий показатель - индекс развития молодежи, рассчитываемый по методологии ЮНЕСКО.
- Индикаторы достижения цели государственной молодежной политики, характеризующие деятельностное участие молодежи в социальной, политической и экономической жизни.
- Показатели реализации общенациональных проектов, характеризующие получение конкретных результатов в реализации Стратегии.

Сформированная система показателей, таким образом, выходит далеко за рамки собственно Стратегии, претендует на универсальность. Декларируя свой подход, авторы используют исключительно формы будущего времени и сослагательного наклонения, заявляя, что разработка комплексной системы измерения эффективности деятельности и положения молодежи является делом будущего. Основой для мониторинга, по их мнению, должна стать ФЦП «Молодежь России (2006-2010 годы)», которая до сих пор не принята.

Сказанное позволяет утверждать, что федеральные программы не дают исчерпывающего ответа на вопрос о показателях эффективности молодежной политики и способах их измерения, вынуждают региональных законодателей решать его самостоятельно. Во многом региональные модели оказываются эффективнее федеральных, на что однозначно указывается в материалах Государственных докладов о положении молодежи в России (1993, 1995, 1996, 1998, 2000, 2002 гг.) [7, Стр. 42-43].

В целях выявления типичных подходов к решению вопроса об эффективности молодежных программ, а также наиболее востребованных показателей эффективности нами были проанализированы программы 27 регионов Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Федеральный округ	Регионы
Дальневосточный	Магаданская область, Республика Саха (Якутия)
Сибирский	Алтайский край, Кемеровская область
Уральский	Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Тюменская область
Приволжский	Нижегородская, Ульяновская, Саратовская, Пензенская области, Удмуртская, Чувашская республики
Южный	Астраханская область, Республика Калмыкия, Краснодарский край
Центральный	Белгородская, Московская, Тверская, Тульская, Липецкая, Орловская области, Москва
Северо-Западный	Архангельская, Калининградская Ленинградская области, Республика Коми

Базовые тенденции, выявленные в процессе исследования, представим в виде тезисов.

Первое. При выборе критериев эффективности имеет место копирование подхода и стандартов федеральной программы. В частности, тезис ФЦП о том, что «эффективность реализации Программы оценивается по показателям, характеризующим качество жизни молодых людей, их социальную интеграцию в общество», воспроизводится в программах Пензенской, Ульяновской областей, республики Якутия. Нередко разработчики переносят в свои программы показатели федеральной программы. Показатель «повышение уровня гражданского и военно-патриотического воспитания молодежи» находим в программах Ленинградской и Магаданской областей. Показатели «повышение уровня доходов молодежи и молодых семей» и «улучшение социально-бытовых и жилищных условий», объединенные в один универсальный, включены в тексты программ Пензенской и Ульяновской областей. Использование подобного подхода закономер-

но и имеет очевидные плюсы: 1) позволяет избежать необходимости обосновывать целесообразность нововведений; 2) упрощает процедуру ведения обязательной отчетности перед федеральным центром. Чрезмерное копирование, однако, не позволяет в достаточной степени учитывать специфику региона.

Пересечение с ФЦП есть почти во всех региональных программах, что обуславливает схожесть (стереотипичность) предлагаемых наборов показателей. Наиболее популярные, с учетом модификаций в формулировках являются (табл. 2):

Таблица 2

Показатель	Частота использования
Уровень молодежной безработицы	8 программ
Охват детей и молодежи общественными объединениями	6 программ
Повышение электоральной активности молодежи	5 программ
Улучшение демографической ситуации	
Повышение уровня доходов молодежи и молодых семей	
Увеличение количества молодых людей, вовлекаемых в организованные формы досуга в молодежных центрах клубов	4 программы
Снижение доли преступлений, совершенных молодыми людьми	
Увеличение количества молодежи, занимающейся физической культурой и спортом	
Охват молодых людей мероприятиями молодежной политики	3 программы
Число специалистов по работе с молодежью, прошедших целевую подготовку и переподготовку	
Увеличение числа воспитанников военно-патриотических клубов и объединений	
Число молодых людей, участвующих в деятельности органов власти разного уровня	
Увеличение численности временно трудоустроенных подростков и молодежи	
Рост деловой активности и предприимчивости молодежи	

Второе. Методологическая и терминологическая непродуманность. В большинстве случаев разработчики трактуют эффективность реализации программы как достижение ее целей и задач. Показатели результата и показатели эффекта смешиваются. Доказательством могут служить названия разделов, в которых освещаются вопросы эффективности реализации программных мероприятий.

Несмотря на различие названий, содержание перечисленных разделов идентично. Областная целевая программа «Молодежь Липецкой области (2006 - 2010 годы)» содержит раздел «Оценка эффективности реализации Программы», в котором заявляется, что «Выполнение мероприятий Программы позволит...». Речь идет о результатах деятельности. Лишь после этого, формулируются показатели достижения цели и задач, которые могут быть интерпретированы как индикаторы эффективности.

Третье. Формальный характер предлагаемых наборов показателей. Лишь в незначительном количестве программ показатели носят конкретный характер, ориентируют на достижение четко обозначенного и имеющего числовое выражение результата (4 программы). Наиболее распространено включение абстрактных показателей, отражающих исключительно вектор развития (15 программ). При этом отсутствуют описания показателей, способы их расчета, числовые индикаторы, источники, способы и периодичность сбора информации. Популярным также является сочетание конкретных показателей с абстрактными (8 программ).

Вызывают вопросы формулировки показателей. В ряде случаев они представляются недопустимыми: 1) объединяющими несочетаемые элементы - «снижение темпов безработицы, преступности» (программа «Молодежь Астраханской области» на 2006-2009 годы); 2) чрезмерно абстрактными - «развитие содержательных форм организации свободного времени подростков и молодежи» (среднесрочная региональная целевая программа «Молодежь Кузбасса» на 2006-2008 годы), «улучшение эффективности системы по формированию духовных и гражданских ценностей» (Целевая программа «Молодежь Югры» на 2006-2008 годы); 3) излишне обобщающими - «повышение духовно-нравственного, интеллектуального и творческого потенциала молодежи» (программы Архангельской, Белгородской, Кемеровской, Магаданской, Тульской областей).

Таким образом, анализ региональных программ также заставляет констатировать, что вопросы эффективности занимают периферийное значение в стратегиях реализации молодежной политики. В отдельных случаях это открыто признают руководители отрасли. А.В.Варакин, председатель комитета по делам молодежи администрации Волгоградской области, основываясь на данных опроса руководителей городских и районных администраций, работников органов по делам молодежи, лидеров общественных объединений, отмечал в 2000 году, что всего 9% респондентов фиксируют эффективность региональной политики. Особенно сильны критические настроения среди руководителей комитетов по делам молодежи, на них возложена ответственность за исполнение молодежных программ, и они предъявляют более высокие требования к их содержанию и механизму реализации [8, Стр. 50].

Впрочем, можно вести речь и об отдельных исключениях из правил. Интересными и заслуживающими тщательного анализа представляются системы мониторинга эффективности, заложенные в программы Москвы, республики Коми, ХМАО (Югра), Тюменской области.

Разработчики городской целевой программы «Молодёжь Москвы» (2007-2009 гг.), формируя основы мониторинга эффективности деятельности, сделали акцент на 3-х принципах:

- 1) автоматический режим мониторинга, позволяющий проводить его вне зависимости от позиций конкретных исполнителей;
- 2) соотнесенность системы измерителей Программы с общими показателями развития города и, таким образом, рассмотрение

молодежной политики как системы высококоррелябельных инвестиций в будущее Москвы;

3) комплексный характер системы показателей, включающей:

- интегральные (количественные и качественные) показатели;
- конкретные показатели реализации отдельных направлений Программы;
- целевые индикаторы (в том числе, «глубина проникновения», «интенсивность», «структурное качество», «ресурсоемкость», «качество среды»).

Эффективность целевой программы «Молодежь Югры» на 2006-2008 годы поставлена разработчиками в прямую зависимость от текущих результатов деятельности в отрасли. Система показателей складывается из показателей, выявляемых в социологических опросах и экспертной аналитике, и количественных показателей. Сводный показатель по каждому из направлений представляет совокупность показателей частного порядка, имеющих собственные числовые значения на начало и конец действия Программы.

Большое внимание анализу эффективности молодежной политики уделяется в Тюменской области. Областная целевая программа «Основные направления развития физической культуры и спорта, молодежной политики в Тюменской области на 2006-2008 годы» включает ~ 20 показателей, по которым осуществляется ежеквартальный мониторинг. Все показатели разделены на показатели эффекта и показатели результата. Показателем эффекта в сфере молодежной политики является: численность участников массовых мероприятий по направлениям молодежной политики. Базовыми показателями результата являются: 1) численность молодежи, проходящей подготовку к военной службе; 2) численность молодежи, охваченной массовыми мероприятиями патриотической направленности; 3) численность детей и молодежи, участвующей в деятельности молодежных и детских общественных объединений; численность безработной молодежи, зарегистрированной в органах государственной службы занятости; 4) численность временно занятой и трудоустроенной молодежи; численность молодежи, охваченной работой Клубов молодой семьи. Для каждого показателя определены назначение и характеристика показателя; источники и периодичность получения информации; периодичность мониторинга, сроки предоставления контрольных данных в Департамент экономики.

Представленные подходы значительно отличаются друг от друга, еще более затрудняя вопрос выбора универсального инструмента для мониторинга. Актуальной, таким образом, является задача выработки единой универсальной системы мониторинга эффективности государственной молодежной политики. Ставя такую задачу, следует учитывать ряд факторов.

Первое. Многозначность термина «эффективность» и эффективность как управленческая категория. Существенными являются следующие трактовки: 1) эффективность как соотношение затрат и результатов деятельности органов по делам молодежи (практическая эффективность или экономичность); 2) эффективность как качество реализуемых программ с точки зрения субъектов, на которых они непосредственно ориентированы: различных групп молодежи, конкретных личностей (потребностная эффективность или выгодность); 3) эффективность как качество получаемого на выходе результата, в нашем случае – качество потенциала подрастающего поколения, степень его соответствия (несоответствия) задаваемым обществу стандартам (целевая эффективность или надежность). Каждая из приведенных трактовок предполагает построение принципиально иной системы критериев эффективности. В то же время, универсальной может быть только та система, которая позволит совместить все три подхода к пониманию эффективности государственной молодежной политики.

Второе. Наличие стандарта оценки эффективности деятельности органов управления, который может быть использован как основание для формирования системы мониторинга. В разработанных Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации «Методических рекомендациях по подготовке докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования» мониторингу деятельности органов управления посвящены раздел 3 «Результаты деятельности» и раздел 5 «Результативность бюджетных расходов» [9]. Документ четко прописывает следующее:

- виды показателей, наличие которых является обязательным (показатели непосредственных результатов деятельности, характеризующие объем и качество государственных услуг, оказанных субъектом бюджетного планирования и подведомственными ему распорядителями и получателями бюджетных средств внешним потребителям; показатели конечных результатов деятельности субъекта бюджетного планирования, характеризующие эффект для внешних потребителей от государственных услуг, оказанных субъектом бюджетного планирования и подведомственными ему распорядителями и получателями бюджетных средств);
- количество показателей, необходимых для оценки реализации программных мероприятий (количество показателей для одной цели (задачи, программы), как правило, не должно превышать 3-5, в случае использования большего количества показателей рекомендуется разделить их на основные и дополнительные. При этом особо оговаривается, что при разработке системы показателей (индикаторов) следует руководствоваться принципом минимизации количества отчетных показателей при сохранении полноты информации и своевременности ее предоставления);
- требования, которым должны соответствовать показатели (адекватность отражения происходящих социально-экономических изменений; объективность; достоверность; экономичность; сопоставимость; своевременность и регулярность; полнота);
- требования к представлению показателей (по каждому должны приводиться: - фактические значения за отчетные 2 года; плановые или прогнозируемые значения за текущий год; целевые (планируемые) значения).

Третье. Зависимость эффективности молодежной политики от факторов внешней среды. То, что в одном регионе можно рассматривать как высокие показатели эффекта, в другом будет считаться низкими. Как справедливо в связи с этим отмечает Е.Б. Балашов, «необходимо учитывать, в том числе социально-экономические возможности и условия региона, демографические, этнические, социокультурные особенности, научно-образовательный, административно-управленческий потенциал, региональные социальные традиции и нормы» [10, Стр. 16-17]. Таким образом, при формировании системы мониторинга необходимо накладывать универсальные показатели на специфические особенности конкретного региона.

Четвертое. Наличие мирового и отечественного опыта анализа эффективности молодежной политики, требующего тщательного анализа и использования положительных, хорошо зарекомендовавших себя в работе принципов и критериев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фальковская К.И. Влияние органов по делам молодежи на эффективность социальной работы с молодежью. Дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004.
2. Устинкин С.В., Рудаков, А.В. О критериях оценки эффективности государственной молодежной политики // Молодежь в рос-

сийских регионах: перспективы гражданского и профессионального становления. Сборник материалов. Издание Совета Федерации. - М., 2006. - Стр. 141-152.

3. Криницкий А.Я. «Мнение молодежи» в системе критериев оценки эффективности региональной молодежной политики // Духовно-нравственные ценности в образовательном пространстве России. VII Рождественские образовательные чтения: материалы всерос. науч. конф. 5-6 февраля 2008 г. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2008. - Стр. 329-333.

4. Молодежная политика пройдет проверку на эффективность // Народная газета. Ульяновск. - 2006. 07.27. - №56. - Стр. 1.

5. Рожнов О.А. Управление молодежной политикой в современной России. Дис... канд. социол. наук. - М., 2006.

6. Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001-2005 годы)»: эффективность и перспективы / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. - 2004. - № 31 (251).

7. Кочетков А.В. Формирование системы законодательства о государственной молодежной политике в России XXI века // Молодежь и будущая Россия. Мат. второй всерос. науч.-практ. конф. - М., 2006. - Стр. 39-46.

8. Варакин А.В. Об опыте и некоторых проблемах реализации государственной молодежной политики на региональном уровне // Государственная молодежная политика: опыт, прогнозы, приоритеты / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. - М., 2000. - №4 (116). - Стр. 50-55.

9. Методические рекомендации по подготовке Докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования // Российская бизнес-газета. - 2004.06.22. - №464.

10. Балашов Е.Б. Молодежная политика как объект правового регулирования в субъекте Федерации (На примере Москвы). Дис... канд. юрид. наук. - М., 2002.

ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Г. С. Корепанов

Инновации, инновационное развитие, инновационный потенциал, социальное развитие, экономический потенциал.

В современной России на государственном и региональном уровнях четко определен приоритет инновационного развития для нашей страны. И. Бестужев-Лада отмечает, что «энергичными носителями инновационных сил, по причине самого характера нововведений <...> является относительное меньшинство населения, зачастую всего лишь отдельные личности или даже только одна-единственная личность» [1, Стр. 11]. Он не отрицает тот факт, что «инновационный потенциал в той или иной степени свойствен каждому или почти каждому человеку» [1, Стр. 11]. Факт «избранности» инноватора отмечает и Т.И. Заславская, указывая в своих работах на то, что население делится на разные слои и группы, у каждого из которых свой уровень инновационного потенциала и степень проявления инновационной активности. Так, по ее мнению, наиболее активными в инновационном плане могут быть только средние слои населения. Утверждается, что инновационный тип развития в принципе не осуществим без активного участия в общественно-политических преобразованиях интеллигенции (образованного слоя общества) в качестве носителя инноваций и национального интеллекта. [2, Стр. 250]. К числу представителей этих слоев, по мнению Т.И. Заславской, относятся предприниматели, менеджеры, ученые, профессионалы, чиновники и военные. Она поясняет причину инновационной пассивности остальной части населения: «энергию базового и нижнего слоя целиком поглощают проблемы личного выживания» [3].

На инновационную активность населения оказывают непосредственное влияние внешняя социально-экономическая и внутренняя социальная среда. Если первая является более или менее определенной и «довлеющей» над инноватором, то последняя оказывает влияние не так явно и является более ощутимой, так как включает ценностные и поведенческие установки личности, ментальность, культурную среду, восприимчивость деловой среды страны (региона) к инновациям.

Аналогичного мнения придерживается ряд ученых, среди которых Е.С. Балабанова, А.О. Грудзинский, Н.Е. Тихонова и О.И. Шкаратан и другие отечественные и зарубежные исследователи.

«Человек со всеми его запросами становится главной целью современного общества. Его быт, материальное благополучие, здоровье, духовные запросы — тот общественный индикатор, с помощью которого определяются направления инвестиционной, социальной, экономической и научно-технической политики» [4, Стр. 226].

Инновационный потенциал — один из факторов, определяющих на сегодняшний день главные тенденции социально-экономического развития. Отметим, что запас инновационных качеств человека — результат накопления, который требует от самого человека и всего общества определенных затрат.

Говоря о процессах, происходящих в обществе, необходимо учитывать те колоссальные изменения, которые произошли в экономике, внутренней и внешней политике нашей страны за последние годы. Прежде всего, это высокая динамика развития экономики России. Согласно опубликованным данным, если за последние 9 лет ВВП всего мира вырос на 46,4 %, то ВВП России — на 80 %. Постоянно увеличивается рост инвестиций — прямые иностранные инвестиции в 2007 году выросли почти в 2 раза.

Резко увеличилось государственное участие в развитии реальной экономики. Основным механизмом развития российской экономики становится частно-государственное партнерство. В 2007 году созданы мощные государственные корпорации в различных областях экономики. Это способствует отходу экономики от односторонней сырьевой ориентации. Результатом такой политики можно назвать то, что в 2007 году добывающая промышленность выросла на 2 %, а обрабатывающая — на 9,4 %, в том числе машиностроение — более чем на 20 %.

Экономика переводится на инновационные рельсы. В этой сфере превалирует целенаправленное государственное регулирование и поддержка развития технологий двойного назначения.

Россия получила уникальную возможность использования для развития экономики средств от высоких мировых цен за экспортируемое сырье. Резко увеличены золотовалютные запасы. Создан стабилизационный фонд. Сегодня необходимо вложение этих средств в диверсификацию экономики, первым шагом к чему является разделение в феврале 2008 года стабилизационного фонда на Резервный и Фонд национального благосостояния.

Президентом России поставлена задача перехода к качественно новой социальной политике — политике социального развития. Речь идет о формировании современной социальной среды, работающей на улучшение здоровья человека, его образования, жилья, условий труда, повышение конкурентоспособности и доходов, в конечном счете — на улучшение всех сфер жизнедеятельности российского населения.

При этом в жизни страны сохраняется много проблем, на решение которых должны быть направлены усилия и органов власти, и науки. Не завершена административная реформа. Недостаточны организационные меры, направленные на инновационное развитие экономики. Например, в России в 5 раз больше ученых на тысячу населения, чем в Китае, в то же время на мировом рынке наукоемкой продукции доля Китая достигла 6%, а России - около половины процента.

Экономическое развитие государства все более ориентируется на подъем уровня жизни населения. Это выражается, в частности, в том, что в 2007 году рост реальных доходов населения почти в полтора раза превысил рост ВВП. На эти цели направлена и реализация приоритетных национальных проектов, которые должны приобрести многолетний характер. Особенно это должно сказаться на выходе России из демографического кризиса. Причем не только в плане общего роста населения, а и в плане прекращения оттока населения из азиатской части России в европейскую. Решение данной задачи может обеспечить лишь опережающее среднероссийский уровень социально-экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока.

Во внутренней политике происходит совершенствование вертикали власти и федерального государственного устройства России. В то же время, остро проявляется необходимость передачи основных экономических прав от центра регионам и, соответственно, от регионов - муниципалитетам. Необходимо оптимизировать налоговое распределение средств между федеральным центром, регионами и муниципалитетами, стимулировать деятельность субъектов Федерации и муниципалитетов, направленную на дальнейшее экономическое развитие.

Экономический потенциал Тюменской области подтверждается абсолютной величиной вклада в формирование валового внутреннего продукта Российской Федерации. По объему валового регионального продукта в расчете на душу населения область не имеет себе равных в России. Тюменской области совместно с Ханты-Мансийским - Югрой и Ямало-Ненецким автономными округами принята и реализуется областная целевая программа «Сотрудничество», которая направлена на сохранение общественно-политической стабильности, создание более качественных условий жизни населения и активное социально-экономическое развитие территорий.

С 2005 г. наблюдается положительная динамика показателей, характеризующих уровень жизни населения. По величине среднедушевых денежных доходов население тюменского региона в 2007-м году занимает шестое место среди регионов России. Реальные располагаемые денежные доходы населения области по сравнению с предыдущим годом выросли на 11%.

Среднемесячная номинальная заработная плата в регионе стабильно высока и по этому показателю область занимает 2-е место в России. Однако анализ динамики абсолютных и относительных доходов населения показал тенденцию дальнейшего снижения относительных показателей уровня жизни на юге области (кроме Тюмени) и рост этих показателей в Югре. ЯНАО характеризуется огромными разрывами по уровню доходов между городами и районами на уровне поселений.

С 2005 г. по 2007 г. с 43 позиции по размеру среднемесячной пенсии область переместилась на 14 в стране. Это позитивный факт, но такого роста явно недостаточно, ибо в области наряду с высоким уровнем средних доходов населения также высоки и цены.

Важнейшим показателем уровня развития региона является образовательный комплекс. В 2006/2007 учебном году подготовки специалистов с высшим образованием занимались 20 высших учебных заведений и сеть филиалов, где обучалось 168,4 тыс. студентов. Профессорско-преподавательский состав в них насчитывал 6,8 тыс. человек, в том числе 3 тыс. кандидатов и 0,7 тыс. докторов наук. Однако отметим, что характерная для России тенденция к старению научных кадров наблюдается и в нашей области.

Тюменская область относится к числу регионов с наиболее высокой инвестиционной активностью и занимает 5 место среди субъектов РФ по объему инвестиций в основной капитал на душу населения.

Одной из насущных проблем области, требующих первоочередного решения, является существенное отставание показателей качества жизни населения в регионе даже по среднероссийским меркам. В первую очередь это жилье, здравоохранение и качество питания. В области высока заболеваемость, которая к тому же имеет возрастающую динамику. Высокая смертность сопровождается низкой рождаемостью населения на юге области и в ЯНАО. Детская смертность за последние 15 лет понизилась на 60%, в первую очередь за счет ХМАО и юга области, в ЯНАО снижение детской смертности шло несколько меньшими темпами - 43,5%.

Одним из родовых признаков общества знания является формирование гражданского общества. Руководители нашего государства, ученые, общественные деятели неоднократно отмечали, что институты гражданского общества в нашей стране формируются недостаточно эффективно. В тюменском регионе заметно снижение зарегистрированных общественных объединений в последние два года (см. рис.1).

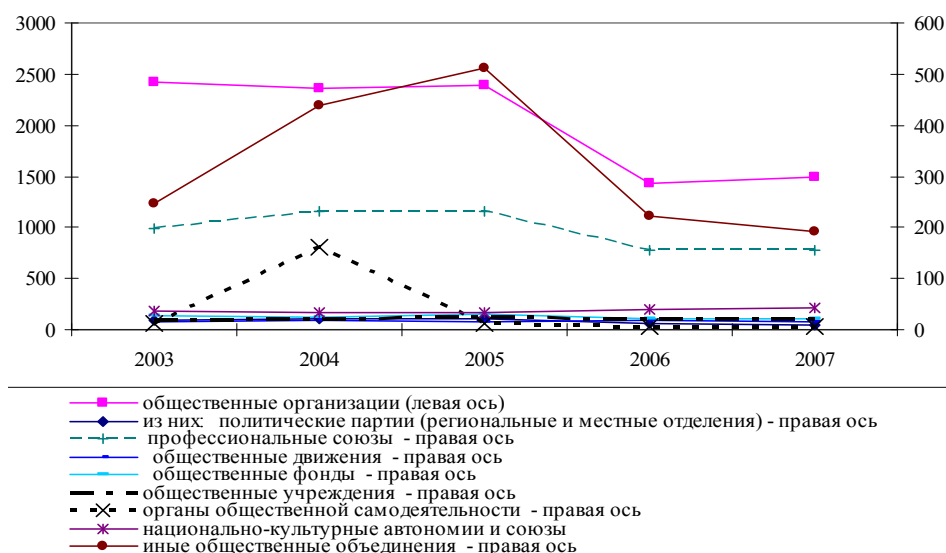

Рис.1. Количество зарегистрированных общественных объединений (по данным Управления Министерства юстиции России по Тюменской области)

Вышеперечисленные проблемы отягощаются относительно низким (по сравнению даже со среднероссийским) уровнем инновационной активности населения Тюменской области.

Чрезвычайно важной проблемой является растущий уровень неравенства доходов богатых и бедных граждан, который значительно превышает показатели не только экономически развитых, но и большинства развивающихся стран.

В России слабо развит малый и средний бизнес, служащий главным источником пополнения среднего класса.

В исследовании «Социологический портрет региона» [5] предпринята попытка выделения социальных уровней – слои нижний, ниже среднего уровня, средний, выше среднего уровня и верхний слой. Учитывая то, что при ответе на вопросы самоидентификации люди в первую очередь оценивают свое положение относительно ближайшего окружения, рассматривалась принадлежность респондента к социальному слою, исходя из ответов на группу вопросов, прямо или косвенно определяющих социальное положение респондентов: самооценка материального положения, самооценка уровня по социальным слоям, наличие подчиненных, уровень образования, доступность и обеспеченность основными современными благами.

Верхний слой – 3,7% населения – это преимущественно мужчины с высшим образованием, мужчин в верхнем слое больше, чем женщин в 2,5 раза. Возраст представителей региональной элиты с наибольшей вероятностью либо от 25 до 29 лет, либо от 40 до 44 лет. Революционные преобразования, прошедшие в нашей стране в конце прошлого века привели к тому, что традиционная смена поколений в иерархической лестнице оказалась нарушена. Люди от 45 до 55 лет выпали из системы «социального лифта», уступив место более молодому поколению, которое формировало свою профессиональную карьеру уже в новых условиях. Верхний слой – это в основном городское население. Слой выше среднего – 17,2% хотя и незначительно, представлен сельским населением. Более подробный анализ показал, что, приезжие респонденты, прожившие в Тюменском регионе более 5 лет с большей вероятностью попадают в слой выше среднего, чем местные жители. Представителям разных слоев населения был задан вопрос: «Участвовали ли Вы в последние 5-ти лет в создании и/или внедрении чего-либо нового?» (рис. 2).

"Участвовали ли Вы в последние 5 лет в создании и/или внедрении чего-либо нового?" / социальные слои

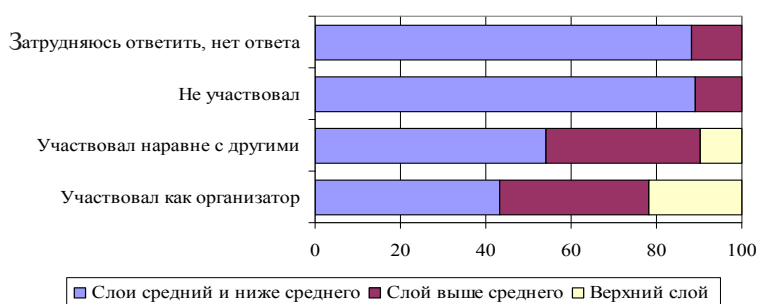

Рис. 2. Распределение социальных слоев среди категорий населения по уровню инновационной активности (% по столбцу)

Главный вывод заключается в том, что признаком, в наибольшей степени отличающим носителей выделенных нами двух верхних социальных слоев, оказался уровень инновационной активности (см. рис.2). Все респонденты, которые попали в верхний слой, относятся к тем, кто принимал участие или организовывал инновации в последние 5 лет, причем организаторы инноваций в элите встречаются чаще, чем исполнители в два раза. Послевузовское образование присуще представителям верхнего слоя в 2,5 раза опережая тех, кто имеет одно высшее.

Инноваторы оказываются наиболее активными не только в экономической жизни, но и в культурной. Инноваторы более позитивны в оценках по отношению к своей жизни, перспективам, и ко всему региону в целом.

Социально значимым аспектом в ответах респондентов явилось наличие патриотических чувств к своей малой родине. При этом показателен тот факт, что высокий социальный уровень респондента определяет более позитивные оценки региона. При переходе от низшего уровня к верхнему частота ответов «В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах» возрастает в 1,6 раза.

На основе ответов на вопрос «В чем, по Вашему опыту, заключаются особенности нашего региона, его привлекательные и непривлекательные черты?» вычислен коэффициент оценки достоинств и недостатков региона как разность доли положительных и отрицательных ответов по каждому из вариантов (рис. 3).

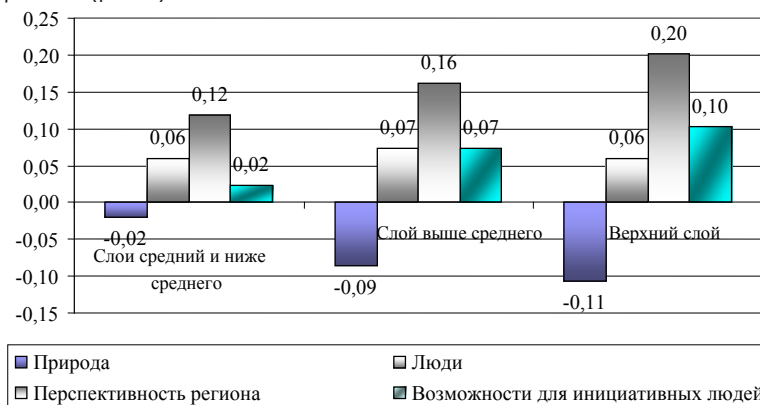

Рис. 3. Оценка достоинств и недостатков региона по социальным слоям, $K_{оценки}$

Оценки достоинств и недостатков в жизни региона существенно отличаются по своему качеству. Если для бедных важна красивая природа, то для региональной элиты – возможности, которые предоставляет регион, его перспективность.

В постсоветской России для характеристики определенного слоя российского населения появился термин «элита». Представляется, что при изучении взаимоотношений элиты и общества следует понимать, что «элита» это не просто те, кто живет лучше других, но и те, кто идентифицирует себя с данной территорией. Это социальный слой, цели и интересы которого совпадают с интересами территории, как места, с которым связаны его материальные, имущественные, личностные стратегические планы.

Региональная элита более позитивна в эмоциональных оценках региона, более удовлетворена жизнью в целом, она более оптимистична, и более активна. Основным стратифицирующим фактором оказывается уровень инновационной активности. Политика власти должна быть направлена на повышение уровня инновационной активности не только определенной части жителей, но всего населения региона, что является основой перспективного развития региона и роста благосостояния его жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование. Курс лекций /И.В. Бестужев-Лада. - М.: Педагогическое общество России, 2002.
2. Куда пришла Россия?. Итоги социетальной трансформации / [под общ. ред. Т.И. Заславской]. - М.: Интер-центр, 2003.
3. Заславская Т.И. Инновационно-реформаторский потенциал России и проблемы гражданского общества [Электронный ресурс] / Т.И. Заславская // www.msses.ru/tiz/23.pdf
4. В.Н. Иванов, В.И.Патрушев Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления, М. 2001.
5. Социологический портрет региона. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2007.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Л. В. Савинов

Этнополитическое пространство, автономный округ, объединение кругов, референдум, этнические группы, этнополитика.

В постсоветской России за годы социально-экономических и политических трансформаций этнополитические процессы существенно изменили содержание. Сегодня угроза сецессии, как центральная проблема этнополитики, сменилась новыми вызовами, связанными в большей степени с объединением субъектов Федерации и миграционными процессами. При этом изменились не только сама этнополитика, но и дискурс и социальная практика. Однако в региональном содержании этнополитика и этнополитические процессы в современной России имеют свою специфику, которая требует дополнительного анализа.

Значимым фактором, определяющим этнополитическое пространство Сибирского федерального округа (СФО), является сохранившееся с советского периода политическое «ранжирование» народов и, соответственно, их административно-территориальных образований: края и области, республики и округа. Сибирский федеральный округ асимметричен не только экономически, но и политически, как асимметрична сама Российская Федерация. Однако в Сибирском регионе такая асимметрия наиболее выражена и потому уникальна.

Фактическое ранжирование коренных сибирских народов проявилось, к примеру, в ходе объединительных процессов. Таймырский и Эвенкийский автономные округа вошли в состав Красноярского края лишь в статусе муниципальных районов. При этом Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (У-ОБАО) и Агинский Бурятский автономный округ (АБАО) вошли в состав соответственно Иркутской и Читинской областей административно-территориальными единицами с особым статусом, то есть фактически сохранив название округов.

При этом специфика объединительного процесса в Восточной Сибири определялась комплексом социально-политических, административно-управленческих, социокультурных и иных факторов:

- уникальностью автономии бурят в составе Российской Федерации, имеющих политическую автономию в рамках трех этнонациональных субъектов – республики и двух автономных округов;
- влиянием объединения округов на этнополитические процессы в самой Республике Бурятия. Прежде всего усилением этнонационалистических настроений, угрозами этнонационального экстремизма и значительной этнизацией политической сферы;
- принципиальным отличием социально-политической ситуации в У-ОБАО и АБАО от ситуации, связанной с объединением Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов с Красноярским краем (структура и численность населения, базовые социально-экономические и социокультурные статусы титульного населения и т.д.);
- возможным негативным потенциалом этнополитических процессов, инициированных объединением, во многих этнонациональных субъектах РФ, главным образом в республиках. В большинстве из них этнонационалистические силы рассматривают эти объединительные процессы как начало более широкого и масштабного процесса «ликвидации» автономий;
- историческим и социокультурным контекстом объединительного процесса – память о репрессиях бурятской интеллигенции в 30-е годы XX века и расчленение в 1939 году Бурят-Монгольской автономной республики;
- чрезмерным использованием в ходе объединительного процесса административного ресурса, вызвавшего усиление негативной реакции части бурят и главным образом интеллигенции как ответа на вызовы их этнической идентичности.

Анализ общественно-политической ситуации в ходе объединительного процесса в Сибирском федеральном округе позволяет сформулировать вывод о достаточной этнополитической стабильности в регионе. Ни в одном из случаев настроения, определяемые негативным восприятием процесса объединения, не имели широкого распространения. Эти настроения и не могли быть доминирующими в силу слабости этнополитических акторов, оппозиционных процессу укрупнения. Имеющееся недовольство части этнотитульного населения не было подкреплено ни интеллектуальными, ни иными ресурсами. Не было лидеров общественного мнения и сколько-нибудь серьезных общественных объединений и движений, способных мобилизовать антиобъединительные настроения.

В тот момент для жителей автономных округов наиболее актуальными были четыре вопроса: каков статус новых образований; как сохранится этнокультурная автономия; как будет развиваться базовая отрасль экономики округов – сельское хозяйство и сельскохозяйственная переработка; каковы перспективы развития социальной сферы. По всем этим вопросам структурами государственной власти и управления разных уровней разработаны и приняты конкретные политические решения. Однако их реализация до сих пор под вопросом.

Наблюдение как подготовки референдумов по объединению округов, так и самих референдумов, а также углубленные интервью с жителями объединяемых субъектов показывают, что использование административного ресурса в ходе агитационной кампании было чрезмерным и носило открытый характер. Органами государственной власти и местного самоуправления выстроена жесткая вертикальная система обеспечения положительного результата. В нее включили почти все ветви государственной власти: законодательную, исполнительную и судебную. Тотальным было использование агитационно-пропагандистских возможностей средств массовых коммуникаций.

Одновременно установили почти цензурный контроль над СМИ. Противники объединений были лишены информационного сопровождения и доступа к широкой телевизионной, радио и печатной аудитории. Одним из ярких примеров жестких действий властей на информационном поле стало изъятие 8 апреля 2006 года в г. Улан-Удэ тиража печатной продукции, агитирующей против объединения У-ОБАО и Иркутской области. В типографии «Бурятского книжного издательства», распечатавшей продукцию, произвели обыск. В самом округе скандалом завершился запрет окружными властями на показ первого художественного фильма на бурятском языке «Последний нукер Чингисхана».

На этом фоне единственным информационным каналом противников референдума был Интернет, который они успешно использовали. На сайтах buryatia.org, ust-orda.com, aginsk.com была представлена жесткая оппозиция самой идее объединения бурятских округов с Иркутской и Читинской областями. Контент-анализ оппозиционных объединению и официальных интернет-ресурсов, поддерживающих объединение (www.38plus85.ru), показал, что последние проиграли в информационном противостоянии.

Необходимо отметить острую реакцию противников объединения бурятских округов с Иркутской и Читинской областями на любую информацию о субъектности Республики Бурятия и сохранении ею статуса республики. К примеру, высказывание тогдашнего Президента Бурятии Л. Потапова на экономической конференции, посвященной перспективам развития объединенной Иркутской области: «Объединение Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа — это стартовый этап совершенствования административно-территориального устройства макрорегиона, расположенного в окрестностях озера Байкал. Следующим этапом может стать создание Байкальского края, куда вошли бы Иркутская и Читинская области, Республика Бурятия и два автономных округа — Усть-Ордынский и Агинский АО» вызвало резкое осуждение и спровоцировало участников оппозиционных сил к акциям протеста во время прохождения Съезда бурятского народа летом 2007 года.

В результате массированного использования административного ресурса 16 апреля 2006 г. в референдуме по объединению в Приангарье приняли участие 68,98% жителей Иркутской области, имеющих право голоса, при необходимых 50% плюс один голос. За объединение и создание нового субъекта РФ высказались 89,77% избирателей, против — 9,44%. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе явка жителей составила уникальную для современной российской политики цифру 99,51%. «Да» объединению и созданию нового субъекта РФ сказали 97,77% избирателей, «нет» — 1,55%. Результаты референдума в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе вызвали недоверие не только со стороны жителей округа, но и экспертов по электоральным процессам.

Несмотря на объективные процессы этномобилизации, связанные с объединительными процессами, в регионе фактически не произошло серьезного обострения межэтнических отношений.

В дальнейшем этнополитические вызовы, риски и угрозы, связанные с объединением субъектов Федерации в СФО, представляется актуальным исследовать в рамках трех пространственно-временных систем: субъекты Федерации, в которых прошел процесс объединения; субъекты Федерации, в которых идет процесс объединения; субъекты Федерации, в которых возможен процесс объединения.

Необходимо признать, что основные вызовы этнополитической стабильности и безопасности на федеральном, региональном и местном уровнях, связанные с объединением субъектов Федерации в СФО, находятся за пределами социально-политического пространства исследуемого региона, носят отлаженный характер.

Особенности любого этнополитического пространства во многом если не закрепляются, то формируются характером политической культуры и практики. В 90-х годах XX века многие этнонациональные республики СФО закрепили в своих конституциях и других правовых актах положения о приоритете титульных народов (этнических групп). Сегодня ситуация кардинально изменилась. Почти все законодательные акты субъектов Федерации приведены в соответствие с положениями Конституции РФ и федерального законодательства.

Как известно, мобилизация этнического фактора в политической сфере определяется в первую очередь деятельностью этнонациональных (в крайних случаях этнонационалистических) политических акторов. Однако в 90-е годы региональные политические партии, основными программными целями которых являлась защита интересов определенной этнической группы, широкого признания в Сибири не получили. Данный факт можно объяснить, во-первых, отсутствием политической традиции многопартийности. Во-вторых, доминированием традиционной (по Алмонду) политической культуры. В-третьих, «низы» не хотели, а «верхи» не смогли — сказалось отсутствие социального заказа, и адекватного идеологического и кадрового обеспечения.

К примеру, в Республике Тыва радикальная партия «Хостуг-Тыва» так и не приобрела сколько-нибудь широкой общественной поддержки. На территории других субъектов Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа, деятельность этноориентированных политических партий и общественных движений также не является определяющей в политической жизни региона. Сегодня же этнополитика как таковая вообще выпала из поля зрения ведущих политических партий. Анализ ситуации свидетельствует о том, что в СФО рост значимости этнической идентичности хотя и создал благоприятные предпосылки, однако не привел к автоматической поддержке политических сил, выступающих от имени и в защиту титульных этносов.

В настоящее время для большинства миноритарных этнических групп, особенно для тех, кто не имеет территориальной автономии, все более актуальными становятся принципы национально-культурной (этнокультурной) автономии. Поэтому усложнение этнического состава и структуры населения, связанных с миграционными процессами, необходимо отнести к еще одному проявлению специфики региональной этнополитики и этнополитических процессов. Сибирь с момента активного освоения всегда оставалась территорией значительных миграционных потоков и межэтнической миксации. Сегодня мы наблюдаем влияние встречных миграционных волн — выезд из региона одних и въезд других — как интегральный фактор. Если первоначально иммиграция легко воспринималась местным населением в связи с увеличением общей мобильности населения, то по прошествии времени она стали восприниматься более болезненно. Коренные жители все чаще видят в новых мигрантах не только конкурентов на рынке труда, но и представителей иной культуры и иного образа жизни, носителей иных ценностей.

Оседание иммигрантов большей частью в промышленных центрах, где их концентрация становится визуальна, порождает формирование конфликтного потенциала на этнической почве. Именно в крупных городах, особенно в столицах краев и областей, наблюдается

формирование молодежных организаций националистического толка. В г. Новосибирске правоохрательными органами нейтрализована молодежная экстремистская группировка «Белое братство». Хотя этнорасовые проблемы для Сибири не характерны, они все же являются реальной проблемой.

Другая тенденция в развитии этнополитики в СФО связана, на наш взгляд, с характером требований, предъявляемых этническим большинством и этническими меньшинствами (миноритарными этническими группами), и определяется активизацией процессов, которые направлены главным образом на возрождение и развитие этнокультурной самобытности. Речь идет о влиянии внутренних факторов, одним из которых выступает зрелость этнического самосознания. При этом необходимо отметить, что до сих пор мобилизация этнического самосознания сибирских народов почти не приобрела политического содержания и оформления.

Итак, характер развития этнополитики в Сибирском федеральном округе сегодня определяется главным образом интеграционными процессами, связанными с объединением субъектов Федерации, а также дезинтеграционными процессами, определяемыми новыми миграциями и усилением на этой волне этнофобий и культурного (этнического) национализма.

Следует отметить, что особенность и проблемы этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе определяются, во-первых, тем, что направление этнополитических процессов в регионе изменилось — преодолена тенденция центробежного этнополитического развития, характерного для 90-х годов XX века, особенно их начала. Во-вторых, в этнонациональных субъектах все еще значима мобилизующая роль этноэлит, в первую очередь этнократии. В-третьих, в этнонациональных субъектах, обремененных наибольшим спектром социально-экономических проблем, все еще сохраняется вероятность политической мобилизации на основе этнического фактора. В четвертых, объединительные процессы несут в себе как позитивные, так и деструктивные этнополитические последствия. В пятых, усиление миграционных потоков формирует новые угрозы и вызовы этнополитической стабильности региона. Наконец, сложно и неоднозначно протекают процессы этнокультурного возрождения коренных сибирских народов.

В связи с этим необходимо признать, что в условиях новых этнополитических вызовов выбор стратегии и тактики успешного преодоления обозначенных проблем является сложной не только политико-правовой, но и теоретико-методологической задачей. Вопрос стоит о выборе между конструированием общегражданской нации на основе многосоставного и культурно разнородного согражданства и укреплением полиэтничного государства при централизации управления и усилении патерналистской этнонациональной политики. Мы же видим решение проблем в реализации субсидиарной этнополитики — модели распределения ответственности по всем уровням государственной власти и местного самоуправления с широким привлечением институтов гражданского общества.

Антиномия этнического партикуляризма и гражданского универсализма не является фатальной и неразрешимой. Решение этой проблемы видится в построении симметричной федерации и формировании (конструировании) российской нации как полиэтничного и мультикультурного сообщества.

ОТНОШЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА К ПРОБЛЕМАМ МИГРАНТОВ В МАЛЫХ СЕВЕРНЫХ ГОРОДАХ РЕГИОНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Н. А. Ткачева

Власть, бизнес, проблемы мигрантов, мигранты, северные города.

Перемены, произошедшие в России в последние десятилетия, превратили ее из закрытой страны с традиционно низким уровнем миграционного оборота в активного участника международного миграционного обмена. Тюменская область сохраняет привлекательность для мигрантов. Только за 2002-2006 годы сюда прибыло около 400 тыс. человек: из регионов России иммигрировало 205 тыс. человек, около 33 тыс. из стран СНГ и Балтии, существенной сохраняется численность внутрирегиональных мигрантов — около 153 тыс. человек. При этом примерно 50% прибывших принял Ханты-Мансийский автономный округ — Югра [1, Стр.81].

Исследование внешней миграции, интенсивности и направленности переселения, роли миграционных процессов в социально-экономической, социокультурной жизни региона показало, что данное явление неоднозначно по своему характеру. С одной стороны, мигранты и принимающее общество сталкиваются с проблемами, аналогичными общероссийским, с другой стороны — особенности региона, специфика функционирования малых северных городов, в которых провели опрос, позволили выделить специфичные трудности и определить возможные направления их преодоления.

Социологическое исследование проблем внешней миграции в регионе и подходов к их решению было проведено в два этапа:

1) Май-июнь 2006 г. — в опросе приняли участие 67 экспертов из малых городов ХМАО-Югры (Мегион, Нефтеюганск) и ЯНАО (Яр-Сале, Тарко-Сале).

2) Октябрь-декабрь 2007 г. — опросили 83 эксперта из городов и поселков ХМАО-Югры (Радужный, Лангепас, Лянтор) и ЯНАО (Салехард, п.Сеяха, п.Каменный Мыс, п.Мужи). 13 экспертов приняли участие в полуформализованном интервью.

Объекты исследования — работники административных служб, ответственные работники местной администрации, специалисты территориальных органов Федеральной миграционной службы РФ, Министерства внутренних дел РФ, предприниматели, работники служб занятости, педагоги, работники отделов по кадрам государственных и частных предприятий, представители средств массовой информации.

Предмет исследования — внешняя трудовая миграция и ее влияние на социальную, экономическую и этнокультурную ситуацию в регионе, особенности взаимодействия мигрантов и принимающего общества малых северных городов.

Цель настоящего исследования — изучение мнения экспертов о взаимодействии мигрантов и принимающей стороны; оценка социальной безопасности региона в свете современных миграционных процессов; выявление проблем мигрантов и формирование новых подходов к регулированию миграционных потоков и процессов.

Задачи исследования таковы.

1. Выявить мнение экспертов об отношении жителей малых северных городов и поселков ХМАО-Югры и ЯНАО к мигрантам.

2. Определить мнение экспертов о существующей практике социально-правовой и социально-экономической интеграции в принимающее общество иммигрантов.

3. Выявить мнение экспертов о проблемах иностранных работников, формах самоорганизации, возможной социокультурной адаптации в принимающем обществе.

4. Получить информацию о влиянии миграционных процессов на национальные интересы и социальную безопасность региона в свете современной региональной политики.

5. Разработать рекомендации по совершенствованию региональной миграционной политики региона.

В социологическом исследовании приняли участие 150 экспертов - 57,3% (86 чел.) женщин, 42,7% (64 чел.) мужчин. Среди респондентов преобладает возрастная категория от 30 до 50 лет. Данный показатель представляется важным в рамках проводимого исследования, так как основная часть опрошенных является состоявшимися людьми в социальном и профессиональном отношениях и занимает устойчивые статусные позиции.

Сфера профессиональной деятельности экспертов определена задачами социологического исследования. Большинство экспертов являются государственными или муниципальными служащими (40,7%), представителями образования (16%), здравоохранения (4,7%), средств массовой информации (2,7%), предпринимателями (14%), начальниками отделов по кадрам (3,3%), специалистами силовых структур (11,3%), специалистами федеральной миграционной службы (7,3%), расположенных на территории северных городов и поселков.

Отмеченное увеличение миграционных потоков связано с изменением инфраструктуры и возросшим значением малых городов в развитии северных территорий. Как показало исследование, несколько сократившийся поток мигрантов в середине кризисных 90-х годов прошлого столетия вновь усилился к началу XXI века. В соответствии с задачами проводимого исследования было изучено мнение экспертов о динамике миграционных потоков по странам их происхождения. Большинство экспертов оценили незначительные потоки мигрантов из Китая, Вьетнама, Северной Кореи и Туркмении (около 90%). Если на Дальнем Востоке, в Сибирском округе, и в какой-то мере на юге Тюменской области именно эти группы мигрантов вызывают особую тревогу (особенно у производителей сельхозпродукции), то в малых северных городах ХМАО и ЯНАО число их незначительно. По мнению специалистов, в последние годы уменьшился поток мигрантов из ряда государств, возникших на постсоветском пространстве: Узбекистана, Казахстана, Армении, Грузии, Молдовы. Осталось на прежнем уровне количество перемещений из Кыргызстана и Белоруссии. Возросло число иммигрантов из Украины, Азербайджана, существенно увеличился поток из Таджикистана.

Одновременно с ростом зарегистрированной (легальной) миграции возросли масштабы не учитываемой (нелегальной) миграции. Оценки нелегальной миграции различны. Косвенно о росте последней в регионе свидетельствует тот факт, что в процессе профессиональной деятельности 52% экспертов сталкивались с проблемой нелегальной миграции. Масштабы данного явления сложно оценить в полном объеме. Один из признанных в мировой практике способов экспертной оценки масштабов нелегальной миграции основан на учете количества нарушений миграционного законодательства. На вопрос о видах административных правонарушений мигрантов 54,5% экспертов отметили - проживание без регистрации, 20,2% - отсутствие разрешения на работу, 19,3% - проживание без паспортов или по недействительным паспортам. Все эти показатели административных правонарушений характеризуют временную и постоянную нелегальную миграцию.

Эксперты подчеркивают, что использование иностранной рабочей силы позволяет работодателям добиться существенной экономии средств. Это способствует привлечению мигрантов на полулегальной основе без предоставления им пакета социальных гарантий. Отвечая на вопрос о нарушении прав мигрантов в различных сферах, эксперты отметили, что не соблюдается режим работы (80,7%), лишь 12,7% отрицают этот факт, 6,7% затруднились с оценкой. Рассматривая право на медицинскую страховку, право на социальное обеспечение и право на защиту, большинство экспертов считает эти проблемы менее острыми: нарушаются права - 48%, 40% и 28% экспертов соответственно, права не нарушаются - 28,7%, 32% и 58%, затруднились с ответом 23,3%, 28% и 14% экспертов. Значительное число затруднившихся с оценкой прав в названных сферах говорит об отсутствии необходимой информации, с одной стороны, с другой - демонстрирует односторонний подход к оценке миграционных процессов, скорее, как негативных, мало кто из экспертов задумываются о социально-правовых рычагах регулирования проблем мигрантов.

Представляется целесообразным оценить в целом действующие нормативно-правовые акты в сфере миграции: законодательство в полной мере отвечает современным требованиям, считают 13,3% экспертов, отвечает лишь частично - 65,3%, не отвечает - 21,3% опрошенных.

Экспертами определены изменения, которые необходимо внести в законодательную базу, деятельность органов власти, для упорядочения миграционных потоков. Изменения, прежде всего, должны коснуться регистрации мигрантов (29,3%), вопросов их легализации (28%), разрешения на труд (10,7%), видов деятельности (10,6%), учета прибывающих (8,7%). Многие эксперты убеждены, что продуманная система налогообложения (12,7%) будет способствовать уменьшению числа нелегальных мигрантов, сделает их труд выгодным для государства. Большинство экспертов, как свидетельствует интервью, убеждены в необходимости легализации мигрантов. Если легализация будет проведена рационально, то все другие проблемы можно решить быстрее и менее болезненно.

Положение мигрантов в регионе в целом оценивается как нормальное, в то же время, эксперты, рассматривая трудности, с которыми сталкиваются мигранты в принимающем обществе, на первое место ставят жилищную проблему (49%); озабочены эксперты и трудностями культурной и психологической адаптации иммигрантов (26%); выделили проблему взаимоотношения с местными жителями лишь 6% экспертов; на трудности с владением языком обращает внимание 10% экспертов; незнание своих прав мигрантами как проблему определили 9% экспертов. В графе «другое» эксперты подчеркивали, что «трудности идут в комплексе», акцентировали внимание на определенном противоречии в отношениях с мигрантами - «мы заинтересованы в труде мигрантов, но не стремимся вовлечь их в общественные отношения», отмечали нежелание иммигрантов адаптироваться к условиям принимающего общества - «ориентированы на замкнутый образ жизни». 97% экспертов считают, что мигранты из стран СНГ испытывают трудности в адаптации к новым условиям. Эксперты выражают большую озабоченность проблемой межэтнической напряженности, особенно в молодежной среде. В то же время эксперты предполагают достаточно доброжелательное отношение населения к мигрантам.

Важен результат оценки экспертами роли труда мигрантов в развитии региона. Исследователи, изучающие миграционные процессы, неоднократно обращали внимание на демографические проблемы в стране и вызванное ими сокращение трудовых ресурсов, отмечая, что сокращение населения в трудоспособном возрасте ведет к более активному использованию потенциала, заложенного в иностранной рабочей силе. Эти вопросы находятся в центре внимания средств массовой информации и хорошо знакомы специалистам. Более половины экспертов (54%) считают, что труд мигрантов «способствует в значительной мере» развитию региона; «способствует незначительно» - 30% экспертов; «не способствует» - 0,7% опрошенных; 15,3% убеждены, что «не способствует, а только создает больше проблем». Эксперты, особенно предприниматели, придают весомое значение роли труда мигрантов в развитии региона. В то же время государственные служащие озабочены теми проблемами, которые вызывает легальная и нелегальная миграция в большей степени, чем

работодатели. Согласно позиции экспертов «мигранты несут положительный экономический эффект для региона, но вызывают много социальных и правовых проблем». Характеризуя круг возникающих проблем, связанных с миграцией, эксперты акцентируют внимание на конкуренции на рынке труда; на низкой квалификации мигрантов; подчеркивают влияние на снижение уровня заработной платы в регионе. Одной из наиболее сложных и болезненных проблем России и Тюменского региона, считают эксперты, является «негосударственное поведение чиновников всех уровней, представителей силовых структур и ряда предпринимателей» в отношении миграции как многофакторного явления современности.

Для понимания роли труда мигрантов в развитии региона существенное значение имеют специальности, пользующиеся наибольшей популярностью среди прибывших. Эксперты отмечали, что потоки иностранной рабочей силы из стран Средней Азии, прежде всего Таджикистана, ориентированы на отрасли материального производства, они чаще всего заняты на трудоемких предприятиях с тяжелыми условиями труда - строительство, лесобработка, дорожно-транспортная инфраструктура. Сфера обслуживания и торговля в большей степени привлекает выходцев из Азербайджана, Армении, Кыргызстана, Казахстана, в какой-то мере из Узбекистана. Мигранты Украины, Белоруссии, часть представителей Азербайджана, заняты в основных отраслях производства, нередко на градообразующих предприятиях, что, по мнению экспертов, вызывает негативное отношение местного населения к данной группе приезжих.

Большинство экспертов считают, что использование труда мигрантов будет расти (98%); лишь 1,3% предполагают, что использование сократится, так как дальнейший рост миграции угрожает интересам России; 0,7% связывают возможное сокращение использования труда мигрантов с ущемлением интересов коренных жителей. Позиция экспертов обоснована наличием структурной безработицы в регионе. Регион испытывает нехватку специалистов, прежде всего, в промышленной сфере и вакантность рабочих мест, которые следует оценить как социально низкокачественные (низкая заработная плата, тяжелый, непрестижный труд). В настоящее время работодатели не всегда могут подобрать из числа нуждающихся в работе местных жителей необходимую рабочую силу. Все вышесказанное и позволяет экспертам прогнозировать возрастающий спрос на трудовых мигрантов.

По мнению экспертов, одним из факторов роста миграции на территории региона является стабильная социально-экономическая обстановка и наличие родственников, знакомых, что облегчает проникновение в малые города и поселки Севера. Мигранты и их сообщества не только включаются в социально-экономическую жизнь, но и становятся фактором социально-политических процессов, социокультурной частью регионального сегмента российского общества. Закономерно возникает вопрос: «Как проживают мигранты на территории города (поселка)?». Превалирующее число экспертов - 90,7% - считают, что прибывшие селятся рассеянно, только 9,3% указали на локальность расселения. Многие исследователи диаспоральных вопросов считают, что рассеянный тип расселения способствует более успешной адаптации мигрантов в принимающее сообщество.

Способствует адаптации мигрантов и формирование сообществ с развитыми экономическими социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации. В соответствие с Федеральным законом «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 г. №74-ФЗ, они могут носить официальный характер, быть формально оформленными и могут выступать как неформальные объединения, диаспоральные сообщества. В Тюменской области народы почти всех государств, образовавшиеся на постсоветском пространстве, имеют национально-культурные автономии. Разноплановые национальные объединения имеют и крупные промышленные центры ХМАО и ЯНАО. Организованные объединения, по мнению экспертов, фактически отсутствуют в малых северных городах и поселках. 16,7% экспертов считают, что на территории их города (поселка) функционируют неформальные групповые национальные сообщества, 10% отметили существование официально оформленных национальных сообществ, значительное число экспертов 73,3% отрицали наличие национальных объединений мигрантов. Тем не менее, деятельность, характерную для диаспоральных объединений - помощь в регистрации, трудоустройстве, поиске жилья отмечают 84,6% экспертов. Именно это, по их мнению, и характеризует социальную активность мигрантов. Мигранты участвуют в культурной жизни города - считают 6,7% экспертов, 8,7% экспертов отмечают участие мигрантов в защите своих прав и интересов. Можно говорить, что социально приемлемые формы самоорганизации мигрантов на территории малых северных городов (поселков) развиты недостаточно.

Исследование позволило выявить неразвитую институциональную организацию в сфере национально-культурной политики и регулировании миграционных потоков в условиях масштабных миграционных процессов, ведущую к появлению напряженности в социально-экономической сфере и сфере межэтнических коммуникаций. Указанные проблемы вызывают определенную тревогу у экспертов. На вопрос: «Угрожает ли современная миграция национальным интересам России (региона)?» - мнения экспертов распределились следующим образом: «угрожает» - 36,7%, «не угрожает» - 46%, «способствует социально-экономическому развитию» - 16,7%, затруднились с ответом 0,7% экспертов.

Интерес представляет рассмотрение вопроса о влиянии миграционных процессов на национальные интересы страны экспертами в зависимости от сферы их профессиональной деятельности. Миграцию рассматривают, прежде всего, как угрозу национальным интересам страны представители здравоохранения - 100%, сферы образования - 70,8% и государственного и муниципального управления - 42,6%. Это косвенно подтверждает мнение экспертов о росте давления усиливающейся миграции на социальную сферу. Меньшую тревогу влияние миграции на национальные интересы страны вызывает у представителей ФМС - 27,3% и правовых структур - 11,8%. Предприниматели и представители отделов кадров организаций, работающих с мигрантами, считают, что угрозы не существует, соответственно - 95,2% и 100%.

Определенное единодушие отмечается в позициях экспертов при оценке региональной миграционной политики в целом. Положительно охарактеризовали реализуемую миграционную политику в регионе 16% экспертов; отрицательную оценку дали 67,3% экспертов; затруднились ответить 16,7% экспертов. Обращает внимание тот факт, что все категории экспертов объясняли затруднение в оценке современной региональной миграционной политики отсутствием информации. Логично предположить отсутствие эффективной миграционной региональной политики, которая позволила бы учитывать интересы региона, могла бы обеспечить его экономическую, социальную, этнокультурную безопасность и способствовала его развитию в долгосрочной перспективе. Эксперты справедливо отмечают отсутствие хорошо продуманной, основанной на научном прогнозировании, стратегической линии развития миграционной политики; межведомственную разобщенность в решении вопросов, связанных с мигрантами; отстраненность муниципальных органов власти, что закономерно в условиях, не предусматривающих финансирование данного направления деятельности; не разработанных программ интеграции мигрантов в принимающее общество, критериев отбора и приема иностранных работников; отсутствие специалистов по работе с мигрантами.

Выводы:

1. Миграция, как регулярно повторяющееся явление, формирует определенное отношение принимающего сообщества к вновь

прибывшим. Складывающиеся отношения нельзя рассматривать вне исторического контекста развития региона, без учета характера социально-экономического и социокультурного освоения его территории титульными этническими группами и мигрантами. Социологическое исследование выявило неоднозначное отношение к мигрантам. Усиление миграционных потоков, их этническое разнообразие приводит к трансформации этнокультурной составляющей принимающего общества, к выработке новых стереотипов в межкультурной коммуникации, что требует формирования взвешенной миграционной политики в регионе.

2. В настоящее время, по мнению экспертов, поток иммигрантов в регион усилился, особенно из государств, возникших на постсоветском пространстве. Социологическое исследование показывает изменения в этническом составе мигрантов: преобладает титульное население из соседних государств, которое менее образовано, слабо владеет языком страны принятия, менее мотивировано на адаптацию в российском обществе. Наличие в Тюменской области национальных диаспор, поддерживающих связь с этнической родиной, облегчает начальный этап иммиграции. Стремление мигрантов трудоустроиться, иметь больший заработок, занять экономические ниши, мало привлекательные для коренного населения, способствует их интеграции в социально-экономическую жизнь региона.

3. Тенденция увеличения числа миграционных потоков, этническая однородность мигрантов по странам выбытия, рост нелегальной миграции позволяют обосновать вывод об угрозе миграции социальной безопасности страны в целом и региона, в частности. Миграционные процессы, трансформируя социокультурную структуру населения, сложившуюся ситуацию межэтнического взаимодействия, создают угрозу этнокультурной стабильности в регионе. По мнению экспертов малых северных городов, возрастает нагрузка на социальную сферу, обостряются противоречия в социально-экономических отношениях. Миграция приводит к формированию новых элементов этносоциальной структуры и становится причиной возникновения новых рисков - этнонациональных конфликтов, всплесков ксенофобии по отношению к прибывшим, особенно в молодежной среде. Потеря привычного образа и места жительства, сопровождающаяся лишением поддержки людей приводит к дезадаптации мигрантов, что способствует повышению криминогенной опасности.

4. Сегодня, по убеждению респондентов, назрела необходимость разработки и реализации эффективной региональной миграционной политики, которая будет способствовать экономическому, социокультурному развитию региона и стабилизации отношений мигрантов и принимающей стороны. Особенно актуальна эта проблема для региона, поскольку трудности регулирования миграционных потоков в условиях специфики пространственной организации населения, становления местных органов самоуправления, асимметричности Тюменской области по политическим правам субъектов Федерации, экономическому и налоговому потенциалу муниципальных образований, в условиях многонационального населения региона требуют формирования продуманной миграционной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демографический ежегодник (2003-2007). - Тюмень, 2007. - Т. I. - 162 с.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА (ПРОБЛЕМЫ ВЫРАВНИВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РФ)

И. В. Федоров

Промышленная политика, промышленный потенциал, иностранные инвестиции, инвестиционный климат, инвестиционная привлекательность.

Одной из главных проблем, мешающих выравниванию промышленного потенциала регионов Российской Федерации, является их неспособность в одинаковой степени привлекать иностранные инвестиции.

Уровень иностранных инвестиций определяется инвестиционным климатом региона. Существуют разные методики определения инвестиционного климата региона России, которые приводят к различным результатам. Часто эти методики базируются на разных априорных установках относительно того, каким должен быть инвестиционный климат.

При определении методики присваивания российским регионам определенного типа инвестиционного климата существует априорная установка, согласно которой высокая степень неоднородности инвестиционного пространства страны оценивается крайне отрицательно. Такая оценка становится одним из доводов первостепенной необходимости программируемого сокращения различий в экономическом развитии субъектов Федерации. Данная априорная установка невольно накладывает ограничения на выявление новых факторов эволюции региональных инвестиционно-типологических кластеров, поскольку подсознательно у исследователя присутствует желание выявить тенденции уравнивания инвестиционного развития регионов.

Существует и другая априорная установка, согласно которой «в целях развития российских регионов необходимо перейти от малоэффективного выравнивания их экономического развития к созданию условий, стимулирующих субъекты федерации к использованию имеющихся ресурсов экономического роста» [1]. Другими словами, согласно данной априорной установке, неоднородность инвестиционного пространства России имеет не только всем понятную отрицательную сторону. Рациональная дифференциация инвестиционного климата регионов страны позволяет наилучшим образом использовать конкурентные преимущества каждого из них, тем самым обеспечивая их экономический рост, а на этой основе - и уменьшение социально-экономических различий, достигаемое собственными усилиями субъектов Федерации, а также с помощью централизованно регламентированного финансирования из федерального бюджета. Именно такой подход соответствует концепции конкурентного федерализма, открывающей гораздо более широкие возможности для регионального развития, нежели «уравнительный» (и тем более «иждивенческий») федерализм.

Такой новый подход отражен в утвержденной Правительством России 19 января 2006 г. (распоряжение № 38-р) Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006-2008 гг.) [2].

Основанная на данной априорной установке методика определения инвестиционной привлекательности Российского региона нашла отражение в Методических рекомендациях по оценке инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации (МР-2001), утвержденных Министерством экономического развития и торговли России (МЭРТ) 11 мая 2001 г., и в комплекте проектов методических рекомендаций по оценке основных компонентов инвестиционного климата субъектов Федерации (в том числе вторая редакция указанных выше МР-2001), разработанных и представленных в МЭРТ в 2004-2005 гг. [3]. Результаты применения данной методики изложены в ряде статей в специализированных научных изданиях [4].

Реальный объем инвестиций не совпадает с потенциальным, определяемым инвестиционной привлекательностью региона. Это

необходимо учитывать при коррекции прогнозов.

Согласно указанному подходу, инвестиционный климат региона России представляет сложившуюся за ряд лет совокупность различных социально-экономических, природных, экологических, политических и других объективных условий, формирующих его инвестиционную привлекательность, и определяемый ею масштаб» (объем и темп) привлечения инвестиций в основной капитал региона, то есть инвестиционную активность в нем.

Таким образом, инвестиционная активность в регионе (инвестиционная активность региона) характеризует интенсивность привлечения инвестиций в его основной капитал.

Инвестиционная привлекательность региона представляет совокупность различных объективных признаков, средств, возможностей и ограничений, определяющих инвестиционную активность в нем.

Инвестиционная привлекательность как составная часть и ведущий компонент инвестиционного климата региона (ибо во всякой системе есть ведущий структурный элемент) является обобщенным факториальным признаком (независимой переменной), а инвестиционная активность - результативным признаком (зависимой переменной).

В количественном отношении инвестиционный климат региона характеризуется уровнем и соотношением двух основных показателей - инвестиционной привлекательности региона и инвестиционной активности в нем. Указанное соотношение выражает при этом эффективность использования инвестиционной привлекательности и выступает в качестве третьей, дополнительной количественной характеристики, используемой при разработке типологии российских регионов по инвестиционному климату и оценке его изменения в среднесрочной перспективе.

Все факторы (показатели) инвестиционной привлекательности регионов измеряются в относительной форме (душевой, долевой, балльной и др.), стандартизируются (нормализуются) по отношению к аналогичному среднероссийскому показателю, который принимается за 1,00, и сводятся в интегральный показатель инвестиционной привлекательности регионов по формуле многомерной средней.

Инвестиционная привлекательность состоит из двух компонентов - инвестиционного потенциала региона (позитивные факториальные показатели) и региональных инвестиционных рисков, куда входят неспецифические (некоммерческие) риски, обусловленные внешними по отношению к инвестиционной деятельности факторами регионального происхождения (негативные показатели).

Инвестиционный потенциал региона - совокупность объективных экономических, социальных и природно-географических свойств региона, имеющих высокую значимость для привлечения инвестиций в его основной капитал.

Основные структурные элементы инвестиционного климата региона и взаимосвязи между ними представлены на рис. 1.

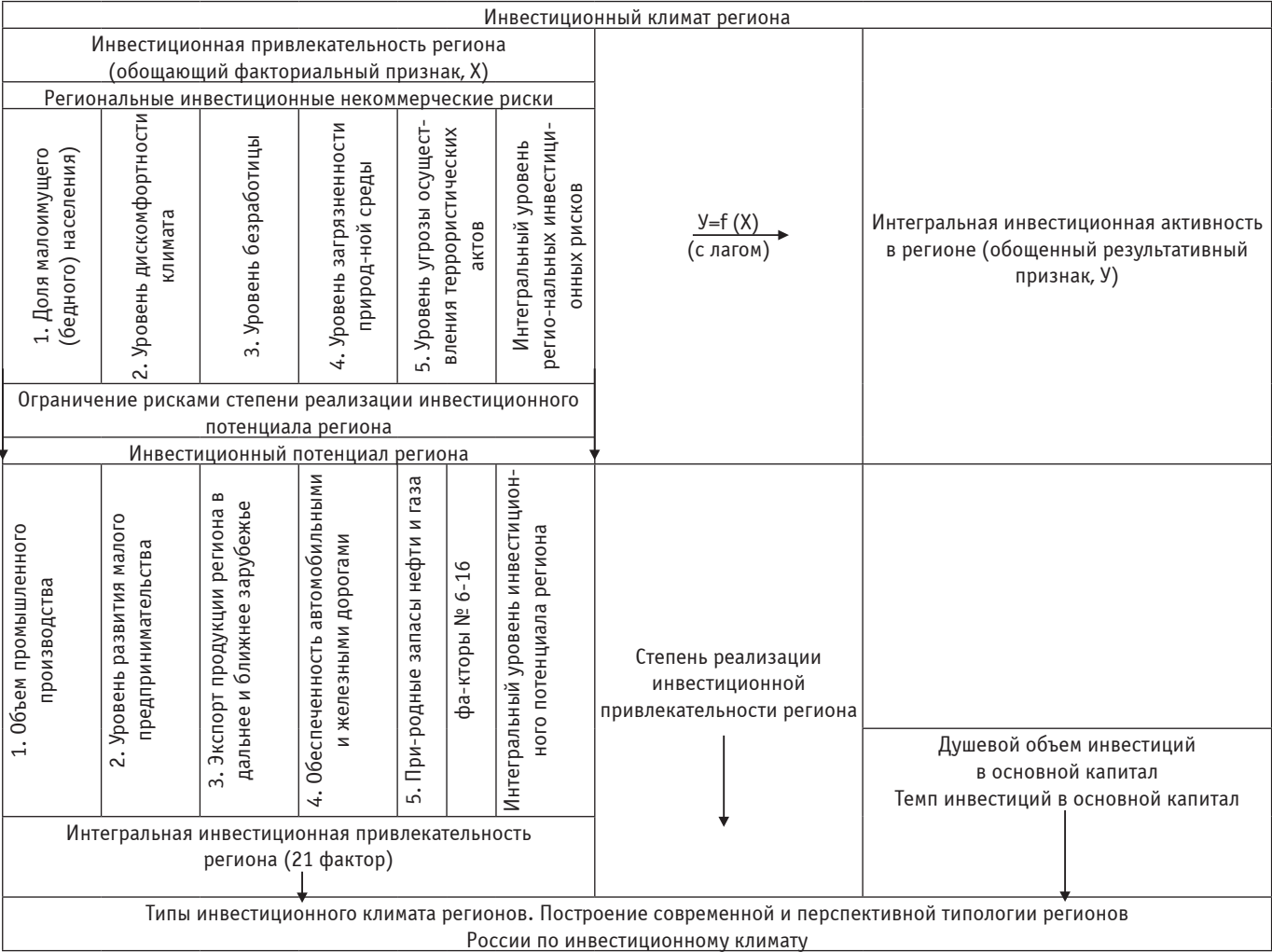

Рис. 1. Основные структурные элементы инвестиционного климата региона их взаимосвязи

Важнейшей отличительной особенностью применяемого подхода к содержательной интерпретации и количественной оценке сте-

пени благоприятности инвестиционного климата регионов является, согласно приведенным выше определением, положение о том, что между инвестиционной активностью в регионе и его инвестиционной привлекательностью существует причинно-следственная связь: инвестиционная привлекательность является обобщенным факториальным признаком (независимой переменной), а инвестиционная активность – результативным признаком (зависимой переменной). Иными словами, инвестиционная – привлекательность – аргумент X , а инвестиционная активность – функция Y инвестиционной привлекательности. Соответственно могут быть установлены тип и параметры этой объективно существующей зависимости, то есть может быть подобрана функция $y = f(x)$, достоверно описывающая характер указанной зависимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства РФ от 19 января 2006 г. № 38-р «О Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу 2006-2008 гг.»).
2. Методические рекомендации по оценке инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации. Утверждены МЭРТ 11 мая 2001 г. // официальный сайт МЭРТ РФ www.economy.gov.ru.
3. Рязанов Л. А., Ройзман И. И., Шахназарова А. Г., Гришина И. В., Белякова Д. Е. Количественная оценка инвестиционной привлекательности российских регионов: проблемы, методики, результаты // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2001. № 8. – С. 6-27.
4. Ройзман И., Гришина И., Шахназаров А. Типология инвестиционного климата регионов на новом этапе развития российской экономики // Инвестиции в России. 2003. № 3. – С. 3-14.
5. Ройзман И. Современная и перспективная типология инвестиционного климата российских регионов // Инвестиции в России. 2006. № 3. – С. 3-15.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРАММ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Работа выполнена при поддержке фонда РФНФ, грант № 06-03-00566а.

О. Б. Федорова, Е. Л. Чижевская

Региональное развитие, программы социально-экономического развития, программно-целевое управление.

Значение планирования и управления качеством жизни населения становится все более актуальным в связи с Посланиями Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, Концепцией реформирования бюджетного процесса и реализацией приоритетных национальных проектов. Внедрение положений Концепции предполагает применение преимущественно программно-целевого метода на всех уровнях бюджетного планирования в целях повышения эффективности использования финансовых ресурсов территории, предусматривает установление конкретных целей, задач и показателей эффективности программ с одновременным мониторингом и контролем их достижения. Особое место при этом занимают вопросы создания организационного обеспечения процессов формирования, утверждения и реализации целевых программ регионального уровня. Кроме того, для эффективного программно-целевого управления, повышения его качества необходимо непрерывное комплексное обновление методических, организационных и нормативно-правовых его элементов, их системная реализация и последующие корректировки.

Сущность программно-целевого метода заключается в распределении бюджетных ресурсов между администраторами бюджетных средств и (или) реализуемыми ими бюджетными программами в прямой зависимости от достижения с максимальной эффективностью конкретных результатов в соответствии со среднесрочными приоритетами социально-экономической политики и в пределах объемов бюджетных ресурсов.

В результате изучения практики формирования и отбора региональных программ в Тюменской области выявлен ряд недостатков данного процесса (табл.1).

Таблица 1

Недостатки	Пояснение
На уровне формирования программ и подпрограмм отсутствует системность, что подтверждается их разнонаправленностью и противоречит условиям комплексного подхода	Зачастую программы формируются разрозненно и направлены на достижение целей, обозначенных в каждой из них, не учитывая их взаимовлияние и возможности получения мультипликативного эффекта при реализации взаимодополняющих программ
Одинаковый порядок отбора целевых программ, ориентированных на решение дифференцированных задач (стратегических и текущих)	Большинство принимаемых в бюджете программ направлено на решение текущих, регулярных задач деятельности отдельных департаментов и отделов администраций территориальных образований. Это требует выработки особых подходов к формированию как минимум двух разновидностей программ регионального развития (нацеленных на результат и на покрытие расходов) с уточнением их признаков в зависимости от целевых ориентиров

Продолжение таблицы 1	
Недостатки	Пояснение
Отсутствие апробированной (устоявшейся) методики оценки эффективности программ	Это приводит к дифференциации показателей, применяемых в процессе отбора и оценки результативности реализации принимаемых программ, а также необходимости пересмотра и корректировки системы показателей от периода к периоду, что негативно отражается на их сопоставимости
Недостаточно тщательная независимая экспертиза программ на первоначальных этапах их формирования	Оценку целесообразности проектов программ проводят, как правило, представители заинтересованных в их реализации департаментов, обеспечивая тем самым себя работой, не заботясь об интересах других
При отсутствии предварительного «отсева» проектов программ разработка и реализация всей их совокупности	Это возможно в основном при уменьшении ресурсного обеспечения отдельных программ, что зачастую приводит к сокращению числа программных мероприятий или их масштабности

Таким образом, можно заключить, что существующая практика разработки и реализации программ не полностью отвечает современным требованиям программно-целевого метода бюджетного планирования, и в ходе реализации бюджетного процесса также выявляется множество различных проблем. В конечном итоге это приводит к тому, что целевые программы не выполняют основной функции инструмента управления региональным развитием. В большинстве случаев их назначение видится лишь в распределении бюджетных средств по отраслевому принципу, а не в выполнении приоритетных задач социально-экономического развития территории.

В результате изучения опыта реализации программно-целевого метода идентифицирован ряд проблем, которые можно сгруппировать по трем направлениям: организационные, информационно-методические и нормативно-правовые. При этом управленческие решения по их разрешению целесообразно формировать по этим же направлениям.

Принятие тех или иных управленческих решений и выбор мероприятий в рамках Концепции, региональных комплексных и целевых программ зависят от объективности и полноты оценки происходящих изменений в социально-экономической ситуации региона.

Для этого необходимы не только организованное системное наблюдение за происходящими изменениями, но и их качественная и количественная оценка, подготовка рекомендаций и управленческих решений для воздействия на ситуацию. Эта задача решается с помощью регионального мониторинга.

Главная цель регионального мониторинга состоит в обеспечении органов региональной власти полной, своевременной и достоверной информацией о процессах, происходящих в регионе, и складывающейся социальной ситуации. Региональный мониторинг является начальным звеном в системе «мониторинг — анализ — корректировка стратегии — достижение необходимой динамики социально-экономических показателей». Региональный мониторинг — это составная часть общенационального социально-экономического мониторинга. Методика организации и его осуществления должна быть дифференцирована по регионам страны.

Для наиболее полного отражения необходимо объединять количественные и качественные характеристики. Следовательно, организация регионального мониторинга должна базироваться на сочетании общеэкономических индикаторов с показателями, отражающими результативность деятельности органов региональной власти по решению важнейших экономических и социальных проблем.

В качестве обобщающего показателя развития региона может выступать интегральный показатель, состоящий из совокупности частных показателей, характеризующих динамику внутрирегиональных процессов. В российской практике оценки регионального развития используются различные интегральные показатели и методики их расчета.

На основе полученных результатов оценивается эффективность мер, принимаемых органами государственной власти, и определяются основные направления региональной политики [3].

В рамках исследуемого территориального образования принято два базовых нормативных документа, в соответствии с которыми осуществляется формирование и финансирование областных программ [1,2]. В схематичном виде существующий порядок представлен на рис.2.

Областными являются программы, требующие согласованных действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов, финансируемые полностью или частично из областного бюджета и направленные на решение проблем общих для всех или нескольких административно-территориальных и муниципальных образований области.

Областные программы подразделяются на программы социально-экономического развития области (комплексные системы целевых ориентиров социально-экономического развития области и намечаемых путей и средств их достижения) и областные целевые программы (совокупность взаимоувязанных мер, направленных на достижение конкретной цели, решение актуальных социальных и экономических проблем).

Субъектами программы являются участники, представленные на рис. 2. Инициаторами предложений могут выступать органы исполнительной или законодательной власти, местного самоуправления, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, хозяйствующие субъекты, общественные организации.

Рис.2. Последовательность формирования региональных программ

Генеральный заказчик - территориальный орган федерального органа исполнительной власти, орган исполнительной власти области, местного самоуправления, обеспечивающий согласование действий нескольких органов государственной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов по разработке и реализации областных программ, и финансирующий их полностью или частично.

Разработчик - организация, выполняющая по договору с генеральным заказчиком разработку областной программы в соответствии с техническим заданием.

Инвесторы - юридические и физические лица, осуществляющие вложение собственных, заемных или привлеченных в форме инвестиций финансовых ресурсов. В качестве инвесторов могут выступать исполнительные органы государственной власти области, органы местного самоуправления; граждане, организации, предпринимательские объединения и другие юридические лица; иностранные физические и юридические лица.

Заказчик - юридическое лицо, инициирующее и финансирующее разработку и реализацию отдельных проектов и мероприятий программы.

Исполнители - это юридические лица, уполномоченные генеральным заказчиком осуществить реализацию областной программы или отдельных программных мероприятий. Если исполнитель не является инвестором, он наделяется правами владения, пользования и распоряжения инвестициями на период и в пределах полномочий, установленных соответствующим договором.

Пользователями результатов программы, в том числе объектами инвестиционной деятельности, могут быть инвесторы, другие физические и юридические лица, государственные органы, органы местного самоуправления, муниципальные образования, в интересах которых осуществляются программные мероприятия. Взаимоотношения между пользователями и инвесторами программы определяются договорами, которыми пользователь может наделяться правами владения, оперативного управления, распоряжения созданными в соответствии с программой основными фондами, другими материальными и финансовыми ресурсами.

Субъекты инвестиционной деятельности вправе совмещать функции двух или нескольких участников программы [1].

В состав экспертных комиссий включаются представители соответствующих территорий, научных, общественных и других организаций и предприятий, а также могут привлекаться иностранные специалисты.

Для успешного «прохождения» всей совокупности этапов по формированию и отбору программ на предварительной стадии внесения предложений о их разработке рекомендуется создание рабочей (экспертной) группы. В нее должны входить уполномоченные представители различных подразделений региональных органов исполнительной власти и, по возможности, независимые эксперты под руководством Департамента экономики и финансов. Это позволит избежать формирования неэффективных программ и/или сократить потери при досрочном их прекращении. Кроме того, целесообразно установление конкретных сроков внесения предложений (например, до 1 июня текущего года), что позволит к моменту начала работы указанной комиссии сформировать портфель заявок. Последний необходим для принятия к разработке рационального по числу и составу комплекса приоритетных программ на основе сопоставления, отслеживания дублирующих и определения взаимодополняющих предложений с тем, чтобы выбрать наиболее оптимальную их комбинацию.

Эффективность аналитических процедур на данном этапе отбора во многом зависит от качества и полноты информационного обеспечения принятия управленческих решений. В целях оценки изменения показателей социально-экономического развития территории и мониторинга эффективности реализации программ рекомендуется проведение специальных исследований и оперативной обработки текущей информации.

В этой связи основные направления работы экспертной группы будут заключаться в оценке приоритетности рассматриваемых предложений с использованием соответствующего информационного и методического обеспечения, проведении дополнительных аналитических процедур в зависимости от направленности программ и формировании экспертного заключения. Это позволит повысить обоснованность отбора программ членами рабочей группы на начальных этапах за счет оценки их возможной результативности и необходимого финансирования.

Использование предлагаемых рекомендаций по усовершенствованию механизма разработки и реализации целевых программ позволит обеспечить максимальную концентрацию бюджетных ресурсов на решении приоритетных задач социально-экономического развития территории и соответствие бюджетного планирования современным требованиям программно-целевого метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Тюменской области от 29.04.1999 № 88 «О формировании и финансировании областных программ» (в ред. Законов Тюменской области от 06.12.1999 № 146, от 14.11.2000 № 224, от 08.07.2003 № 158, от 11.03.2004 № 211, от 06.10.2005 № 410).
2. Постановление администрации Тюменской области от 23.11.1995 № 69 «Об областных целевых программах» (в ред. Постановления губернатора Тюменской области от 16.12.1999 № 275).
3. Шапкин И.Н. Управление региональным хозяйством: Учебное пособие / И.Н. Шапкин, А.О. Блинов, Я.М. Кестер. - М.: КНОРУС, 2005. - 400 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

СОВОКУПНЫЙ СПРОС КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГО «ЯКУТСК»)

Н. А. Анисова, А. В. Несват

Устойчивое развитие, стратегическое планирование, стратегия устойчивого развития, совокупный спрос, инвестиционный спрос.

Стратегическое планирование стало необходимой частью регионального управления, поскольку территории все чаще сталкиваются с проблемой неопределенности будущего. Современная ситуация, характеризующаяся быстроизменяющимися технологиями, глобальной и региональной реорганизацией промышленного инвестирования и растущей конкуренцией среди регионов за жизненные ресурсы требует от региона умения адаптировать свою деятельность по планированию и формированию региональной политики таким образом, чтобы эффективно реагировать на изменяющиеся окружающие условия.

Одним из методов формирования стратегии устойчивого развития территории является стимулирование совокупного спроса в регионе. Концепция совокупного спроса прочно вошла в методологический инструментарий экономической теории. В условиях протекающих кризисных явлений исследование механизма стимулирования совокупного спроса представляется важным и актуальным. При этом меры по стимулированию спроса в настоящее время являются основой экономической политики по выходу из кризиса всех развитых стран.

Задача стимулирования совокупного спроса должна рассматриваться как запускающий механизм для ряда процессов в экономике региона – развития конкуренции местных производителей, создания новых секторов экономики и расширения существующих кластеров, повышения качества товаров на потребительском рынке и качества жизни в регионе, развития региональных инфраструктур.

Под совокупным спросом, обеспечивающим устойчивое развитие конкурентных преимуществ территории, подразумевается давление на рынок со стороны местных потребителей, требующих производства качественных и инновационных товаров и услуг: населения, предприятий, государственных организаций и учреждений, иностранных потребителей.

В рамках проведенного исследования совокупного спроса авторами поставлена задача формирования концепции и модели совокупного спроса как основного механизма разработки региональной политики по обеспечению устойчивого роста региона, разработки

методики расчета совокупного спроса с привлечением статистических данных.

В настоящий момент не существует единой общепринятой методики расчета совокупного спроса. Авторами разработана методика расчета совокупного спроса на основе модели Фишера в составе следующих элементов:

- внутренний потребительский спрос;
- инвестиционный спрос предприятий;
- государственные закупки;
- чистый экспорт.

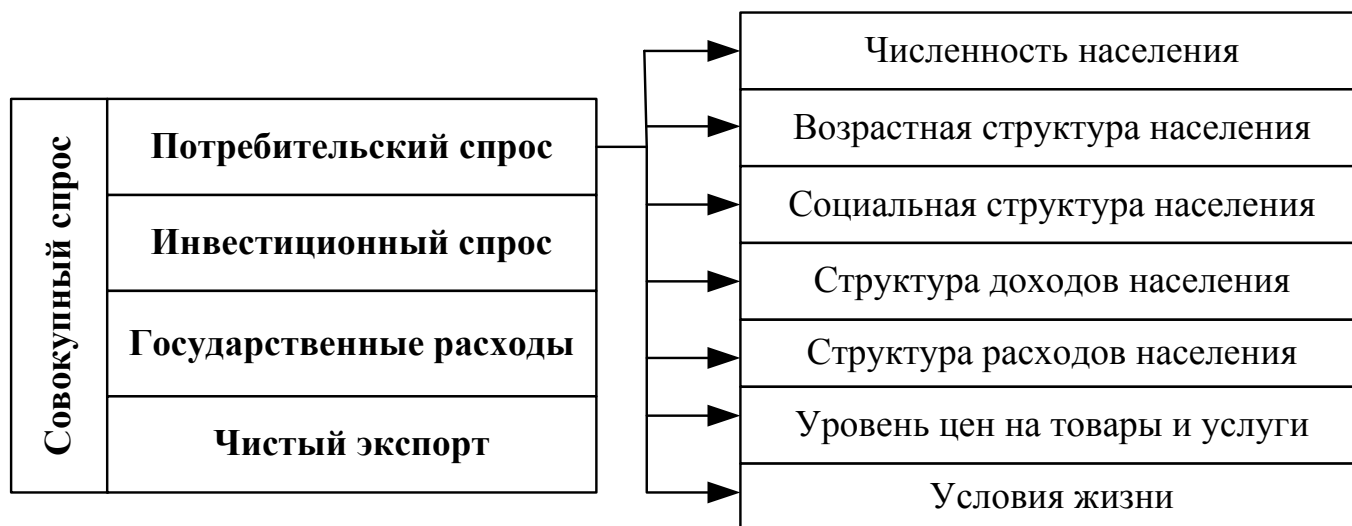
Оценка общей величины внутреннего спроса должна проводиться исходя из оценивания каждого элемента, а также усиливающего или ослабляющего направления воздействия спроса на развитие территории.

Потребительский спрос по методике рассчитан как совокупный спрос жителей на все производимые и продаваемые в городе товары и услуги. Как правило, по результатам расчетов потребительский спрос является наиболее крупной составляющей совокупного спроса. Потребительский спрос (рис.) методически предлагается авторами рассчитывать с учетом влияния следующих факторов:

- численность населения;
- возрастная и социальная структура населения;
- доходы и расходы потребителей;
- сравнительный уровень цен на товары и услуги;
- условия жизни в регионе.

Инвестиционный спрос рассчитывался методически как объем инвестиций в основной капитал предприятий города. Выявлено, что от качественных и количественных характеристик инвестиционного спроса зависят производственный потенциал города, эффективность его функционирования, отраслевая и воспроизводственная структура общественного производства.

Государственные расходы предлагается авторами рассчитывать как суммарные расходы бюджета на поддержку промышленности, строительство, энергетику, сельского хозяйства, целевых инвестиционных программ. Формирование системы государственных закупок является основой промышленной политики на территории и важнейшим фактором, поддерживающим стабильность экономики.

**Рис. Структура совокупного спроса
и основные факторы, влияющие на потребительский спрос**

Наиболее сложным является расчет чистого экспорта. Авторами предлагается методически рассчитывать, как происходит превышение суммы вывоза товаров и услуг предприятиями города в другие регионы над величиной ввоза из-за пределов города.

Кроме того, авторами предлагается методически чистый экспорт рассматривать как критерий эффективности региональной экономики и как оценку вклада в межрегиональную и международную кооперации. Необходимо учитывать, что показатель чистого экспорта наиболее чувствителен к проявлению мировых кризисных явлений и, как правило, в первую очередь подвержен падению. С точки зрения текущего регулирования и стратегического планирования территории это самый важный и сложный показатель: с одной стороны, рост чистого экспорта позволяет увеличить загрузку региональной экономики и имеет неисчерпаемый потенциал (теоретически), с другой – прямое регулирование данного показателя сложно и методологически не определено.

Для развития экспортного потенциала местной промышленности необходимо проведение промышленной политики по поддержке предприятий, имеющих потенциал продажи своей продукции и услуг в другие регионы.

В соответствии с расчетами, проведенными по предложенной авторами методике, совокупный спрос городского округа «Якутск» составляет более 54 млрд руб., в том числе более 50 % приходится на потребительский спрос.

За последние годы размер совокупного спроса увеличился более чем в 2 раза.

Кроме того, в методике прогноза совокупного спроса, основанной на построении трендов, на статистике по показателю за прошлые периоды, учитывалось планируемое повышение инвестиционного спроса по новым транспортно-логистическим проектам, по созданию новых отраслей экономики, увеличения чистого экспорта (вывоза) в результате государственных мер поддержки (табл.).

Прогноз совокупного спроса ГО «Якутск» в 2009-2011 годах

	2009	2010	2011
Потребительский спрос	48 642	48 934	48 961
Инвестиционный спрос	18 030	18 054	21 571
Государственные расходы	4 279	4 210	5 888
Чистый экспорт	-	-	300
Совокупный спрос	70 951	71 198	76 721

Основные выводы, важные для территориального планирования и принятия решения о методах стимулирования совокупного спроса:

- наблюдается тенденция устойчивого роста совокупного спроса - ежегодный темп прироста составляет около 20 %;
- быстрорастущим элементом совокупного спроса является инвестиционный спрос;
- потребительский спрос растет (темп прироста составляет около 20%) и определяется динамикой роста доходов населения;
- государственный спрос (6 % совокупного спроса) является поддерживающим и не носит определяющий характер. Важность государственного спроса - в финансировании инфраструктуры региональных и социальных институтов общества;
- чистый экспорт имеет отрицательное значение и, по существу, является чистым импортом товаров и услуг из других регионов.

Данная ситуация типична для северных городов.

При проведении исследования была поставлена стратегическая задача устойчивого развития региона, решаемая посредством реализации целевых региональных программ по увеличению совокупного спроса в 2011 году до 77 млрд руб., в том числе за счет:

- роста потребительского спроса до 49,0 млрд руб.
- роста инвестиционного спроса до 21,6 млрд руб.
- стабильного уровня государственных расходов около 5,9 млрд руб.
- достижения чистого экспорта при вывозе товаров и услуг до 0,3 млрд руб.

Фактическое и прогнозируемое значения показывают, что потребительский спрос является одним из наиболее значимых элементов общего совокупного спроса как механизма формирования активного денежного обращения и запуска роста потребительского сектора городской экономики, который обслуживают малые и средние предприятия.

По результатам оценки размера потребительского спроса авторами выделены основные направления развития потребительского спроса ГО «Якутск»:

- 1) расширение возможностей населения по приобретению товаров длительного пользования;
- 2) внедрение новых технологий торговли и привлечение международных брендов;
- 3) развитие новых видов сервиса и услуг;
- 4) создание собственного стиля и современного облика города, благоприятного для жизнедеятельности населения;
- 5) создание антрепренерского центра с традиционной культурно-событийной программой.

Выявили, что инвестиционный спрос сдерживается рядом негативных факторов:

- высоким уровнем кредитных рисков банков в производственной сфере и сохранением высокой доли (более 47 %) убыточных предприятий;
- недостаточной прозрачностью финансовой отчетности заемщиков (отсутствие кредитных рейтингов, неадекватность российской системы бухучета для принятия обоснованных экономических решений в сфере банковского кредитования);
- отсутствием информации по кредитным историям заемщиков;
- недостатком сложившихся механизмов республиканской и окружной поддержке инвестиционной деятельности, в первую очередь, в ряде науко- и капиталоемких сфер;
- недостаточно развитым механизмом оформления прав собственности на потенциальные объекты инвестиций.

Данные факторы также методически предложено учитывать при прогнозировании инвестиционного спроса.

В отношении инвестиционного спроса авторами обоснована задача увеличения доли инвестиций с 2009 года в два раза за счет привлечения инвестиций в перспективные для ГО «Якутск» виды экономической деятельности: транспортно-логистический комплекс, строительство и минерально-сырьевой комплекс.

В отношении государственных расходов не выявлено задач увеличения их доли в общем объеме совокупного спроса, а обосновано, что является достаточным поддерживать достигнутый уровень при ежегодном увеличении доли государственных расходов в размере не менее 10 % валового муниципального продукта с возможным изменением внутренней структуры данных расходов в сторону увеличения доли объектов инфраструктуры.

Основной задачей развития чистого экспорта по результатам исследования является нивелирование влияния отрицательного воздействия чистого импорта. Стратегически задача увеличения чистого экспорта за счет вывоза потребительских товаров и услуг сводится к стандартным методам поддержки местного товаропроизводителя. Данная поддержка должна носить точечный характер и требует разработки отдельной среднесрочной муниципальной программы.

Таким образом, примененный авторами методический подход позволил обосновать стратегические задачи по развитию совокупного спроса городского округа «Якутск». При этом, приоритетной является задача увеличения потребительского и инвестиционного спроса, а в области государственных расходов приоритетом может являться активизация участия органов местного самоуправления в региональных и федеральных программах, а также других видах межбюджетных отношений, предполагающих дополнительные расходы из государственных источников различного уровня на территории города.

Стимулирование структурных элементов совокупного спроса приводит к росту объемов производства, необходимых для поддержания экономики на траектории устойчивого развития.

Обосновывается актуальность и выбор методов портфельного анализа отраслевых структур. Рассматриваются предпосылки, основные направления и механизм реализации анализа корпоративного бизнес-портфеля применительно к предприятиям нефтегазового профиля.

В долгосрочной программе развития многих отечественных нефтяных компаний оптимизация портфеля активов (например, вывод непрофильных активов за рамки компании) занимает центральное место. Поэтому при выборе основных направлений структурных трансформаций предприятий нефтегазового профиля представляется возможным использование инструментов портфельного анализа, адаптированных определенным образом к особенностям объекта и предмета исследования. Портфельный анализ является одним из важных инструментов стратегического управления и позволяет сбалансировать риск, потоки денежной наличности в рамках предприятия, служит для принятия решений о распределении различных ресурсов (преимущественно инвестиционных). Основные предпосылки и направления портфельного анализа нефтяной компании представлены (рис. 1).

Портфельный анализ должен базироваться на предварительно разработанной корпоративной стратегии развития нефтяной компании в целом (см. рис. 1). Это обусловлено тем, что портфельная стратегия является дополняющей и формируется в соответствии с генеральным направлением развития предприятия в том случае, если предприятие является многопрофильным, производящим несколько видов продукции (работ, услуг) и/или функционирующего на нескольких рынках, то есть содержит определенный набор стратегических бизнес-единиц (СБЕ). Как правило, любая ВИНК является сложнопостроенной структурой и включает несколько СБЕ, которые могут охватывать отдельные звенья технологической цепочки (разведка и добыча углеводородного сырья - нефтепереработка и нефтехимия - реализация сырой нефти, нефтепродуктов и нефтехимической продукции) и географически обособленные рыночные сегменты (например, Западная Сибирь, европейская часть России, за рубежом). В связи с этим возможно и необходимо осуществлять оптимизацию корпоративного портфеля.

Спектр инструментов портфельного анализа весьма разнообразен. Авторами предлагается проводить портфельный анализ нефтяной компании с использованием матрицы БКГ, трансформировав ее в соответствии с предметом анализа. Если в качестве предмета анализа выступает выручка, то оценку целесообразно проводить с использованием таких показателей, как рентабельность реализации, темп роста выручки и доля выручки каждой СБЕ в общем объеме реализации.

Критерий «Рентабельность реализации» предложен вместо используемого в классической матрице БКГ критерия «Относительная доля рынка». Подобное изменение обусловлено при проведении портфельного анализа. В данном случае производится внутренний бенчмаркинг СБЕ между собой по критерию доходности. Критерий «Темп роста выручки» идентичен критерию «Темп роста рынка (отрасли)» матрицы БКГ. Темпы роста выручки характеризуют изменение объемов реализации (объемов продаж) и могут быть определены по каждой СБЕ через индекс темпа их роста за последний рассматриваемый период или через среднегодовые темпы их изменения. Диаметр круга для изображения сегмента выбирается пропорционально доле объема выручки сегмента в общем объеме реализации предприятия.

На основе анализа матрицы можно сформировать стратегию управления набором СБЕ предприятия. Она формируется по отдельным СБЕ и может содержать следующие стратегические решения (табл. 1).

Аналогичным образом может быть построена матрица «Темп роста активов / Рентабельность активов». Выбор показателей, характеризующих использование активов не случаен, так как динамика величины активов отдельных СБЕ и эффективность их использования могут быть весьма информативны при выработке решений по реструктуризации. Принципы построения матрицы и интерпретации полученных оценок идентичны представленным для матрицы «Темп роста выручки / Рентабельность реализации».

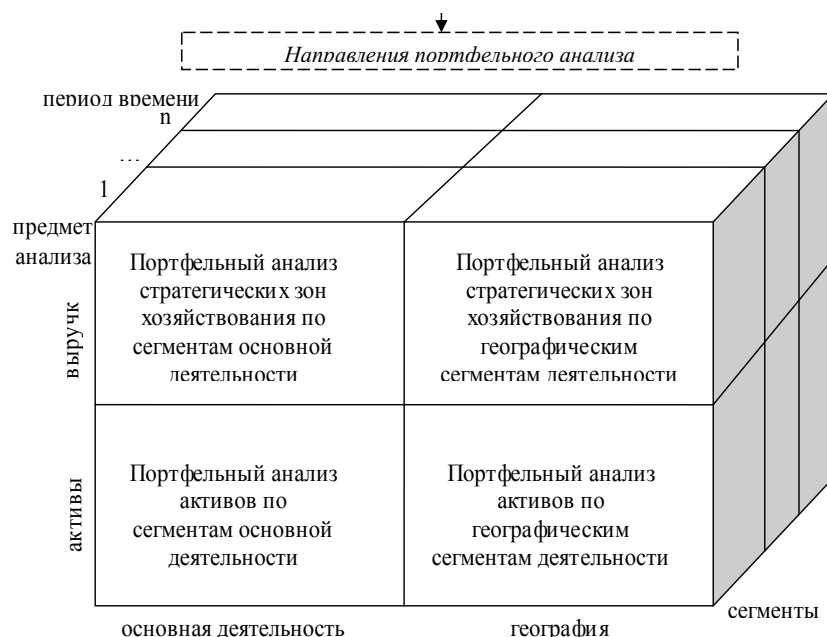

Рис. 1. Предпосылки и основные направления портфельного анализа

Кроме того, портфельный анализ может быть дополнен матрицей, позволяющей оценить размер и динамику капитальных затрат в разрезе отдельных СБЕ. При этом по оси абсцисс может быть отложен такой показатель, как величина активов, по оси ординат - чистая прибыль, а в качестве основы для выбора диаметра окружностей - капитальные затраты.

Таблица 1

Рекомендации матрицы «Темп роста выручки / Рентабельность реализации»

Квадрант	Рекомендации
1	Соответствует квадранту «Знаки вопроса» в матрице БКГ. Оценка соответствия профилю деятельности предприятия по рентабельности и синергии. Анализ перспектив повышения доходности сегмента. Принятие решений о дополнительном финансировании объекта или его реализации (вывода за рамки предприятия, продажи, ликвидации)
2	Соответствует квадранту «Звезды» в матрице БКГ. Максимальные инвестиции в поддержание и расширение СБЕ
3	Соответствует квадранту «Дойные коровы» в матрице БКГ. Стратегия стабилизации. Оптимизация перераспределения денежных средств, поступающих от деятельности данных СБЕ между остальными СБЕ
4	Соответствует квадранту «Собаки» в матрице БКГ. Оценка соответствия профилю деятельности предприятия по синергии. Стратегия сокращения

Представленные матрицы позволяют сделать определенные выводы в отношении деятельности анализируемой нефтяной компании и сформировать набор стратегических рекомендаций в отношении отдельных СБЕ, входящих в состав нефтяной компании. Фрагмент сформированных стратегических рекомендаций по реструктуризации корпоративного портфеля СБЕ нефтяной компании приведен в табл. 2.

Таблица 2

Оценка деятельности нефтяной компании и стратегические рекомендации портфельного анализа (фрагмент)

СБЕ	Портфельный анализ, проведенный			Действия нефтяной компании	Стратегические рекомендации портфельного анализа
	на основе показателей выручки	на основе показателей использования активов	на основе капитальных затрат		
...	...	...	...	...	...
Переработка, торговля и сбыт в европейской части России	«Звезда» - «Дойная корова». Стратегия инвестирования; поддержание сильных позиций на рынке	«Дойная корова». Сдерживать падение темпов роста активов и рентабельности активов	«Звезда». Расширение системы сбыта нефтепродуктов и ассортиментных групп	Поглощение нефтеперерабатывающей компании	Необходимы приобретения сбытовых компаний в данном регионе
...	...	...	...	...	...

Использование на практике основных принципов оптимизации корпоративного портфеля способствует повышению совокупной доходности бизнеса и обеспечивает сбалансированность потребностей и в инвестиционных ресурсах отдельных СБЕ.

После проведения портфельного анализа в разрезе географических сегментов и сегментов основной деятельности для целей детализации аналитических процедур, целесообразно осуществить взаимное наложение полученной сегментной информации и ее дальнейшую интерпретацию (рис. 2).

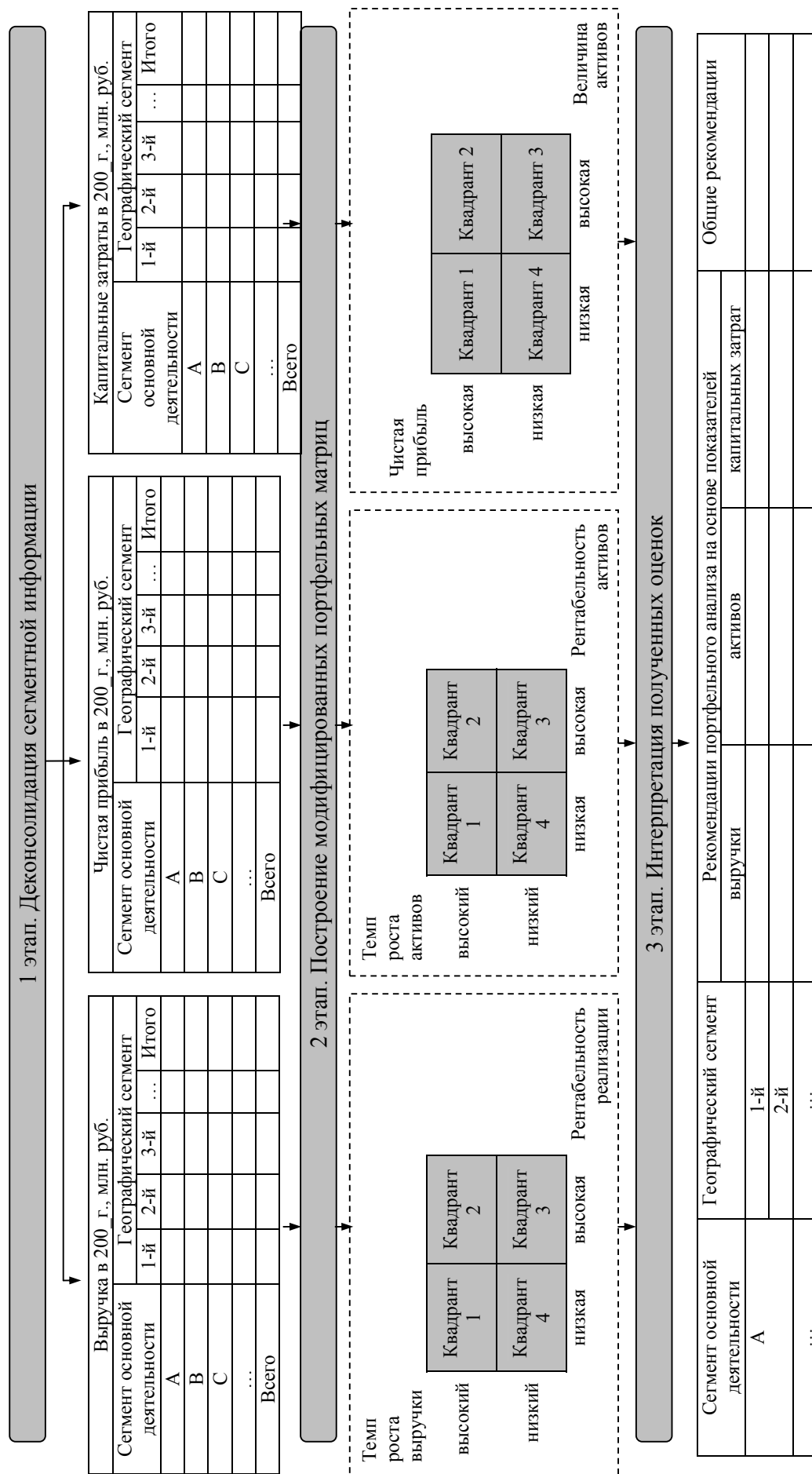

Рис. 2. Алгоритм осуществления деконсолидации и интерпретации сегментной информации

Оценка эффективности инвестиций, инвестиционные проекты, классификация рисков, оценка риска.

Нефтедобывающая отрасль как система характеризуется рядом специфических особенностей, наиболее существенными, с точки зрения анализа эффективности инвестиционных проектов и оценки риска, являются следующие: большая зависимость показателей и критериев эффективности затрат от уровня использования разведанного и извлекаемого углеводородного сырья, изменчивость во времени природных факторов, а также вероятностный характер большинства технико-экономических показателей разработки месторождений.

Таким образом, крайне важной становится коррекция существующих методов оценки риска и выработки наиболее приемлемых подходов для учета в них всей многоаспектности современных проектов. Итоговая оценка рискованности инвестиций должна достаточно подробно отражать все затрагивающие интересы инвестора аспекты проекта в удобной для него форме и четко определять категорию риска. Данные особенности должны оказывать существенное влияние на формирование системы проектных рисков, позволяющую достоверно и полно идентифицировать риски проекта.

Понятие риск можно определить следующим образом: риск – это носящее вероятностный характер воздействие определенных факторов, под влиянием которых может произойти отклонение действительной величины экономического эффекта проекта от его ожидаемого запланированного значения.

Основной задачей, которую должна решать система идентификации и оценки вероятности появления существующих рисков, является выявление степени влияния риска на проект для управления проектными рисками, а также последующей разработки механизмов по их минимизации.

Исходя из проведенного автором анализа, можно выделить следующие основные проблемы оценки эффективности реализации инвестиционных проектов в условиях нестабильной среды:

- недостаточная информативность критериальной основы оценки риска, не позволяющая учитывать возможные изменения составляющих проекта
- недостаточная достоверность оценки риска вследствие того, что на различных этапах жизненного цикла проекта необходимо учитывать дополнительно проявляющиеся виды рисков.

Возможным решением данных проблем является применение диверсифицированного подхода к оценке рисков, учитывающего этапность реализации проектных инвестиций.

Результаты осуществленного автором исследования практики проектного анализа показали, что на различных этапах осуществления инвестиций, на первом месте – различные риски (рис. 1).

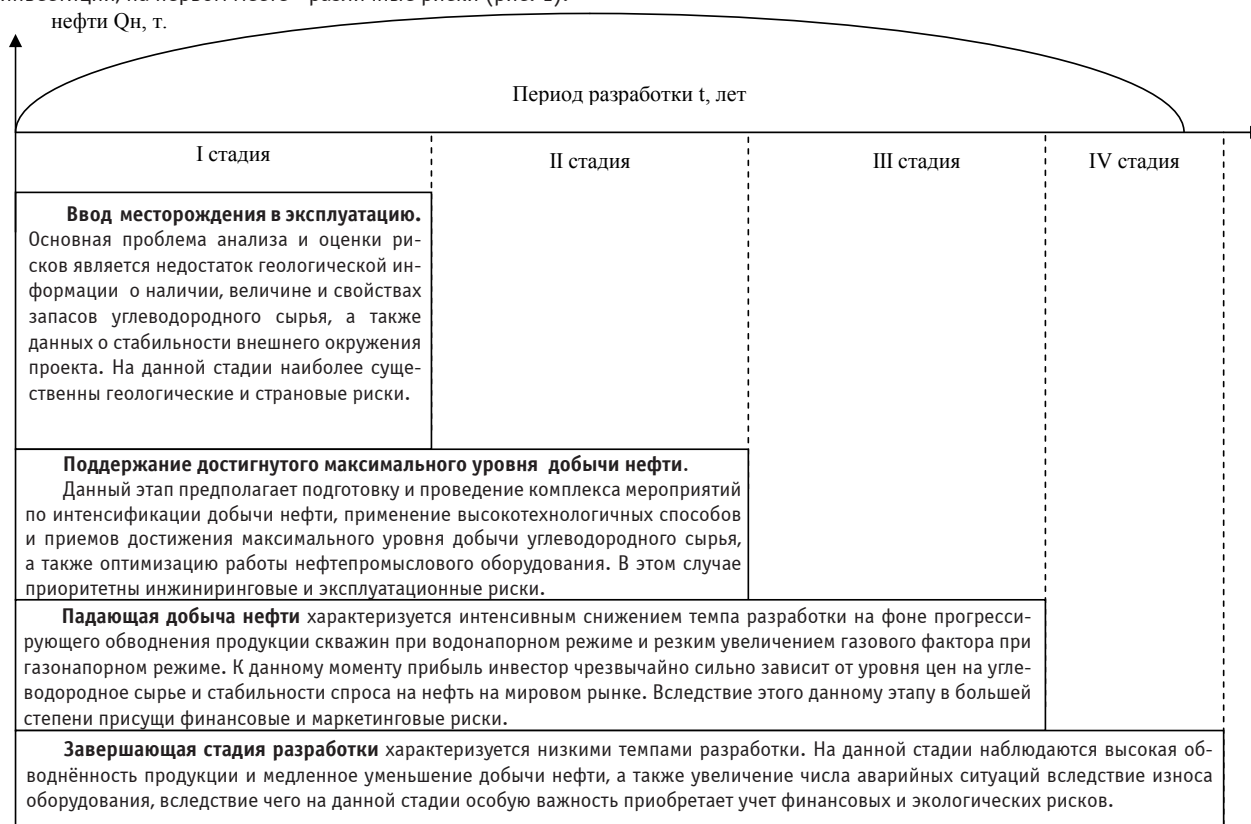

Рис. 1. Этапность реализации инвестиционных проектов с учетом рисковых факторов

Анализ существующих систем классификации проектных рисков показал, что в большинстве случаев они описывают только отдельные аспекты реализации проектов, и поэтому в существующих быстроменяющихся условиях внешней среды не могут быть в полной мере применимы для проведения комплексного анализа проектных рисков. В большинстве научных исследований предлагается разделение всей совокупности рисков инвестиций по отношению к проекту на внутренние и внешние, при этом данная классификация в дальнейшем уточняется.

Во многих работах авторами первоначально создается общая классификация рисков (по ситуации, масштабам, времени принятия рискованных решений и другим признакам), рассматриваемая далее. Признавая достоинства существующих подходов к классификации риска следует отметить, что некоторые из рассмотренных классификаций несколько размыты, границы между их отдельными понятиями весьма условны, не всегда соблюдается четкость следования принципу классификации риска (описывается не сам риск, а причина его возникновения или возможные его последствия).

Авторы некоторых работ приводят классификацию рисков нефтяной и газовой промышленности, разделяя всю совокупность рисков на общие и специфические (присущие только нефтедобывающей отрасли), выделяя при этом специфические отраслевые риски только для отдельных начальных стадий разработки месторождения. В связи с этим представляется целесообразным скорректировать существующие подходы к классификации специфических рисков с учетом стадий воздействия на промысловый объект, а также стадийности разработки технологической проектной документации.

Предлагаемая автором классификация общих и специфических проектных рисков объектов нефтедобывающего производства, разработанная на основании проведенных исследований и обобщения опыта многочисленных научных работ, представлена (рис. 2).

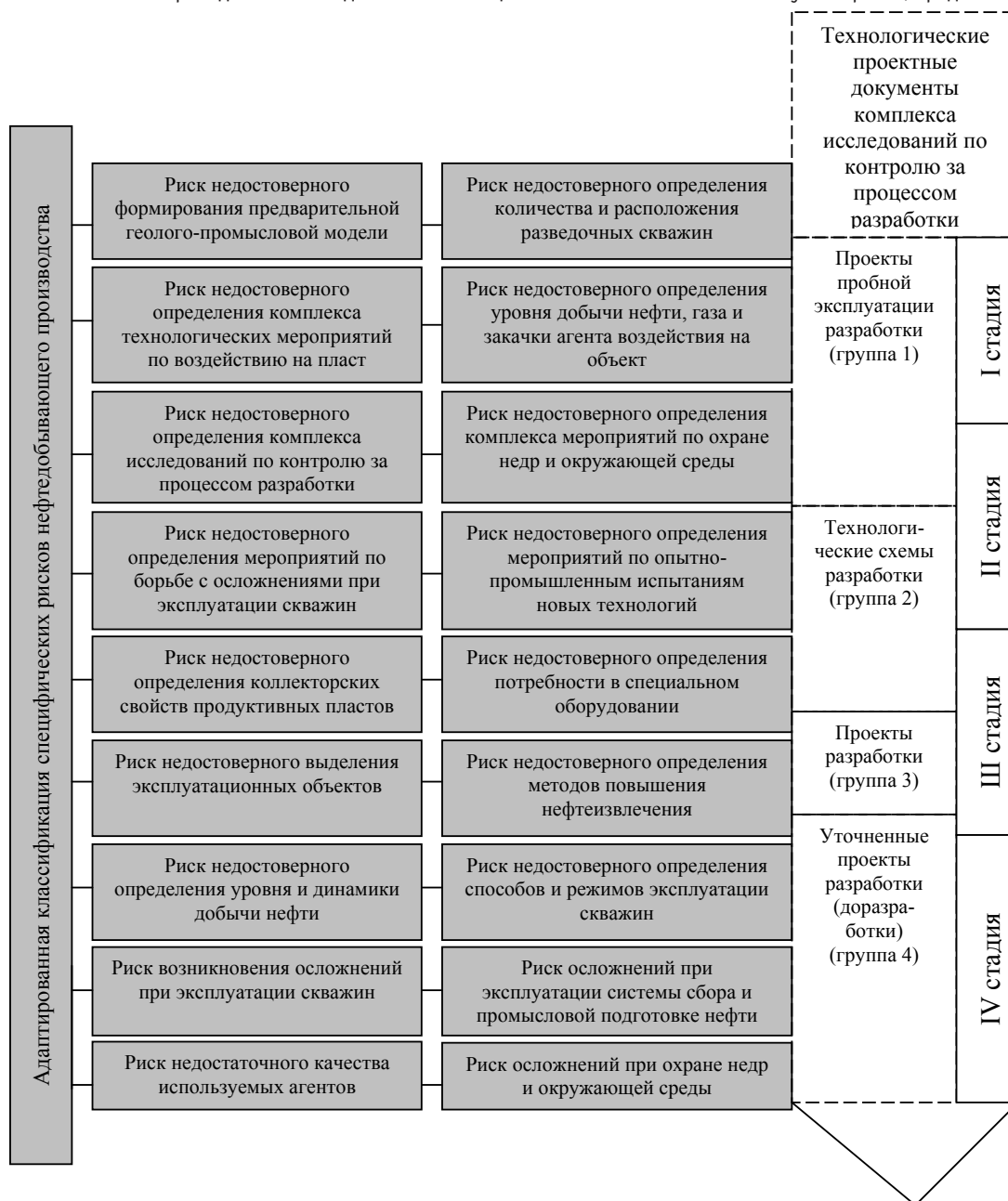

Рис. 2. Классификация рисков нефтедобывающего производства

Рекомендуемая классификация рисков нефтедобывающего производства позволяет учитывать различные виды рисков не только

в зависимости от стадий воздействия на промышленный объект, но и с учетом последовательности разработки технологической проектной документации. Данное обстоятельство позволит использовать предлагаемую классификацию в качестве базы для определения методов оценки риска инвестиционных проектов с учетом стадии их реализации.

В целях более достоверной оценки риска можно рекомендовать формирование критериальной системы оценки риска проектов разработки нефтяных месторождений в виде совокупности показателей (табл.).

Таблица

Рекомендуемая система показателей оценки риска проектов разработки нефтяных месторождений

Показатель	Сущность критерия	Аспект учета риска
Коэффициент эластичности по добыче нефти	Характеризует чувствительность экономической эффективности проекта к изменению объема добычи нефти	Внешняя среда проекта
Коэффициент эластичности по цене на нефть	Показывает чувствительность экономической эффективности проекта к изменению цены на нефть	Внешняя среда проекта
Коэффициент эластичности по капитальным вложениям на разведку	Отражает чувствительность экономической эффективности проекта к изменению капитальных проектных затрат	Внутренняя среда проекта
Коэффициент эластичности по капитальным вложениям на доразведку	Отражает чувствительность экономической эффективности проекта к изменению капитальных проектных затрат	Внутренняя среда проекта
Коэффициент эластичности по постоянным эксплуатационным затратам	Отражает чувствительность экономической эффективности проекта к изменению постоянных проектных затрат	Внутренняя среда проекта
Коэффициент эластичности по переменным эксплуатационным затратам	Отражает чувствительность экономической эффективности проекта к изменению переменных проектных затрат	Внутренняя среда проекта
Коэффициент эластичности по таможенным пошлинам	Отражает чувствительность экономической эффективности проекта к изменению затрат на уплату таможенных пошлин	Внешняя среда проекта
Коэффициент эластичности по налогу на добычу полезных ископаемых	Отражает чувствительность экономической эффективности проекта к изменению затрат на уплату налога на добычу полезных ископаемых	Внешняя среда проекта

Для более достоверной оценки рисков инвестиционных проектов и выбора наиболее актуального для данной стадии метода оценки риска необходимо учитывать стадийность подготовки и реализации проектов разработки месторождений. В рамках каждого этапа разработки инвестиционного проекта может быть рекомендован и в дальнейшем адаптирован отдельный набор параметров оценки риска (коэффициентов эластичности) в зависимости от доступности информации о состоянии сырьевого потенциала, стадии реализации инвестиционного проекта и нестабильности внешней среды.

ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О. В. Руденко

Конкурентоспособность, потребительские предпочтения, предпочтительные характеристики продукции, сегмент, строительная продукция, товар.

Вопросам повышения конкурентоспособности продукции строительных организаций посвящены работы многих авторов, однако, слабоизученным остается ряд важных проблем, к числу которых можно отнести проблему оценки конкурентоспособности исходя из предпочтительных характеристик строительной продукции для потенциальных потребителей.

Строительная продукция как товар представляет собой все, что может удовлетворить потребность человека (группы людей или общества в целом) в объектах недвижимости и предлагается рынку для купли-продажи. Например, жилая недвижимость, являясь одним из видов строительной продукции, в системе маркетинга может рассматриваться как:

- товар по замыслу его содержания - удовлетворение потребности в теплом и комфортном жилье;
- товар в реальном исполнении - готовый жилой дом;
- товар с подкреплением - оказание дополнительных услуг, подкрепляющих выгоду приобретения этого вида строительной продукции.

Исходя из этого положения, можно сделать вывод, что конкурентоспособность строительной продукции - это некая относительная комплексная характеристика, отражающая ее отличия от аналогичной продукции конкурента и соответственно определяющая привлекательность в глазах потребителей, включающая три основные составляющие. Первая жестко связана с продукцией как таковой и в значительной мере сводится к ее качеству. Вторая связана с экономикой создания сбыта и сервиса продукции, с экономическими возможностями и ограничениями потребителя. Третья отражает все то, что может быть приятно или неприятно заказчику как потребителю.

Конкурентоспособность строительной продукции, как и любого другого товара, определяется множеством критериев, которые можно классифицировать и представить в виде следующих агрегированных групп, каждая из которых содержит ряд подгрупп.

1. Критерии, определяющие выбор строительной фирмы (имиджевая составляющая) и включающие репутацию строительной фирмы на конкретном рынке строительной продукции, уровень рекламы, предлагаемые условия платежа и пр.

2. Критерии, значимые при покупке строительной продукции и включающие гарантийный период эксплуатации, полноту техниче-

ского обслуживания, срок изготовления (строительства) и точность его соблюдения (имиджевая составляющая), качество и цена.

Таким образом, набор критериев, определяющих конкурентоспособность строительной продукции, оказывается столь значительным, что невозможно предложить единую методику сбора данных по этим факторам, их обработки и идентификации для полной диагностики уровня интенсивности конкурентной борьбы на рынке строительной продукции. Возникает задача выбора важнейших критериев, определяющих конкурентоспособность продукции строительных организаций. Для этих целей следует использовать маркетинговый подход к выбору критериев оценки посредством выявления предпочтительных характеристик на основании опроса потребителей более значимого сегмента конкретного рынка строительной продукции с помощью специально разработанной анкеты.

Алгоритм выбора критериев оценки конкурентоспособности продукции строительных организаций представлена на рис. 1.

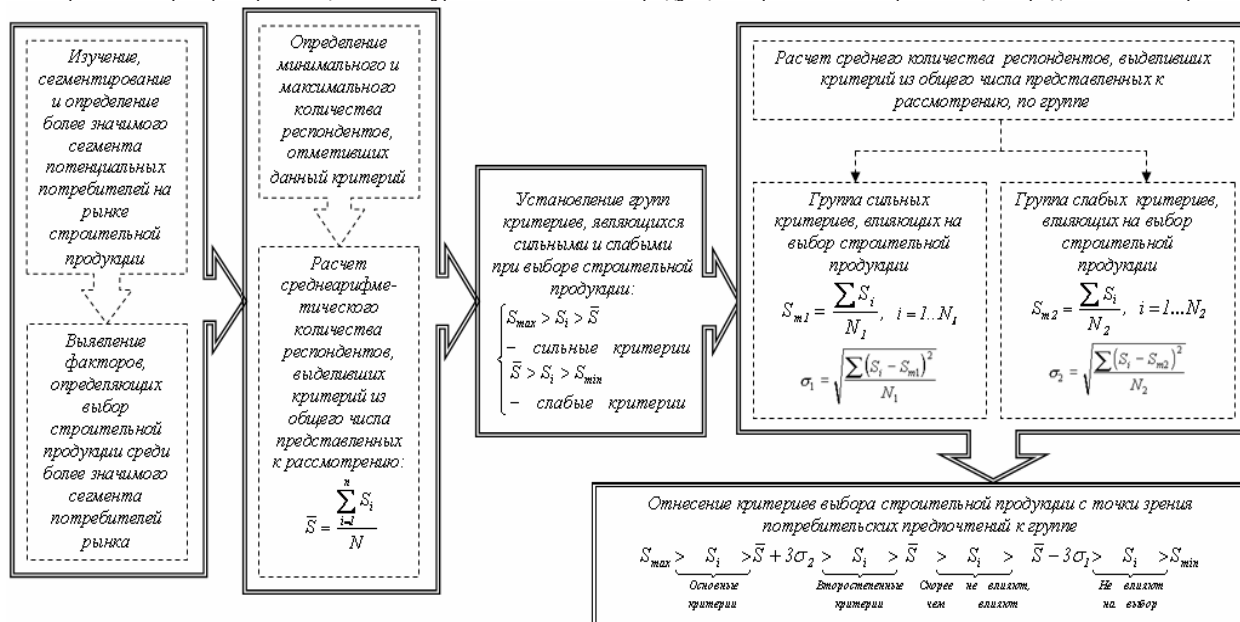

Рис. 1. Алгоритм определения критериев оценки конкурентоспособности строительной продукции

Такой подход позволяет учитывать запросы покупателей и избегать субъективных предположений экспертов. Например, проведенное маркетинговое исследование потребительских предпочтений на рынке многоквартирных жилых домов, как вида строительной продукции, г. Югорска позволило выявить, что наиболее значимым среди критериев имиджевой составляющей оценки конкурентоспособности является критерий - «Условия платежа», среди критериев месторасположения - «Близость к центру города». Среди функциональных характеристик квартиры - «Наличие внутренней отделки», среди качественных характеристик жилого дома - «Строительный материал, используемый при возведении стен» (рис. 2).

Численность респондентов, отметивших критерий выбора квартиры в многоквартирном жилом доме, в % от численности сегмента

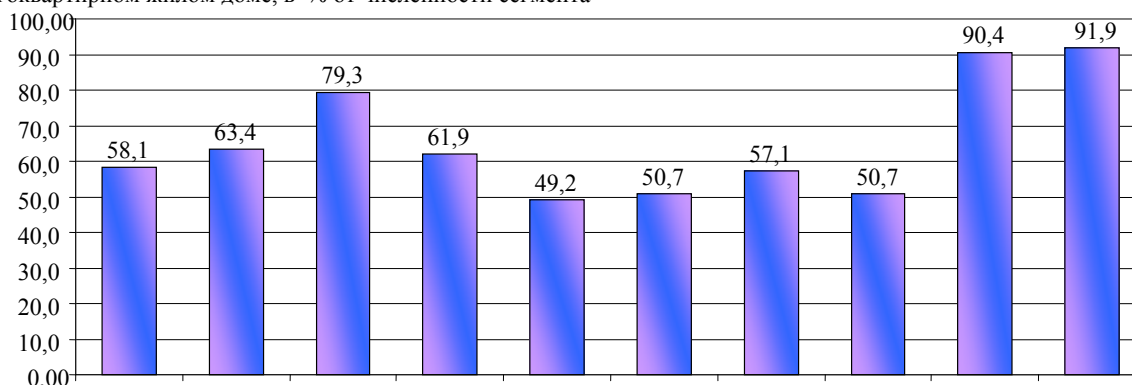

Рис. 2. Предпочтительные характеристики многоквартирных жилых домов потребителей г. Югорска

Все представленные критерии оценки конкурентоспособности продукции строительных организаций можно условно разделить на «жесткие» и «мягкие». К «жестким» относятся имиджевые и ценовые критерии - они имеют естественную физическую меру, выраженную в тех или иных единицах, и описывают важнейшие функции строительной продукции. К «мягким» относятся качественные критерии жилой недвижимости - они не имеют естественной физической меры и вследствие этого трудно поддаются количественной оценке. Определение «жестких» критериев, а также расчет единичных показателей конкурентоспособности продукции строительной организации осуществляется на основании специально разработанных формул.

По мнению автора работы, более удобной процедурой, обеспечивающей достаточную объективность количественной оценки,

например, репутации строительной организации, является анализ сделок на приобретение жилья, на основе которого устанавливается количество расторгнутых договоров со стороны клиента. Показатель конкурентоспособности продукции строительной организации по репутации фирмы $P(p)$ определяется на основании формулы

$$P(p) = \frac{K_{(p)ik}}{\bar{K}_{(p)}} \quad , \quad (1)$$

где $K_{(p)ik}$ - критерий репутации по i-му объекту k-й строительной фирмы;

$\bar{K}_{(p)}$ - среднее значение критерия репутации строительной организации.

Оценка качественных или «мягких» критериев осуществляется методом экспертных оценок по пяти балльной шкале. Показатель конкурентоспособности продукции строительной организации по качественным критериям определяется по формуле

$$P(j) = \frac{K_{(j)ik}}{\bar{K}_{(j)}} \quad , \quad (2)$$

где $K_{(j)ik}$ - качественный j-й критерий по i-му объекту k-й строительной фирмы;

$\bar{K}_{(j)}$ - среднее значение каждого из представленных качественных критериев.

В общем виде процесс определения конкурентоспособности продукции строительных организаций включает три этапа (рис. 3).

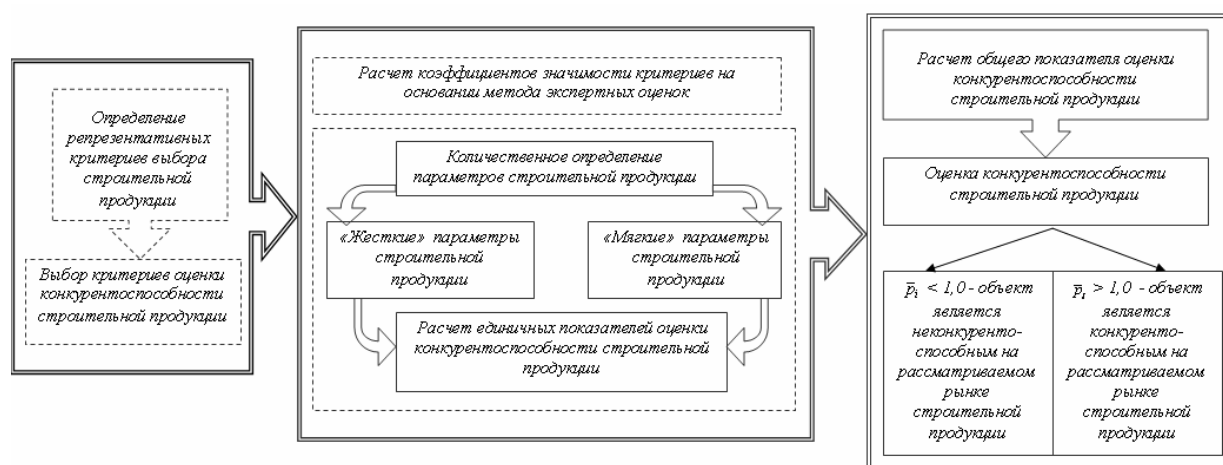

Рис. 3. Алгоритм оценки конкурентоспособности продукции строительных организаций

В основу предлагаемой автором методики положен принцип количественной и качественной оценок конкурентоспособности продукции строительных организаций методом многомерной классификации, позволяющей оценить конкурентоспособность отдельного объекта, и целой группы объектов в среднем по исследуемому рынку.

Поскольку нельзя рассчитать среднюю величину абсолютных значений разных критериев оценки конкурентоспособности, выраженных в разных единицах измерения, то показатель конкурентоспособности строительной продукции на основании многомерной средней вычисляется из отношений значений признаков для единицы совокупности к средним значениям этих признаков. Поскольку критерии оценки в разной степени значимы для потребителя, а, соответственно, и в разной степени будут оказывать влияние на конкурентоспособность строительной продукции, расчет показателя конкурентоспособности должен осуществляться с учетом коэффициентов значимости. В виду того, что сумма коэффициентов значимости равна 1, формула будет иметь вид:

$$\bar{P}_i = \sum_{j=1}^n p_{ij} * \omega_j = \sum_{j=1}^n \left(\frac{K_{ij}}{\bar{K}_j} \right) * \omega_j \quad , \quad (3)$$

где p_i - показатель конкурентоспособности i-й вида строительной продукции;

p_{ij} - величина критерия оценки для i-й вида строительной продукции;

K_{ij} - значение признака K_j оценки конкурентоспособности для i-й вида строительной продукции;

$\bar{K}_j$ - среднее значение признака K_j оценки конкурентоспособности.

На основании расчета показателя конкурентоспособности оценивается уровень конкурентоспособности строительной продукции:

- если p_i меньше 1,0, то строительная продукция неконкурентоспособна;
- если $p_i > 1,0$, то строительная продукция является конкурентоспособной на рассматриваемом рынке.

Использование представленного подхода, опирающегося на методы многомерного статистического анализа, позволяет не только ранжировать объекты, но и выделить типические группы по уровню их конкурентоспособности. Это, на взгляд автора работы, дает возможность дифференцированно подходить к выбору возможных направлений повышения конкурентоспособности строительной продукции.

Апробация разработанных методических подходов к оценке конкурентоспособности продукции строительных организаций осуществлялась на примере многоквартирных жилых домов одного из малых городов Ханты-Мансийского АО - города Югорска. В настоящее время на рынке многоквартирных жилых домов г. Югорска работают четыре строительные организации, более 60% объемов строитель-

ства и ввода объектов в эксплуатацию приходится на ООО «Югорскремстройгаз».

На основании проведенного исследования выявлено, что восемь из включенных в изучаемую совокупность 19-ти многоквартирных жилых домов на рынке г. Югорска являются конкурентоспособными по выбранным критериям (рис. 4).

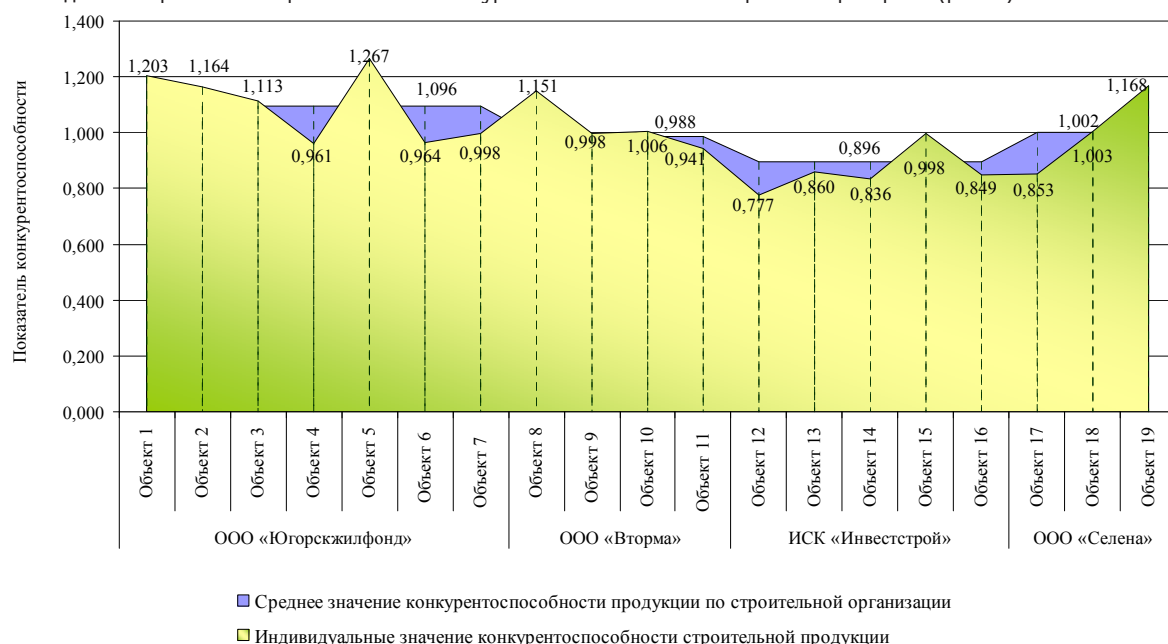

Рис. 4. Оценка конкурентоспособности многоквартирных жилых домов на рынке г. Югорска

В целом продукция строительных организаций, работающих на данном рынке многоквартирных жилых домов, конкурентоспособна - средний по рынку показатель конкурентоспособности составил 1,006. Однако, индивидуальные значения конкурентоспособности объектов, включенных в изучаемую совокупность, варьируются от 0,777 до 1,267. Следовательно, существует необходимость выявления и разработки управленческих решений по минимизации воздействия основных факторов, влияющих на уровень конкурентоспособности.

Система решений по повышению конкурентоспособности продукции строительных организаций может быть разработана на основе рейтингового подхода к управлению отклонениями фактической величины каждого критерия оценки от средней с учетом коэффициентов значимости.

Предлагаемая методика позволяет не только оценивать конкурентоспособность строительной продукции, но и выявлять слабые стороны в деятельности и принимать обоснованные управленческие решения по ее повышению на основе целенаправленного воздействия на показатели, вызывающие снижение конкурентоспособности. Проведение такого анализа возможно на всех стадиях производства (строительства) и реализации строительной продукции с изменениями параметров оценки конкурентоспособности, не соответствующих потребительским предпочтениям наиболее значимого сегмента рынка, и повышением конкурентоспособности продукции строительных организаций.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕВЕЛОПМЕНТУ: РАЗВИТИЕ ФОРМАТА MIXED-USE В РОССИИ

М. В. Симонова

Источники финансирования, девелопмент, рынок недвижимости и строительства, многофункциональные комплексы, рискованность проектов.

С начала 90-х годов в связи с экономическими трансформациями в России ведется активный поиск новых источников финансирования и способов организации строительного процесса. Одним из таких новых направлений развития рынка недвижимости и строительства сегодня является выделение девелопмента как особой сферы профессиональной деятельности. Освоение девелопмента как особого явления на рынке недвижимости является одним из ключевых условий успешного использования накопленного мирового опыта в строительной и инвестиционной сферах рыночной экономики.

Как направление бизнеса термин девелопмент (от англ. develop - совершенствовать, развивать) предполагает деятельность и управление ею, ориентированные на качественное преобразование недвижимости, что обеспечивает рост ее стоимости [1]. Девелопмент предполагает сосредоточение всего набора компетенций и функций по созданию объектов недвижимости, включая поиск инвесторов и самостоятельное инвестирование, проектирование, строительство, оформление необходимой документации и управление готовым объектом. Таким образом, компания-девелопер является специалистом, в компетенции которого находится решение всех вопросов рынка недвижимости: от поиска необходимого земельного участка до возведения объекта и управления им. На практике деятельность такой компании начинается с изучения спроса на определенную территорию, которая может быть интересна инвестору, и формирования проекта, от реализации которого можно получить максимальную прибыль. Завершается же данный цикл функцией управления сданным объектом, в том числе с помощью привлечения международных бизнес-операторов. При этом фактором конкурентоспособности строительных ком-

паний является переориентирование и расширение их деятельности со строительства как такового на направление девелопмента, что предполагает создание комплексов строящихся объектов или отдельных крупных объектов, существующих в рамках деятельности компании как пул отдельных независимых проектов, управляемых согласно принципам «проект-менеджмент».

До последнего времени в России на протяжении нескольких лет наблюдался строительный бум в сфере жилой недвижимости. Однако наряду с этим базовым для компаний-девелоперов направлением существенную долю в сфере строительства заняли объекты коммерческой недвижимости – торговые центры разного формата, бизнес-центры и гостинично-деловые комплексы, называемые многофункциональными (МФК), которые в Уральском Федеральном округе представлены пока единичными проектами. Согласно классификации Urban Land Institute, многофункциональный, или мультифункциональный (mixed-use) комплекс – это крупный объект (площадью более 100 тыс. кв.м), который получает доход от трех и более функциональных назначений, имеющих независимый спрос. Многофункциональные комплексы в классическом варианте совмещают три и более равносильных и независимых функции, каждая из которых, вместе с тем, связана с остальными по принципу синергии: отель, бизнес-центр, торговая зона, развлекательная зона, сервисные апартаменты, фуд-корт, фитнес-клуб и т.д. [2]. Таким образом, формат mixed-use предполагает генерирование дохода от различных сегментов недвижимости в сопоставимых пропорциях в составе объекта смешанного назначения.

Многофункциональные комплексы (МФК) — динамично развивающийся сегмент российского рынка недвижимости. Активное строительство МФК ведется не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и почти во всех крупных городах страны — Нижнем Новгороде, Самаре, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Красноярске, Владивостоке. Активность отечественных девелоперов в этом сегменте рынка недвижимости — отражение общемировых тенденций. Однако на Западе многофункциональные комплексы прошли уже несколько этапов своего развития, и международная практика реализации проектов смешанного типа показывает, что девелопмент таких объектов необходим на развитых рынках, где востребованными становятся уникальные концепции, повышающие привлекательность проекта в условиях сильной конкуренции. На российском стремительно развивающемся рынке коммерческой недвижимости реализованных проектов данного формата пока сравнительно немного, а в уже существующих доминирующей функцией является гостиница. В качестве примеров можно привести бизнес-центр им. Мейерхольда с гостиницей «Novotel Moscow Center», гостиницы «Radisson Славянская» и «MaMaison Residence», комплексы «Swissotel Красные Холмы» и «Москва Сити». Создание как минимум десяти комплексов планируется в регионах, однако, на сегодняшний день можно говорить не столько о тенденции, сколько об отдельных прецедентах реализации региональных проектов данного формата.

К преимуществам реализации проектов по созданию многофункционального комплекса можно отнести следующие.

Во-первых, компания-девелопер с наибольшей вероятностью принимает решение о развитии многофункционального комплекса, ставя целью разделение возможных рисков между недвижимостью различного назначения. Концепция проекта, достигаемая в результате такой диверсификации рисков, позволяет финансовым показателям доходности оставаться на высоком уровне, даже если отдельные сегменты рынка перейдут в фазу перенасыщения. Хотя эффективность подобной диверсификации в значительной степени зависит от динамики спроса и предложения, а также конкретных преимуществ объекта, в сфере недвижимости наиболее приемлемой стратегией является минимизация рисков. Объединение в одном проекте составляющих, имеющих различные циклы экономической жизни и различающихся по структуре бизнес-операций, позволяет получить более устойчивый к рыночной конъюнктуре проект, снизив риски инвестора.

Во-вторых, совмещение в одном объекте различных функций позволяет извлекать из его эксплуатации максимальную прибыль. Благодаря совмещению различных форматов недвижимости и учету требований разных категорий потребителей, рентабельность комплексов с двумя и более эксплуатационными назначениями на порядок выше монофункциональных объектов. По мнению ряда экспертов, совмещение нескольких форматов недвижимости в рамках одного комплекса способствует возрастанию ликвидности площадей каждого из представленных форматов, увеличивает инвестиционную привлекательность проекта в целом, сокращает сроки окупаемости. Совмещение в одном проекте гостиницы и офиса позволяет девелоперу окупить проект уже через 7-8 лет, а наличие в МФК апартаментов может и вовсе сократить срок до 5 лет, согласно оценке участников рынка. В первые годы, особенно проблемные для гостиничного проекта в составе МФК, собственник выравнивает доходы за счет поступлений от офисной аренды. По мере адаптации гостиницы к рынку ее доходы возрастают. Офисная составляющая при старении всего комплекса сокращает объем генерируемых ею доходов, а гостиница, ежедневно продавая номера, обладает гибкостью в ценовой политике. Таким образом, при грамотной концепции проекта и управлении им каждый сегмент многофункционального комплекса может оказывать положительное влияние на доходность соседних сегментов.

В-третьих, при освоении больших земельных площадок (особенно если они расположены в непосредственной близости к центрам деловой активности) за счет возведения МФК, объединяющего в одном месте жилые корпуса или отели, офисы, торговые центры – поставщиков различных услуг, компания-девелопер достигает преимуществ от рационального использования земельного участка и экономии энергоресурсов при создании инженерных сетей.

В-четвертых, строительство многофункциональных зданий позволяет девелоперу успешно адаптироваться к меняющимся административным стандартам по согласованию проектов и застройке. Включение жилых апартаментов в состав МФК возможно на участках, запрещенных к строительству стандартной жилой недвижимости; офисные центры возможно создавать на участках, не предназначенных для административных зданий; а наличие в комплексе гостиничной функции обеспечивает застройщику преференции со стороны местной администрации, что является значительным ресурсом при реализации любых проектов в сфере недвижимости.

В-пятых, формат mixed-use отвечает динамике и особенностям современной городской среды, которые побуждают девелоперов совмещать различные сферы жизни в одном многофункциональном комплексе, что является ответом на современные запросы потребителей недвижимости. Например, корпоративная культура многих транснациональных компаний и предприятий крупного бизнеса предусматривает помимо высококачественных офисных площадей также и наличие специальных помещений — апартаментов или гостиницы бизнес-класса (4-5*), в которых могут проживать топ-менеджеры-экспаты, а также технологически оснащенных конгресс-помещений, где проводятся особо важные переговоры. Тем самым МФК выступают как значимые инфраструктурные объекты, обслуживающие сферу делового туризма региона, что способствует повышению его инвестиционной привлекательности со стороны западных инвесторов.

Наконец, основной особенностью девелопмента подобных объектов является создание синергетического эффекта при участии в реализации проекта большого количества бизнес-консультантов, проектировщиков, конструкторов, архитекторов, маркетологов, потенциальных арендаторов, финансовых институтов и т.д., которые в конечном итоге формируют интернациональную команду с комплексом уникальных компетенций и международного опыта.

Таким образом, реализация проектов недвижимости формата mixed-use позволяет достигать синергетического эффекта за счет

грамотной комбинации независимых функций и удовлетворения спроса на различные услуги, что одновременно обеспечивает диверсификацию рисков девелопера и максимизацию его прибыли.

Поскольку девелоперская деятельность предполагает сосредоточение у компании всего набора компетенций и функций по созданию объектов недвижимости и их управлению, компания-девелопер при реализации проектов МФК несет риски инвестора, заказчика, застройщика, оператора и брокера одновременно. В связи с этим формат МФК оказывается на порядок более рискованным при реализации проектов в сфере недвижимости. Среди факторов, определяющих высокую рискованность проектов mixed-use для компаний-девелоперов, следует выделить следующие.

1. Повышенная сложность стадии проектирования и разработки маркетинговой концепции. Оптимальность сочетания самостоятельных зон в составе единого комплекса определяется на этапе создания проекта и его проектирования. Основной сложностью при этом является необходимость выделения людских потоков для каждой из функций МФК, которые бы не пересекались между собой или были зонально отделены с контролем доступа. Одновременно при разработке маркетинговой концепции проекта наиболее сложной частью является выбор целевых групп и определение их социального статуса. Однородный социальный состав потребителей можно назвать ключевым фактором успеха проекта.

2. Выбор подходящего земельного участка. Среди наиболее важных критериев выбора территории для развития проекта МФК эксперты рынка называют не только достаточные размеры участка, позволяющие разместить несколько полноценных функций (не менее 60 тыс. кв.м), но и транспортную и пешеходную его доступность, а также сложившуюся репутацию данного района. Для крупного многофункционального центра район от 8 до 12 километров определяется как основной. Именно он генерирует от 70 до 80% постоянных клиентов [3].

3. Значительная капиталоемкость проекта. В связи со значительными масштабами и, следовательно, объемом требуемых инвестиций в проекты МФК, компания-девелопер вынуждена еще на ранних стадиях реализации проекта (начальная фаза строительства) привлекать значительные объемы финансирования со стороны крупных финансовых институтов, инвестиционных фондов, частных инвесторов. Зачастую кредиторы стараются избежать рисков, связанных со столь значительными вложениями и рискованностью сферы строительства как таковой. Как следствие, компании-девелоперы вынуждены реализовывать схемы экспортно-импортного финансирования, привлекая зарубежных подрядчиков для строительства объектов, которые могут получить кредитное финансирование на свое юридическое лицо от западного банка. При этом от девелопера, как правило, требуется наличие заключенных договоров с международными операторами на управление комплексом после его ввода в эксплуатацию, а также наличие гарантии российского банка, что является дорогостоящим ресурсом для компании.

4. Повышенные затраты на строительство и содержание МФК. В связи с тем, что каждый МФК, как правило, является уникальным архитектурным объектом, и разные функции в составе комплекса для своего оптимального размещения требуют нестандартных планировочных решений, девелопер вынужден осуществлять дополнительные затраты на привлечение более опытных консультантов и архитекторов (чаще всего зарубежных). Основным критерий успешного функционирования такого объекта - разделение различных потоков посетителей, покупателей, жильцов и т.п., что, как правило, увеличивает себестоимость строительства: требуется большее количество входных групп, лифтов, лобби-зон. Как показывает практика участников рынка, строительство МФК обходится в среднем на 5-10% дороже, чем возведение объектов по отдельности. При этом МФК изнашиваются на 15-20% быстрее, следовательно, себестоимость содержания здания в процессе эксплуатации также оказывается выше, чем содержание привычного монофункционального бизнес-центра [4].

5. Очередность строительства и реализации составных функций МФК. Обычной практикой при создании объекта mixed-use является разделение этапов строительства и поочередный ввод в эксплуатацию отдельных элементов комплекса. При этом принятие решения об очередности реализации различных функций может зависеть от конкретных особенностей площадки, технических условий, возможностей финансирования и т.д. Строительство может проводиться в несколько этапов, если такое решение не повлияет на функционирование ранее построенных объектов при дальнейшем строительстве. Таким образом, процесс строительства должен быть спланирован таким образом, чтобы обеспечить ввод помещений в эксплуатацию и начать извлекать коммерческую прибыль до окончания всех строительных работ. При определении этапности ввода в эксплуатацию различных составляющих комплекса важную роль играет рыночный потенциал каждого сегмента.

6. Управление МФК. Управление коммерческими площадями объекта mixed-use - задача очень сложная ввиду существенных различий в технологиях управления для отдельных сегментов. Согласно российской практике, девелопер привлекает к управлению различными функциями комплекса различных операторов (в том числе международных). Таким образом, функция менеджмента в жилой части комплекса может быть реализована гостиничным оператором, в офисной части - международным брокером, в ресторанной зоне могут работать заведения под маркой западных пивоваренных компаний, а фитнес-клуб - оперировать на основе договора франчайзинга с российским оператором. При этом необходимо грамотно разграничить права и ответственность владельцев и операторов различных частей, заранее определить порядок эксплуатации общего имущества: коммуникаций, общих зон, инженерной инфраструктуры здания. Данная задача стоит именно перед собственником объекта, то есть девелопером.

7. Организация системы учета и реализации продукта. По каждой функции необходимо вести отдельный учет и планирование, что требует организации специальных систем учета. В зависимости от функций могут различаться правовые формы договора на управление. Более того, разные функции требуют разных методов рекламы и продвижения.

8. Юридический статус проекта. Как правило, девелопер, чтобы выстроить правильные налоговые отношения с государством, а также обезопасить собственную компанию в случае остановки единичного проекта или его конечной неэффективности, под отдельный проект формата mixed-use создает специальную компанию SPV (special purpose vehicle), которая функционирует как балансодержатель проекта, являясь собственником имущественных и земельных прав по объекту. От девелопера наличие подобных бизнес-единиц в структуре компании требует развитой системы корпоративного управления, оптимально выстроенной схемы бизнес-процессов, а также высоких стандартов учета, обеспечивающих в конечном итоге повышение капитализации компании и ее прозрачности, что является ключевым фактором для внешних соинвесторов проектов.

9. Продажа бизнеса. Поскольку сущностью девелоперской деятельности является инвестирование в объекты недвижимости для их создания, преобразования и в конечном итоге - получения прибыли (или как минимум - возврата своих инвестиций), то законченный и функционирующий многофункциональный объект для девелопера становится готовым бизнесом, который можно выгодно реализовать. Однако при продаже всего МФК или его доли собственник сталкивается с рядом проблем. Прежде всего, многофункциональный комплекс

представляет масштабный проект, а следовательно, при целостной продаже требует значительных объемов финансирования, что существенно снижает его ликвидность. Кроме того, определить реальную стоимость такого объекта довольно сложно. Продажа отдельных элементов комплекса теоретически возможна, но крайне нежелательна, так как может привести к потере его целостности, ведь собственник коммерческих площадей может пожелать изменить их назначение, что обязательно отразится на остальных составляющих. Важно учесть и то, что работу каждого из сегментов комплекса могут контролировать отдельные управляющие компании, что может усложнить целостную продажу проекта в одни руки. Если же речь идет о комплексе, который принадлежит одной компании, то, поскольку наиболее простым вариантом является продажа корпоративных прав, продажа комплекса по частям в данном случае весьма проблематична.

При принятии решения о реализации проектов mixed-use компаниям-девелоперам следует учитывать социально-экономический эффект, генерируемый МФК, который обеспечивается за счет следующими факторами:

- появлением значимого инфраструктурного объекта в регионе, обеспечивающего качественное удовлетворение спроса на услуги в сфере туризма, торговли, бизнес-оперирования, коммерческой недвижимости;
- созданием большого числа новых рабочих мест, обеспечением значительных налоговых поступлений в бюджет города и области (налог на прибыль МФК, налог на имущество, ЕСН);
- формированием современного архитектурно-эстетического облика города;
- повышением инвестиционной и туристической привлекательности города и региона;
- созданием и повышением конкуренции в сфере гостиничных услуг и коммерческой недвижимости.

Многофункциональные комплексы, сочетающие разные типы недвижимости, являются перспективным форматом в современных условиях и текущей практике. Появление грамотно реализованных проектов МФК способно не только положительно повлиять на рынок недвижимости в актуальном на сегодня для столичных рынков состоянии насыщения, но и на городскую среду в целом. Основное преимущество МФК — в объединении функций в цельную инфраструктуру, отвечающую всем потребностям потенциальных потребителей. В региональном же масштабе появление столь значительных инфраструктурных объектов, практически не имеющих аналогов на локальном уровне, способно решить ряд приоритетных областных задач, сформулированных и отраженных в федеральных и областных целевых программах, которые направлены на устранение инфраструктурных ограничений экономического роста региона и страны, на развитие туристической отрасли и повышение инвестиционной привлекательности регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов С. Н. «Девелопмент. Развитие недвижимости: организация, управление, финансирование». - СПб.: «Питер». - 256 с.
2. Классификация объектов Urban Land Institute, опубликованная на веб-сайте: <http://www.russia.uli.org>
3. «Выгодная многофункциональность», Л. Чичерова - газета «Ведомости», №113 от 23.06.2008.
4. Совместное исследование PricewaterhouseCoopers и Urban Land Institute «Новые тенденции на европейском рынке недвижимости 2009», опубликованное на веб-сайте: www.pwc.com.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛУЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКАЗА НА РАБОТУ СОЦИОЛОГА

Н. Е. Аймаутова

Социолог, прикладная социология, академическая социология, технопарковые структуры, заказ на работу социолога.

Развитие прикладной социологии, повышение уровня и качества практической работы требует научно - теоретической рефлексии опыта, развития и использования социологического знания. Качество прикладной работы определяется не просто данными как таковыми, не полученными статистическими зависимостями, но качеством интерпретаций, уровнем осмысления результатов с использованием тех или иных базисных теоретических схем, возможностью выдвигать и запускать проекты социальных преобразований. Развитие же академической социологии невозможно без осмысления, анализа данных практического опыта. Таким образом, необходима характеристика различных типов деятельности современного социолога, результаты которых могут выступать товаром для заказчика. Палитра возможных типов работ, которые современный социолог может выполнять на заказ, достаточно велика, и она постоянно расширяется. Хотя масса прикладных работ носит чисто исследовательский характер, служит сбору социологической информации, и нередко профессионализм практического социолога ассоциируется именно с данным типом деятельности, (именно ему уделяется значительное место в курсах подготовки социологов), неверным будет забывать о других современных направлениях практической работы социолога. На современном российском рынке социологических услуг достаточно много фирм, специализирующихся именно на исследованиях прикладного характера, отчетливо прослеживается тенденция расширения спектра социологических услуг, и все большее количество фирм заявляют о своей готовности к выполнению разнообразных работ.

Рассмотрение данной тематики всё больше становится предметом пристального внимания научных работников и социологов-практиков. Интересным образом, описывающим форму организации взаимодействия представителей прикладной и академической социологии с заказчиками, выступает схема взаимодействия базисных и прикладных исследований Американской социологической ассоциации [11, Стр. 35-37]. Эта схема описывает взаимодействия прикладных и базисных исследований, особенности взаимодействия с заказчиком академических ученых, консультантов и прикладников. Заказчиками программ выступают, как правило, чиновники высокого уровня. Чтобы принять решение, им нужна помощь экспертов, поэтому они нанимают линейных исследователей и профильных консультантов.

Академический ученый задает теоретические рамки базисного исследования, в рамках которых консультант черпает практические знания для заказчика. В его задачу также входит консультирование линейных (прикладных) исследователей и контроль за реализацией теоретического замысла и программы. Опираясь на результаты сложной работы профессионалов разного профиля, он интегрирует

теорию и исследования, выходя на рекомендации в области социальной политики.

Другим ярким примером современной, реально действующей и отработанной формы организации связи науки и практики, науки с заказчиком являются так называемые технопарковые структуры [3, Стр. 17, 21–48]. В данном случае речь не идет исключительно о сфере социологической, но сказанное ниже как общий принцип применимо и к ней.

Технопарковые структуры представляют целостные единицы инновации, это целостная современная форма, технология и организационная основа развития различных сфер, особый способ коммерциализации науки, связи науки и практики.

Заказчиками технопарковых структур, как правило, являются правительственные организации, отвечающие за развитие, местные органы власти, различные фонды и ассоциации, все они могут выступать в качестве коллективного заказчика.

В основе иерархического построения технопарковых образований лежит модульный принцип. Первым элементом, используемым при строительстве, является центр, в частности инкубатор. Технопарк представляет совокупность центров, каждый из которых реализует специализированный набор инновационных услуг. Технополис – это совокупность технопарков, инкубаторов и комплекс разнообразных структур, обеспечивающих жизнь города. Регион науки и технологий может включать технополисы, технопарки и инкубаторы, а также широкую инфраструктуру, поддерживающую научную и производственную деятельность.

Эффективность технопарковых образований во многом обусловлена наличием тесных связей с исследовательскими учреждениями, в том числе и промышленного профиля, поэтому, как правило, технопарки сооружаются в непосредственной близости от крупных университетских центров. Так, например, парк бизнеса и науки в городе Энсхеде (Нидерланды) находится в непосредственной близости с техническим университетом Твенте.

Основная идея такого сотрудничества заключается в том, что создаваемые в технопарках предприятия привлекают для работ над заказами ученых университета. В свою очередь, научные работники имеют возможность применять на практике результаты исследований, оказывать фирмам консультационные услуги.

Для профессионального социолога, конечно, возникает вопрос: каковы возможности реализации программ социального развития по схеме технопарков? Хотя идея технопарка и сам термин заимствованы из мировой практики организации промышленно-технологического развития, идея создания систем разработки и демонстрации наивысших и опережающих образцов мышления и деятельности, которые при этом непрерывно наращиваются, вполне переносима из области технологической, скажем, в социальную сферу или сферу развития образования.

Идея технопарковых структур продолжает развиваться и разрабатываться. Интересен пример программы “Российского северного техноэкополиса” [3], которая намечает перспективу нового шага регионально-ориентированных реформ и вносит ряд новых идей в концепцию технопарков. Социальный проект в ней тесно увязан с проектом технологических изменений.

Программа направлена на организацию технологического “прорыва”, результатом которого является регионально организованная микротехнологическая революция (собственно “технополисы”). В рамках данной программы в качестве единицы устойчивого развития предлагается рассматривать поселение – полис, устойчивое развитие которого будет инициировать устойчивое развитие региона в целом. Технологический прорыв организуется одновременно с социокультурным “прорывом”, результатом которых является создание нового технологического уклада организации производства и формирование новых форм организации жизнедеятельности (система техно-эко-пайдея-полисов). Сфера технологических и сфера собственно социальных преобразования оказываются тесно взаимосвязанными. Различные типы организации региональных преобразований, изменений общественной практики являются одновременно формой организации самоопределения населения региона и, следовательно, очень мощным средством (при наличии соответствующих социотехнологий) изменения регионального сознания [3, Стр. 149].

Таким образом, важная идея данного подхода состоит в преодолении узкоотраслевого способа продвижения, предполагая проектирование и создание образовательных, социокультурных, маркетинговых, инжиниринговых служб, службы безопасности и т.д. Другими словами, социальный проект тесно увязан с проектом технологических изменений. Он предполагает особый уровень работы социологов в тесной связи со специалистами иного профиля, координацию их усилий. Чтобы отвечать вызовам современности, социолог должен научиться работать в рамках подобного типа проектов, одновременно предполагающих и новый, отвечающий вызовам времени уровень взаимодействия с заказчиками таких проектов.

Возможные типы работ могут иметь преимущественно одно из двух направлений: на исследования, результатом которых является сбор эмпирической информации и социологическое описание объекта, и на социальное воздействие, которое ведет к изменению и преобразованию.

Теоретико – фундаментальные исследования: основными заказчиками подобного типа работ обычно выступают государственные, общественные и частные фонды, поддерживающие науку. Заказчиком могут выступать государственные, а также в принципе и частные организации. Могут финансироваться ВНИИ (работа временных научных коллективов). Выбор финансируемых проектов различными фондами осуществляется обычно на конкурсной основе, для этого учеными оформляется заявка на получение гранта. В настоящее время, как известно, фундаментальные разработки финансируются недостаточно, и осуществляются не столько по заказу, сколько в силу личного интереса ученых и убежденности в их значимости. В результате нарушаются взаимодействия прикладной и академической социологии, падает уровень прикладных работ.

Экспертиза: исполнителями подобного типа работ могут являться профессиональные ассоциации, профессиональные гильдии, академические структуры, международные конгрессы. Фирмы и организации, пользующиеся авторитетом на рынке услуг (“главные игроки рынка”) по факту нередко обеспечивают институт экспертизы в России.

Описывая особенности прикладной социологии в условиях российских рыночных отношений 90-х годов, А.И. Кравченко [10, Стр. 79–80] отмечает необходимость научно-координационной функции академических (вузовских) подразделений, которая должна состоять в централизованном обеспечении социологов на местах стандартными методиками и пособиями, унифицированными документами для сбора первичной информации и обработки ее на ЭВМ, в создании фонда рабочих документов для проведения социологических исследований и единого банка данных. Академические учреждения должны разработать нормативно-правовые документы, установить формальные обязанности заказчиков социологической информации (предприятий, ведомств), методик и исполнителей, разработать процедуры патентования методических документов. Соответственно все эти аспекты могут быть предметом экспертизы.

Обсуждая инженерные возможности социального знания в перспективе развития социологии XXI века, В.П. Култыгин [12, Стр. 135–145], выделяет ряд проблем. Одну из основных таких проблем современного социального знания: существование социологически

наивных акторов фиксирует известный американский социолог Нейл Смелзер [24]. Люди, реально совершающие социальные действия, не обладают социологическими знаниями. Правда, при этом следуют оговорки: существуют ли вообще социологически хорошо информированные акторы? Иными словами, рациональны ли они, и какой мир они знают, какое знание о социальном используют? Несколько упрощая, ситуацию можно выразить следующим образом: социолог знает, но, как правило, не действует, а действующий исходит совсем не из социологического знания, создавая социальную реальность.

На сегодняшний день именно прикладные исследования составляют основную часть услуг, которые социолог выполняет на заказ. Исследование может быть составной частью комплексной работы, которая включает также консалтинг, или разработку социальной технологии и т.д. Как известно, прикладное исследование направлено на получение нового знания о каком-то фрагменте социальной практики в интересах не только и не столько ученого, но и заказчика. Прикладным называется такое эмпирическое исследование, которое выполняется "по заказу" с целью приложения его результатов к практическому решению какой-либо социальной проблемы. Прикладное исследование носит, как правило, диагностический характер, состоит в сборе эмпирической информации и привязано к конкретному объекту (предприятие, фирма, социально-территориальная общность, орган управления, профессиональная и демографическая группа и т.п.) [8, Стр. 5]. Чаще всего такие исследования носят описательный, либо аналитический характер, когда помимо описания изучаемого социального объекта, выявляются причины, обуславливающие его особенности и сущность. Среди различных видов исследований в настоящее время велик процент маркетинговых исследований. Есть фирмы, специализирующиеся исключительно на исследованиях такого рода. Востребованы также медиометрия, исследования установок электората и др. Нарастает изощренность технологий изучения поведения электората, воздействия СМК на массовую аудиторию, исследований социально-коммуникативной реальности пользователей сети Интернет. Расценки на проведение подобных исследований в России ниже, чем на Западе.

Консалтинг как область прикладной социологии. Консультационные услуги в настоящее время - огромный сектор в бизнесе экономически развитых стран, и его составной частью является управленческое консультирование. Консалтинг - явление рыночной экономики, это услуга, которая оказывается на коммерческих началах независимыми производителями консалтинговых услуг в условиях конкурентной борьбы [19, Стр. 20].

Консультирование должно опираться на аналитику (в том числе на результаты эмпирических исследований), но нередко предполагается и внедренческий этап, который является наиболее важной частью управленческого консультирования. Как правило, консультирование состоит из нескольких этапов, каждый из которых предполагает творческое использование различных методов прикладной социологии и других дисциплин.

Социальная инженерия связана с преобразовательной практикой. Однако задача социолога как социального инженера состоит не в том, чтобы эту практику осуществить самому, - это дело предпринимателей, управленцев, а в том, чтобы разрабатывать методы, приемы, технологии, которые будут полезны при организации их работы. Отечественными социологами созданы технологии, которые могут существенно менять практику управления: например, Пермская система стабилизации трудового коллектива, технологии введения инноваций и т.п. [10, Стр. 191].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутенко И.А. Какого обращения заслуживают социологические данные. //Социологические исследования. - М.: Наука, №1, 2002, Стр. 122-130.
2. Громыко Ю.В. Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства). Минск, 2000, - 376 с.
3. Громыко Н.В. Северо-Западный округ - стратегическая инициатива: интеграция науки, промышленности и образования. - М.: Пушкинский институт, 2006, - 112 с.
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. СПб.: «Речь», 2004, Стр. 192-195.
5. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. (Курс лекций). - М.: Муниципальный мир, 2002, - 432 с.
6. Иванов М.А., Шустерман Д.М. Организационное развитие как подход к управленческому консультированию. // Инструменты развития бизнеса: тренинг и консалтинг. - М.: Независимая фирма "Класс", 2001. - С. 29-48.
7. Кларин М.В. Корпоративный тренинг - инструмент развития управления. // Инструменты развития бизнеса: тренинг и консалтинг. - М.: Независимая фирма "Класс", 2001. - С.13-23.
8. Колесников Ю.С. Прикладная социология. Ростов н/Д: Феникс, 2001. - 320 с.
9. Корогодина В.И., Соснин Э.А., Пойзнер Б.Н. Рабочая книга по социальному конструированию. Томск: изд-во Томского университета, 2000, -152 с.
10. Кравченко А.И. Прикладная социология и менеджмент. - М.:МГУ 2004. -208 с.
11. Кравченко А.И. Социология. Учебник для вузов. - М.: Акад. Проект, 2001. - 508 с.
12. Кулыгин В.П. Современные зарубежные социологические тенденции. - М.:Союз. 2000. - 154 с.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975. - 304 с.
14. Макаревич В.Н. Игровые методы в социологии: теории и алгоритмы. - М.: МГУ, 1994.
15. Максимов А.А. "Чистые" и "грязные" технологии выборов. - М.: Дело, 1999. - 448 с.
16. Морено Якоб Социодрама. // Психодрама. М., 2001. - С.395-468.
17. Пидоймо Л.П., Вахтин Н.И., Голикова Н.В. и др. Консалтинг: наука и образование. Воронеж, деп. ИНИОН, 1997, 50 с.
18. Писарева Л.Ю. Управленческое консультирование: социологический анализ и перспективы развития. Автореф. канд. соц. н., СПб., 1996. - 21 с.
19. Посадский А.П. Основы консалтинга. - М.:ГУ ВШЭ, 1999. - 240 с.
20. Посадский А.П., ХайнишСтр.В. Консультационные услуги в России. М., 1995. - 176 с.
21. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб: Речь, 2001. - 256 с.
22. Системное управление - проблемы и решения. Консалтинг. Научно-практическое пособие. - М.: Концепт, 1999, вып.10. - 182 с.
23. Словарь русского языка в четырех томах. - М.: Русский язык, 1981-1984.
24. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. - М.: Феникс, 1998. - 688 с.

Проблема выявления идентичности среди мировых цивилизаций какого-либо анклава, не вполне определившегося с точки зрения сторонних наблюдателей в отношении к крупным политическим общностям, напрямую связана с той или иной шкалой ценностей, которой оперирует исследователь, тем или иным углом зрения. Взгляды на современное положение и будущее таких стран, автономий и регионов, как Монголия, Тибет, Австралия, ЮАР, Северный Кавказ, Украина, Ирак и т.д., со стороны отдельных центров внешнего мира отличаются друг от друга. Эти взгляды обретают свое концентрированное выражение в поиске той или иной крупной общностью или государством призванной стать работающей схемы мировой истории и своего места в ней, в сопоставлении культур, народов, государств и политических движений, их расположении в определенной комплиментарной иерархии. Дело в том, что мир представляет систему разнообразных универсальных устремлений и приоритетов. Поэтому любое государство обязательно позиционирует себя и другие государства в какой-то одной работающей схеме мировых субъектов, связанной с политической интерпретацией границ распространения в мире идей, культур, религий, систем письма и других ценностей. Такая схема создается всякий раз коллективными усилиями государств-членов того или иного мирового блока, формального или неформального содружества (Запад, НАТО, ЕС, СНГ, исламский мир и более узкие блоки), и/или собственными усилиями (Россия, США, Китай, Израиль и т.д.)

Если даже у небольшого государства есть своя работающая схема, в которой оно располагается в составе той или иной мировой цивилизации, в системе международных отношений в мире в целом, то у мировых лидеров и у блоков государств в многосоставных мировых цивилизациях имеются универсалистские работающие схемы. Это – своеобразные углы зрения на происходящие процессы глобализации и регионализации, сближения и обособления различных субъектов исторического и культурного развития. В каждой схеме – своя пирамида предпочтений и приоритетов, свое видение места того или иного региона, анклава, государства, режима и оппозиции режиму в будущей идеальной картине мира. В этом смысле, например, место Монголии в ее собственной схеме и в схемах России, США (и Запада в целом), КНР, индо-тибетской буддийской и центрально-азиатской мусульманской общностей не может быть одинаковым.

Центральной темой в определении места Монголии среди мировых цивилизаций является уяснение отличительных черт, сводящих на нет любые попытки включить ее в состав какой-либо крупной соседней общности. Такими чертами являются ее принадлежность к северной (тибетской) ветви буддизма, а также сохраняющийся в качестве основного уклада сельского хозяйства нomaдизм. Основные институты северной буддийской церкви (прежде всего, массовый ламаизм) были атеистическими государствами почти полностью уничтожены во всех анклавах ее распространения в КНР, МНР и СССР, сейчас идет процесс восстановления авторитета буддизма, причем только в Монголии – в масштабе суверенного государства. Помимо этого уникального отличительного признака, для выявления самобытной цивилизационной идентичности Монголии, остается феномен кочевого общества, который связывается в литературе с расхожим употреблением термина «кочевая цивилизация».

Историография проблемы кочевой цивилизации весьма обширна, но в историко-философском аспекте сводится к оседлоцентрической интерпретации места кочевников в мировой истории. Это неудивительно, поскольку история как современная наука создавалась в тех городах, которые изначально были или уже давно стали центрами традиционной оседло-земледельческой культуры. В городах, окруженных пашнями, садами и огородами, концентрировалась философская и историческая литература, где кочевники рассматривались в виде некоей экзотичной общности, остановившейся в развитии на ранних стадиях человеческого прогресса. Это положение не распространяется на работы евразийцев, представлявших в 20 – 30-е гг. XX в. русское зарубежье, интерес которых к «кочевнической стихии» прямо связывался с историческими судьбами покинутой ими России, подогревался ностальгией, поэтому не мог органично встроиться в контекст западной классической философии истории. Однако их работы [1] получили широкую известность на Западе и послужили определенным материалом для переосмысления наиболее одиозных положений в работах европоцентристов. Многие деятели русского зарубежья инкорпорировались в западную науку, привнеся в нее некоторые элементы специфики отношения к кочевому миру со стороны русской научной школы, «необъятных просторов России».

Разумеется, наука не стояла на месте, степь подверглась натиску городской и земледельческой культуры, многие ее анклавы ассимилировались в составе земледельческих обществ и до полной ассимиляции успели послужить объектом пристального анализа исследователей. Научные экспедиции в глубинные районы степи принесли внушительные плоды: европейцы вживую увидели жизнь кочевников и их потребность в мирном сосуществовании с оседлыми народами, в местах их обитания открылись города – величественные творения зодчих, письменные памятники, богатейшие пласты устного творчества. Произошли сдвиги в интерпретации письменных источников, оставшихся от древних и средневековых нomaдов в хранилищах, покоренных когда-то ими городов, служивших ханскими ставками, столицами и опорными пунктами кочевых империй и улусов. Теперь мало кто из крупных теоретиков истории рискнет всерьез и прямо рассуждать о варварской сущности Тартарии, о полном отсутствии у нomaдов истории. Произошел сдвиг в сторону некоторой почтительности к историческому творчеству нomaдов, к признанию их, пусть не совсем развитой, но все-таки частью всемирно-исторического процесса. Тем не менее, по-прежнему недооценивается вклад кочевников в социально-классовое наполнение истории, в развитие форм государственности, историческое предназначение их существования (Это четко прослеживается даже в самых комплиментарных к кочевникам работах оседлоцентристов[2]).

На мой взгляд, центральной (почему-то упорно умалчиваемой в литературе) проблемой здесь стал вопрос о самом понятии «кочевая цивилизация» и его соотношении с понятиями:

- «цивилизация» (как ступень после дикости и варварства);
- «оседлая земледельческая цивилизация»;
- «локальная цивилизация».

Ситуация в самом грубом и схематичном виде выглядит в современной литературе следующим образом:

во-первых, кочевая цивилизация, хотя уже и не рассматривается напрямую, в духе А.Дж. Тойнби как «замедленная» или «застывшая» цивилизация[3], так и не вырвавшаяся окончательно из ступени варварства, но за ней признаются только некоторые признаки, которые отличают ее от варварских обществ («суперсложные» племенные, вождественные, предгосударственные, экзополитарные, квазиимперские и т.д. институты – см., например, разделы в упомянутом сборнике, написанные Н.Н. Крадиным, Т. Холлом, Дж. Флетчером,

Т. Барфилдом[4]). Полный отрыв от варварства однозначно связывается только с земледельческой цивилизацией. Наличие постоянной и развитой государственности у кочевников признается теми исследователями, которые, как правило, заняты конкретно-историческими проблемами отдельных регионов и не делают развернутые историко-философские выводы[5].

во-вторых, никто из крупных и авторитетных современных исследователей не говорит, что кочевой мир - это тупиковое ответвление варварства, но общим местом в большинстве работ является то, что кочевники в цивилизационном плане проигрывают по сравнению с оседлыми земледельцами - со «старыми», «великими», «признанными историей» высокоразвитыми земледельческими цивилизациями[6].

в-третьих, в научных кругах известен Международный институт по изучению кочевых цивилизаций (МИИКЦ), который осуществляет свою деятельность под эгидой ЮНЕСКО. Как видно из названия Института, его организаторы специально подчеркивают наличие в современном мире кочевой цивилизации или даже нескольких локальных кочевых цивилизаций. Из плана работ и публикаций МИИКЦ следует, что понятие «кочевая цивилизация» связывается напрямую с понятием «локальная цивилизация», включается в контекст современной истории, не говоря уже об истории средних веков[7].

По первому вопросу мне уже доводилось приводить наиболее весомый аргумент, вытекающий, как это не покажется парадоксальным, из работы самого Тойнби. Он рассмотрел кочевой мир сквозь призму сравнительного анализа и единых для кочевых и оседлых обществ критериев экономического роста, технического прогресса, духовных ценностей. Использование именно таких критериев и такого анализа необходимо для правильного понимания места кочевников в истории. Тойнби отмечает определенные преимущества кочевой цивилизации перед земледельческой и проводит параллель между номадизмом и промышленным производством: «Если земледелец производит продукцию, которую он может сразу же и потреблять, кочевник, подобно промышленнику, тщательно перерабатывает сырой материал, который иначе не годится к употреблению... Эта непрямая утилизация растительного мира через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли» [8]. Он признает, что кочевники совершили прорыв в сферу, экономически более выгодную, чем земледелие. Далее следовало бы перейти к оценке всемирно-исторических последствий этого прорыва, но Тойнби на этом резко останавливается. По мнению этого маститого английского философа истории, кочевники, осуществив domestикацию жвачных («искусство более высокое, чем domestикация растений, поскольку это победа человеческого ума и воли над менее послушным материалом» [8]), потерпели фиаско и «стали вечными узниками климатического и вегетационного цикла, ...утратили связь с миром» [8]. Данный тезис об «узниках климата» уже оспаривается самими оседлоцентристами. Они, как правило, согласны с Тойнби в том, что у кочевников «нет истории» [9] (в современной трактовке, например, у Н.Н. Крадина, это выглядит отрицанием их самостоятельной истории или некоей «крайности» [9]).

На мой взгляд, кочевники представляли (как и земледельцы) неотъемлемую часть единого мира, необходимую антитезу общественному развитию земледельцев в замкнутых пространствах и являлись постоянными субъектами в динамике общественных изменений. Почему-то их вклад связывают с решающими изменениями только на определенных этапах мировой истории (это ведет к утверждениям о случайном характере возвышения Чингисхана, а с ним - и всей степи, особой цикличности развития кочевников, зачастую забывая о том, что и земледельцы в какие-то моменты проявляли себя очень активно).

Подметив весьма существенный аспект отличия кочевой цивилизации от варварства и даже ее преимущества перед оседлой земледельческой цивилизацией, Тойнби отказал ей в праве выступать отдельным субъектом истории. Здесь этот крупнейший теоретик истории был бы абсолютно прав, отказавшись от употребления термина «кочевая цивилизация» уже не в качестве части дихотомической связки кочевники-земледельцы, а в более узком смысле. Среди его локальных цивилизаций нет «оседлой земледельческой цивилизации», но есть «цивилизация кочевая», и это сбивает с толку многих современных исследователей. Эти два типа - понятия одноуровневые, не имеют отношения к локальным цивилизациям, характеризующие определенный этап формирования общечеловеческой цивилизации, последовавшей вслед за родовым строем. Признание отдельного существования кочевой цивилизации, после того, как указанный этап был пройден земледельцами, неминуемо приводит к оценке средневековых номадов и даже современных кочевников представителями первобытнообщинного строя. Однако оседлые земледельцы и кочевые скотоводы представляли собой отдельные монокультурные ветви начального этапа человеческой цивилизации.

Вне внимания «оседлоцентристов» оказывается тот факт, что ареалы расселения кочевников и оседлых земледельцев изначально были неоднородными, включали плодородные равнины, степь, оазисы, лесные районы, пустыни и полупустыни, морское побережье. В определенных центрах появились очаги цивилизаций с преобладающим влиянием земледельцев, которые могли включать в себя внутренние полукочевые анклавы с отгонно-пастбищным животноводством, в других центрах земледельческие оазисы стали играть роль внутренних подсобных хозяйств кочевников, подобно тому, как в хозяйство первых вошло подсобное животноводство. Один и тот же народ в очагах доминирования кочевого мира оказывался зачастую одновременно кочевым, лесным и оседлым (в настоящее время это явление можно наблюдать в Монголии). Исторический процесс (изменения в культуре, социально-классовой структуре, возникновение государства, развитие письменности, распространение мировых религий и т.д.) на территориях проживания кочевых и оседлых народов шел параллельно (в чем-то даже синхронно). Когда у земледельцев господствовало рабство, кочевники превосходили их в динамизме общественных изменений. Это связано с «промышленным» характером ведущего уклада в экономике последних - кочевого скотоводческого производства, способствовавшего быстрому распространению в лесных, степных и земледельческих зонах их миграций частной, корпоративной (ошибочно, на мой взгляд, именуемой общинной, например, у славян) и государственной собственности на землю.

В настоящее время кочевой мир - это монокультурные анклавы различных цивилизаций. Никто не будет рассматривать рыболовецкие и овцеводческие анклавы Европы в начале XIX в. в качестве уголков первобытного мира только на том основании, что, скажем, в Исландии или в высокогорных районах Альп не было железных дорог и крупных промышленных предприятий, и ставить под вопрос цивилизованность тамошних жителей. А Монголию, стоящую на пересечении мощнейших цивилизационных потоков на протяжении двух с лишним тысяч лет, почему-то относят к родовому строю, говорят о дикости бытовавших там нравов и т.д. Настало время признать, что в монгольской цивилизации аккумулирован опыт кочевой и оседлой цивилизаций, что она не чужда городской культуре, социальному прогрессу, государственности.

Кочевое скотоводство совершенно неверно ассоциируется с крайне отсталой стадией развития человеческого общества. Кочевое скотоводство - это всего лишь тип хозяйства. Как и оседлое земледелие, овцеводство и рыболовство в некоторых замкнутых морем или горами монокультурных анклавах Европы, оно и в Монголии не связано семантически с какой-либо безвозвратно пройденной человечеством универсальной стадией развития. Сохранение монокультурного характера сельского хозяйства Монголии не является отрицанием

прогресса, оно лишь определяет ее положение в качестве специфического анклава в центре Азии со своим собственным вектором цивилизационного развития, выступая условием выживания монгольского народа, его самобытной культуры.

В условиях глобализации возможность сохранения самобытности Монголии у многих исследователей вызывает скепсис. Глобализация своим происхождением связана с возникшей в XX веке новой ситуацией, когда на месте локальных изолированных цивилизаций начали появляться цивилизации мировые.

Еще на рубеже XIX - XX вв. впервые в мировой истории средства коммуникации достигли того технического уровня, когда наступила возможность непрерывно и мгновенно влиять из какого-нибудь одного центра на любую точку мира и получать информацию. В результате, начали происходить перегруппировки в пестром мировом разнообразии локальных цивилизаций.

Большинство локальных цивилизаций не справились с ситуацией, оказались неспособными распространить свое универсальное умопоствигаемое поле на весь мир, замкнулись в себе, некоторые делали попытки решить проблему военными средствами, и лишь две общности - западная и русская - подобрали универсальные ключи почти ко всем континентам и закоулкам планеты. Они стали первыми в истории человечества мировыми цивилизациями. Мир стал биполярным.

Однако степень контроля с самого начала не была всеобъемлющей ни у западного, ни у русского блока, а со временем стала снижаться. Начали определяться еще не совсем четкие контуры новых мировых цивилизаций. После распада СССР мир перестал быть биполярным, старые, традиционные полюсы вновь стали актуальными, но мировыми цивилизациями на сегодняшний день могут считаться только западная, русская, дальневосточная, индийская и мусульманская общности, причем последние две - с определенными оговорками, так как у них нет некоторых четко выраженных формальных признаков общностей мирового масштаба, в частности, представительств в Совете безопасности ООН.

В границах этих мировых цивилизаций или зонах их влияния имеются горящие очаги, плавильные котлы разных общностей. Иногда - это вспыхивающие старые очаги локальных цивилизаций, но иногда - это что-то новое. Непонятно, как поведут себя такие очаги, как США, отдельные регионы мусульманского мира, Израиль, Латинская Америка, Западная Европа, Африка южнее Сахары и др. Есть анклав, переходящий из одной мировой цивилизации в другую (скажем, такой пример, как дрейф Австралии из лоно западной в лоно дальневосточной цивилизации). Есть также промежуточные общности, которые находятся на перепутье: окончательно раствориться в какой-либо мировой цивилизации или же пойти по пути собственного самовыражения и мирового предназначения. Если первый путь связан с утратой, то второй - с приобретением промежуточной общностью всего комплекса признаков мировой цивилизации.

Одной из таких динамичных промежуточных общностей является Монголия. Ее положение, как небольшой страны, уникально тем, что уже вполне может по ряду признаков быть сопоставлено с положением ядер мировых цивилизаций.

Первым таким признаком является ее устойчивое на протяжении тысячелетий положение как культурного ядра на стыке разных цивилизаций. Почти две с половиной тысячи лет Монголия выступала пульсирующим центром мировых империй. Здесь наблюдается преемственность письменной и художественной культуры, религиозных представлений, государственного устройства, правовых норм, хозяйственная непрерывность.

Вторым признаком является резкое отличие монгольского ядра от ядер каждой из мировых, и прежде всего, соседних, цивилизаций. Монголию - страну кочевников и северной ветви буддизма - окружают оседлые общества с конфуцианским, православным и мусульманским ядрами. Современная Монголия - уникальная часть мира, где в масштабах государственных границ существует общество, экономические основы которого лежат в кочевом скотоводстве и современном промышленном производстве. Здесь границы современного города обрываются не пашнями, садами и огородами, а ландшафтом пастбищ, ухоженным кочевниками на протяжении тысячелетий.

Третьим признаком служит полный суверенитет. Монголия не является ни частью, ни зоной абсолютного влияния какой-либо одной мировой цивилизации. Монголия на протяжении всей своей истории оказывалась связующим звеном и геополитическим плацдармом, на котором происходило накопление сил для формирования межцивилизационных империй колоссальных масштабов, таких как империи хунну, Цзинь, Чингисхана, маньчжуров. В этот же перечень можно включить кратковременный советско-монгольско-китайский коммунистический блок, удивительным образом совпавший контурами с границами нескольких улусов Великой Монгольской империи XIII в. Монголия, как и столетия назад была настоящим геополитическим центром этого блока, так как до 1946 г. являлась частью Китайской Республики и одновременно государством под названием МНР, входившим в зону влияния СССР.

Четвертым признаком, сближающим Монголию с центральными странами мировых цивилизаций, является ее прямая причастность к определенному рубежу, изменившему ход всемирной истории. Монголия представляет тот островок мира, где как тлеющий, а может быть и разгорающийся очаг, сохраняется комплекс водораздела между кочевой и оседло-земледельческой цивилизациями с характерными для них преимуществами.

С четвертым признаком связан, наконец, пятый признак, который должен окончательно определить место Монголии среди мировых цивилизаций - это всемирная потребность в том, что эта страна, эта общность несут с собой. Это очень спорный вопрос, ответ на него даст время, возможно, самое ближайшее.

Я позволю нарисовать только самый слабый контур проблемы.

Каждая культура несет человечеству определенный урок. Здесь и разные страхи, опасности, угрозы («белая», «красная», «желтая», «зеленая» и т.д.) и разные надежды на спасение (течения в христианстве, буддизме, исламе, конфуцианстве и т.д.), разные смыслы жизни, системы письма традиции, обычаи и многое другое. Все, что можно соединить, соединилось и соединяется сейчас в мировых цивилизациях. В идеале, мировые цивилизации могут стать похожими друг на друга именно тем, что в каждой из них найдется место всем культурам, в каждой будут присутствовать разные религии, системы ценностей, письма, языки. Несоединимыми останутся только самые тонкие сферы, связанные с генетическим кодом, пропорциями каждой мировой цивилизации. Именно в эти тончайшие сферы религиозного или философского поиска смысла жизни, ответа на «вечные вопросы» и должно, в идеале, переместиться «столкновение цивилизаций».

Именно Монголия, на мой взгляд, может выступить передовым плацдармом такого «тонкого» философского диалога цивилизаций. Слишком хрупкой она с менее чем трех миллионным населением выглядит на фоне резкой разбалансировки сил в регионе, стремительно набирающего силу почти полуторамиллиардного Китая и России, не менее стремительно утрачивающей былые позиции в экономике. Монголия - это обтекаемый мировыми цивилизациями особый мир, это в статусе суверенного государства единственный продолжатель северной ветви буддизма, отпочковавшейся от индо-тибетской традиции; это страна, связанная западной частью с исламским миром; страна, крепко привязанная экономически к Китаю; страна, озабоченная поиском «третьей» опоры на Западе; страна, опирающаяся в

трудные дни на реальную помощь России, у которой схожий с монгольским взгляд на всевозможные огораживания. Все мировые цивилизации захлестывают Монголию, но все внешние претензии взаимно уравниваются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., например, Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингисхана. Bruxelles, 1939; Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. - М., 1995.
2. См., например, Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
3. Тойнби А. Дж. Постигание истории. - М.: 1991. - С. 698, 181.
4. Монгольская империя и кочевой мир, Стр. 42, 141, 212, 260 и др.
5. Кычанов Е.И. Властители Азии. - М.: 2004; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. - М., 1973 и др.
6. Жуковская Н.Л., Кочевники Монголии. - М., 2002. - С. 7.
7. Nomads and Use of Pastures Today. Ulaanbaatar, 2000.
8. Тойнби А. Дж. Постигание истории. - М., 1991.
9. Время мира, Альманах, Вып. 2, Новосибирск, 2001. - С. 388 - 389.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ИСКУССТВЕ

Б. Е. Коротов

Искусство, феномен искусства, культура, жанры изобразительного искусства.

Сложность изучения феномена искусства как неотъемлемой части современной культуры состоит в том, что оно не однородно. В искусстве, как и в любом другом проявлении культуры, имеются свои пласты, срезы, ответвления.

Известно, что формирование отдельных направлений в культуре вообще и искусстве как части этой культуры зависит от многих социальных факторов [1]. Социально-демографические факторы зачастую не только обуславливают те или иные предпочтения в искусстве, но и являются социальной основой формирования и поддержания новых жанров. В частности, основой новых направлений в современном искусстве могут быть возрастные группы (например, граффити как направление молодежной субкультуры), территориальные образования (городская, сельская живопись), конфессиональные предпочтения (церковная живопись), этнические образования (итальянская живопись и скульптура), и др.

Можно представить со всей очевидностью, что социальные факторы не только порождают новые направления в искусстве, но и являются источником поддержания интереса к имеющимся формам.

В настоящей статье автор пытается проанализировать влияние социальных факторов на формирование индивидуальных вкусов и предпочтений в искусстве. В качестве основы исследования взяты три социальных фактора: пол; возраст; профессия (род занятий). Поскольку исследование проводилось на респондентах разных стран (Россия и Великобритания), такой фактор, как уровень доходов, в данной статье не исследовался вследствие сложности градации. Однако о его влиянии косвенно можно судить по роду занятий респондентов.

Для решения исследовательских задач автор провел опрос среди посетителей музеев изобразительного искусства, художественных салонов, картинных галерей Лондона (120 человек) и Москвы (150 человек). Всего в опросе согласились участвовать 270 человек. Исследование производилось с июня 2006 г. по август 2008 г.

Для избежания разночтений в понимании жанров изобразительного искусства (живописи и скульптуры) автором взяты наиболее известные направления европейской культуры, соответствующие различным историческим эпохам: античность; готика; ренессанс; стили барокко и рококо; неоклассицизм и импрессионизм; нетрадиционные изобразительные формы, получившие распространение с конца XIX - начала XX в. (кубизм, сюрреализм, абстрактный импрессионизм, дадаизм и прочие современные виды живописи и скульптуры).

Чтобы устранить такой фактор, как неграмотность населения в вопросах классификации жанров, с помощью полиграфической техники изготовили ламинированные карты, на которых были изображены шесть рядов по три фотографии - всего 18 мини-репродукций популярных картин/скульптуры коллекции на формате А4. Респондентам, согласившимся пройти тест, предлагали выбрать наиболее понравившийся жанр. При этом просили заполнить анкету, выявляющую социальные характеристики опрашиваемого: пол; возраст, род занятий.

Распределение предпочтений респондентов по гендерному признаку представлено в табл. 1. Всего опросили 160 женщин (59,3 %) и 110 мужчин (40,7 %). Такое распределение отражает состав посетителей выставок, музеев и галерей, среди которых большее количество представлено женщинами.

Таблица 1

Популярность жанров изобразительного искусства у женщин и мужчин (доля респондентов)

Жанр изобразительного искусства	Женщины	Мужчины
Античное	14,3 %	16,5 %
Готика	12,6 %	13,4 %
Ренессанс / манеризм	24,9 %	18,3 %
Барокко / рококо	26,8 %	22,2 %
Неоклассицизм / импрессионизм	13,6 %	17,8 %
Нетрадиционные изобразительные формы	7,8 %	11,8 %
Всего	100 %	100 %

Пол оказывает несущественное влияние на формирование вкусов и предпочтений в искусстве (см. табл. 1). Вместе с тем, можно выявить некоторые характерные особенности.

По результатам опроса очевидно, что женщины предпочитают более консервативные жанры изобразительного искусства - барокко/рококо и ренессанс/манеризм. В то же время среди женщин значительно меньше предпочтений отдано современным нетрадиционным жанрам изобразительного искусства. Причем разница весьма существенна - доля мужчин, высказавшихся в пользу этих жанров, примерно в 1,5 раза превышает долю женщин, имеющих схожие предпочтения.

Несколько менее значительна разница в оценке неоклассицизма/импрессионизма. Доля мужчин, предпочитающих эти жанры, на 4 % больше доли женщин.

Исследование предпочтений респондентов по возрастному признаку поставило вопрос о критериях градации опрошенных.

Лица до 16 лет в опрос не участвовали, поскольку автор полагает, что вкусы и предпочтения у более юной категории респондентов слабо сформированы. Для удобства целей изучения автором выбрана следующая градация: юный возраст - 16 - 25 лет; молодежь - 26 - 35 лет; средний возраст - 36 - 45 лет; зрелость - 46 - 60 лет; пожилой возраст - старше 60 лет.

Распределение респондентов - посетителей выставок и галерей по возрастному признаку выглядит следующим образом: 16 - 25 лет - 28 человек (10,4 %); 26 - 35 лет - 49 человек (18,2 %); 36 - 45 лет - 57 человек (21,1 %); 46 - 60 лет - 79 человек (29,2 %); старше 60 лет - 57 человек (21,1 %).

Предпочтения респондентов в изобразительном искусстве по возрастному признаку представлены в (табл. 2).

Таблица 2

Популярность жанров изобразительного искусства в зависимости от возраста (доля респондентов)

Жанр изобразительного	От 16 до 25 лет	От 26 до 35 лет	От 36 до 45 лет	От 46 до 60 лет	От 61 и старше
Античное	4,3	10,6	9,8	16,3	17,4
Готика	16,7	13,9	10,3	11,6	12,6
Ренессанс / манеризм	19,4	21,3	27,2	23,3	22,7
Барокко / рококо	15,6	18,9	25,4	24,6	23,1
Неоклассицизм / импрессионизм	22,3	19,2	16,9	15,2	15,8
Нетрадиционные изобразительные формы	21,7	16,1	10,4	9,0	8,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Разница в распределении предпочтений респондентов по возрастному признаку выражена более заметно, чем распределение по признаку пола (см. табл. 2). Это проявляется в оценке всех жанров искусства.

Можно четко проследить тенденцию устойчивого роста интереса к произведениям античного искусства. Если у молодежи этот жанр почти не пользуется популярностью, занимая последнее место в условном рейтинге предпочтений, то в зрелом и пожилом возрасте античность занимает одно из ведущих по популярности мест.

Представляет интерес и неравномерное распределение популярности готики, всплеск которой приходится на молодой возраст (от 16 до 25 лет), и постепенный спад популярности этого жанра искусства в более старших возрастных категориях.

Пик интереса наиболее популярных жанров (ренессанс и барокко) приходится на средний возраст (36 - 45 лет), когда эстетический вкус можно считать уже сформированным, однако взгляды на современные нетрадиционные формы искусства являются не столь консервативными, как в старших возрастных категориях.

Третьим социальным фактором обозначен род занятий респондентов. Включение его в рамки исследования обусловлено сложившимися стереотипами, что глубокое понимание искусства требует определенного уровня образования, формирующего художественный вкус.

По роду занятий все респонденты были распределены по следующим группам: учащиеся - 49 человек (18,2 %); представители рабочих профессий - 30 человек (11,1 %); служащие - 68 человек (25,2 %); предприниматели (в эту категорию включались владельцы собственного бизнеса, а также управляющие крупных компаний) - 47 человек (17,4 %); представители творческих профессий - 25 человек (9,3 %); пенсионеры - 51 (18,9 %). Для удобства сравнения каждая представленная категория взята за 100 %.

Предпочтения респондентов в зависимости от рода занятий представлены в табл. 3.

Таблица 3

Популярность жанров изобразительного искусства в зависимости от рода занятий (доля респондентов)

№	Жанр изобразительного	Учащиеся	Рабочие	Служащие	Предприниматели	Творчество	Пенсионеры
1.	Античное	4,8	14,5	15,2	17,3	19,2	17,4
2.	Готика	19,2	7,8	13,4	13,2	7,8	12,6
3.	Ренессанс / манеризм	18,3	29,5	23,8	16,4	17,4	23,1
4.	Барокко / рококо	16,4	27,6	22,6	15,8	16,3	24,2
5.	Неоклассицизм / импрессионизм	20,1	12,3	16,9	17,4	19,2	15,8
6.	Нетрадиционные изобразительные формы	21,2	8,3	8,1	19,9	20,1	6,9
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Род занятий также оказывает существенное влияние на вкусы и предпочтения посетителей артгалерей (см. табл. 3). Это проявляется практически во всех жанрах искусства.

Социальные факторы, безусловно, играют значительную роль в формировании предпочтений в современном искусстве. Если влияние одних факторов (например, пол), заметно слабо, то расслоение предпочтений по возрасту и роду занятий заслуживает отдельного изучения. При этом наиболее подвержены влияниям моды, формируемой средствами массовой информации, молодые люди, представители творческих профессий, предприниматели, для которых большое значение имеет престиж жанра, а не его эстетическая ценность. В то же время основная масса посетителей артгалерей предпочитает классические жанры искусства (ренессанс, манеризм, барокко, рококо, готику), что свидетельствует об относительной устойчивости общечеловеческих ценностей, не подверженных влиянию моды и целенаправленно формируемого общественного мнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд А.И. Введение в культурологию. - М., 1993.
2. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. - Ростов-н/Дону, 1979.
3. Султанов К.В. Проблемы культуры в свете социологии. - Л., 1989. и др.

СМЫСЛЫ РЕКЛАМЫ

Л. Н. Кошетарова

Реклама, смысл, смыслообразование, знак, символ, образ.

Современный человек живет не только в материальном мире вещей, но и в идеальном мире смыслов, который в ходе исторического развития постоянно расширяется и обогащается. Что такое смысл? В словаре В.И. Даля данное понятие трактуется как «способность понимания, постижение, разум; способность правильно судить, делать заключения» [1, Стр. 603]. В философии смысл обычно употребляется для выражения внутреннего содержания или значения чего-либо, постигаемого разумом. В психологии (в русле деятельностного подхода) смысл связывается с сознанием личности и определяется в сравнении с такими понятиями как эмоция, значимость, ценность, значение. Культурологи утверждают, что смысл есть первичное, основополагающее условие генезиса и существования культуры, а способность к порождению смыслов составляет коренное отличие людей от животных [2].

Культурный смысл есть единство материального и идеального. С момента выделения (отчуждения) человека из окружающего его природного мира все созданные им вещи, рожденные мысли, найденные и используемые средства и способы действий, стали носителями особых культурных смыслов. Информация об эпохе, ее мировоззрении, ценностях, впитанная и переработанная современниками, со временем обнаруживается в созданных ими предметах культуры (артефактах) в качестве особых кодов, знаков или символов. Это объясняется тем, что люди не только практически, но и духовно «обрабатывают» продукты своей деятельности, внося в них что-то специфически личное, осмысленное, «сверхприродное».

Реклама как творение человеческих рук и мыслей относится к феноменам культуры и, подобно им, обладает двойственной определенностью: способностью заключать субъективно-объективный смысл. При этом ее объективная (материальная) определенность предстает как реальность, существующая отдельно от человека, и характеризуется присущими лишь ей свойствами (рекламный плакат или ролик). Субъективная (идеальная) определенность появляется в рекламе потому, что люди, ее создающие и потребляющие, опредмечивают в рекламных произведениях свои желания, мечты и представления.

В процессе созидания все человеческие творения вбирают в себя информацию о событиях, людях и проявлениях конкретной исторической эпохи, которая после обнаруживается в предметах культуры, но уже в новом, переработанном виде. Реклама, не имея собственных, автономно существующих от результатов основной человеческой деятельности продуктов, на протяжении всей истории встраивалась в общекультурный аспект времени своего создания, в связи с чем, ее содержание можно рассматривать как выражение ценностей и мировоззренческих смыслов эпохи. Однако при подобном рассмотрении, рекламные произведения должны выступать как чувственно воспринимаемые материальные предметы, а их смыслы (продукты духовной деятельности людей) - как своего рода материальная оболочка человеческих мыслей, чувств и желаний.

Специфика бытия текста рекламы состоит в том, что он изначально нацелен на кратковременную жизнь. Устаревая, рекламные образцы утрачивают основную прагматическую функцию, в результате чего происходит трансформация способа их восприятия. Эффективная с точки зрения современников реклама для потомков уже не представляет былой ценности. По прошествии определенного времени рекламные произведения, подобно другим формам культуры, трансформируются в средства хранения и передачи информации. Текст рекламы представляет отражение текста культуры времени своего создания, а образцы рекламы прошлых лет в концентрированном виде содержат мировоззренческие смыслы, стереотипы и представления ушедших эпох.

Условием сохранения культурных смыслов является преемственность общественно-значимых ценностей, исторически заложенных в различные мировоззренческие структуры человеческого общества. Передаваясь из поколения в поколение и постепенно видоизменяясь, культурные смыслы формируют особую социальную информацию, обеспечивающую стабильность общества и являющуюся основой жизнедеятельности индивида. Выражая определенные культурные интересы, апеллируя к социальной памяти человека, реклама на бессознательном уровне формирует в нем определенные жизненные ценности, мировоззренческие стереотипы и эстетические идеалы.

Как всякая коммуникационная структура, реклама, имеет специфический знаковый язык. По словам А.В. Костиной, реклама создает в своих произведениях «своеобразное виртуальное пространство, вполне реальное и в то же время иллюзорное, которое имеет смысл исключительно в качестве суррогата, искусственного заменителя, знака иной действительности - существующей, но недостижимой» [3, Стр. 219]. В качестве обладающих определенными значениями знаков, рекламные произведения хранят в себе смыслы, мифологемы, представления и мировоззренческие стереотипы, выраженные и закодированные в определенной знаковой оболочке. В связи с этим, рекламу можно рассматривать как нуждающуюся в расшифровке знаковую систему, истоки которой, по утверждению В.В. Ученовой, обнаруживаются уже в многообразных знаковых комплексах эпохи палеолита [4].

Знаковые формы с самого начала формировались обществом как зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные или вкусовые средства коммуникации. На первоначальном этапе это были нейрофизиологические импульсы, ориентирующие индивидуума во внешнем мире. Складываясь в системы, эти импульсы объективировались во внешне выражаемые звуки, жесты, штрихи, цветовые и обонятельные

«пятна». Предтечами будущих рекламных форм, по мнению Т.Э. Гринберг, стали первые попытки использования человеком знаков в качестве «средства закрепления определенных сведений о себе с целью последующей демонстрации окружающим» [5, Стр. 21]. С помощью особых отличительных знаков (саморекламы) древний человек пытался выразить свою индивидуальность и преимущества, означить степень участия в общественной жизни и принадлежность к определенной группе.

С развитием культуры демонстративная функция знаков постепенно обретала тенденцию к символизации. Знаковые проторекламные комплексы все более усложнялись, вследствие чего нагружались дополнительными (в первую очередь сакральными) смыслами. Символика, воплощенная в сакральных образах, явилась для человека первым универсальным неязыковым средством в процессе понимания им объектов физического и духовного мира. По мнению Н.В. Старых и В.В. Ученовой, именно символ стал основным языком проторекламы, так как «посредством символики осуществлялось подавляющее число демонстративных процессов, касающихся как отдельных индивидуумов, так и сообщества в целом» [4, Стр. 17].

Явление символизации возникло на том этапе культуры, когда потребовалось «выразить невыразимое», каким-то образом проявить скрытые от непосредственных контактов, но ощущаемые человеком некие высшие, потусторонние силы. По теории К.Г. Юнга, первичными основополагающими символами культуры стали сакральные образы (архетипы), воплотившие устойчивые структуры коллективного бессознательного [6]. В его концепции архетипы являются персонифицированными символами, помогающими сознанию постичь подсознательные желания, значения, верования и перевести их в понятные визуальные образы. Суть же символизации заключается в наложении на обычные, бытующие в других контекстах явления, новых, добавочных смыслов.

Рекламный символ является древнейшим способом эмоционального и рационального воздействия на потребителя и несет в себе все черты, обозначенные для категории символа как явления культуры: многозначность, знаковость, образность [5, Стр. 83]. В зависимости от глубины и сложности символических отношений, реализующих себя в образных знаках, современные исследователи выделяют группу конвенциональных символов (эмблемы, создающиеся некими сообществами и наделяющиеся определенным смыслом) и группу сложных символических конструкций (архетипы и символы, в которые заложены пласты культурного бытия и определенная интеллектуальная игра смыслов). Для рекламы наибольший интерес представляет вторая группа символов, смысл которых завуалирован и постигается только путем подсознательной расшифровки.

Исторически сложившимися носителями символического смысла в рекламе являются фирменные знаки и торговые марки. Символ, заложенный в торговом знаке, призван выявлять сильные стороны рекламируемого продукта (или его производителя) акцентируя на них внимание потребителей. По утверждению Е.С. Сычевой, этого недостаточно, так как «символическое название продукта начинает эффективно работать только в подходящем для него мифическом контексте», для этого его обязательно должна сопровождать «лаконичная потребительская легенда», позволяющая рекламному символу раскрыть весь потенциал [5, Стр. 85]. Начиная с конца XIX века и до настоящего момента, сильная торговая марка основывается на четырех неразделимых элементах: звучном (символическом) имени, символическом изображении, легендарном слогане и прекрасном мифе.

Одним из первых семиотиков, обративших серьезное внимание на рекламу, был Р. Барт. Разрабатывая структуру рекламного изображения, в качестве его составляющих он выделял текст (языковой и кодовый), денотативную составляющую текста (буквальное изображение и обозначаемый предмет) и коннотативную составляющую (дополнительные, сопутствующие смыслы и значения, возникающие в сознании потребителя). В рекламном сообщении, по его мнению, основной составляющей становится коннотативная, как бы прикрываемая смыслом денотативного сообщения, обращенного к сознанию, текст же при этом выступает в качестве механизма, особым образом направляющего интерпретацию [7]. Многозначность восприятия (полисемиотичность) визуальной системы знаков должна, по Барту, быть редуцирована текстом, заставляющим выбрать одно из множества значений сообщения. В рекламных коммуникациях это позволяет установить устойчивые связи изображения и кодов, привязать продукт к тому или иному объекту символического мира (например, автомобиль Volvo - безопасность, сигареты Marlboro - ковбой, какао Несквик - мультяшный кролик и т.п.).

Культуролог А.В. Костина также считает, что процесс функционирования знака в рекламе предполагает выявление стоящего за ним предмета и его смысла - то есть, создание особой знаковой ситуации. Иллюстрируя данный принцип, она анализирует рекламу жвачки Wriglis, которую представляют уверенные в себе, раскованные, авангардно экипированные молодые люди. Здесь обращенные к сознанию объективные смыслы («долго не теряет вкуса», «имеет приятный аромат», «не высыпается из пачки») становятся лишь импульсом для включения коннотативной составляющей и его основной интенции: «Хочу быть таким же» [3, Стр. 222].

Как известно, исходный смысл любого предмета или явления культуры, объективно выраженный в его предназначении, роли и функциях, не является единственно существующим. Первичной, «объективной» функцией рекламы является информативная, призванная оповещать потребителя о тех или иных характеристиках товаров и услуг. Однако, будучи особой смысловой коммуникацией, реклама несет информационное и эмоциональное наполнение. От информации она переходит к внушению, затем к «незаметному внушению» и так постепенно (на бессознательном уровне) она начинает управлять человеком. При этом «она внушает потребителю не ту или иную конкретную марку («Омо», «Симка» или «Фрижидер»), а нечто более фундаментально важное для всего общественного строя, нечто, по отношению к чему «Омо» или «Фрижидер» составляют лишь алиби» [8, Стр. 180].

Реклама как некая эмоциональная атмосфера привлекает внимание человека к прагматичным сторонам бытия, стимулируя в нем жажду жить определенным образом. В концепции Ж. Бодрийяра именно реклама становится своего рода симулякром, предлагающим человеку новый, моделируемый ею мир. Она способна придавать вещам и услугам такие особые свойства (смыслы) как естественность, откровенность, заботливость, общительность, любовь. Рекламируемым продуктам она умеет сообщать нечто такое, без чего они не были бы сами собой, - особую «теплоту». Особый завуалированный смысл рекламы заключается еще и в том, что она помогает современному потребителю решить проблему выбора, придумывая мотивации для его покупок, так как только она, по словам Бодрийяра, «способна лучше всех сказать нам, что же именно мы потребляем через вещи» [8; Стр. 179].

Благодаря тому, что основной смысл (информация о товаре) в рекламе часто функционирует в качестве своеобразного прикрытия [7], происходит многократное усиление внушающего воздействия рекламы на сознание и подсознание человека. Протестуя против поработавшей силы рекламы, люди часто не понимают логики ее воздействия. Это не логика тезиса и доказательств, а логика легенды и вовлеченности в нее [8]. Поэтому потребитель, научившийся сопротивляться рекламному императиву, незаметно для себя становится все более чувствительным к рекламному индикативу. В момент смыслопостижения рекламных знаков и символов человек попадает в некое иллюзорное, виртуальное пространство, в котором довольно трудно найти естественное подтверждение его собственным мыслям. Искусно манипулируя не только чувствами, но и смыслами людей, реклама привлекает внимание миллионов потребителей к прагматичным сторонам бытия.

Неотъемлемым признаком рекламы как феномена культуры является ее способность к смыслопорождению. Образцы рекламы прошлых лет в концентрированном виде содержат мировоззренческие смыслы, стереотипы и представления ушедших эпох. Смыслы рекламы, чаще всего, выступают как знаки или символы, обладающие определенными значениями. Совокупности знаков и символов в современной рекламе образуют тексты, содержащие в себе культурные смыслы, с помощью которых она способна не только передавать сообщения о предметах, которых нет в наличии, но и внушать человеку определенные чувства, стимулирующие в нем потребление и жажду жить определенным образом. Смысловое знаково-символическое выражение в рекламе ограничено ее прагматической направленностью и состоит в отражении лишь тех сторон объективного мира, которые напрямую связаны с бытием рекламируемого продукта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. - 736 с.
2. Пелипенко А.А. Рождение смысла // Личность. Культура. Общество. 2007. - № 3 (37). - Стр. 69-95.
3. Костина А.В. Эстетика рекламы. - М.: Вершина, 2003. - 304 с.
4. Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы. СПб.: Питер, 2002. - 304 с.
5. Реклама: культурный контекст / Под общ. ред. Т.Э. Гринберг, М.В. Петрушенко - М.: РИП-холдинг, 2004. - 186 с.
6. Юнг К.Г. Человек и его символы. - М.: 1998. - 243 с.
7. Барт Р. Мифологии / Пер с франц. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. - 312 с.
8. Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с франц. - М.: Рудомино, 2001.-218 с.

СОЦИОЛОГИЯ МУЗЫКИ: ЯЗЫК МУЗЫКИ В СВЕТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

Т. В. Лазутина

Общество, нация, традиция, культура, народы Севера, язык, знак, символ, знаковая система, музыка.

В современной России, представляющей многонациональную державу с развитыми самобытными ценностями, происходят духовные трансформации в культуре, поэтому необходимо уделять пристальное внимание воспитанию молодежи в духе единения, следствием чего государственной задачей является сохранение национального своеобразия в рамках общего культурного пространства. Россия - правовая страна, базирующаяся на принципах равноправия и самобытности каждого этноса, толерантности к иным культурам. Известно, что на территории Тюменской области, где проживают 125 национальностей, среди которых татары и малочисленные народности Севера (ханты, манси, ненцы, селькупы и др.), обладающие уникальной культурой, в том числе и музыкальной (например, музыка сибирских татар основана на пентатонике, особо мелодична и богато орнаментирована, что позволяет вести речь о национальном своеобразии языка музыки), действует социальная программа для защиты самобытных национальных культур и направленная на возрождение и развитие традиционных видов деятельности коренных народов Севера. По сравнению с другими регионами России в Тюменской области созданы наиболее благоприятные условия для развития народного творчества, о чем свидетельствуют проводимые при содействии администрации Тюменской области культурные мероприятия (фестивали, конференции, конкурсы и др.).

Особенности национального характера выражаются и транслируются посредством языка, что вовсе не исключает диалога культур. Музыкальная культура занимает ведущую позицию в деле объединения этносов посредством специфического языка. Существует специальный раздел в музыкальной этнологии, где рассматриваются различные формы связи языка с обществом, ведь национальный характер является важным элементом этнической культуры. Исследования языковых феноменов фиксируют, что одной из форм влияния общества на языковую систему является не только социальная дифференциация языка, которая обусловлена социальной неоднородностью общества и естественными различиями, но и этническая дифференциация. Язык, безусловно, является одним из оснований этнической идентичности. Этнокультурные особенности, прежде всего, находят выражение в языке вообще, в языке музыки, в частности. Известно, что в творчестве Г.В.Ф.Гегеля содержалось указание на существующее этническое различие народов, проявляющееся в музыкальном искусстве: «<...> человеческий голос, подобно субъективной душе и чувству, развертывает необычное многообразие частных особенностей, корнящихся с точки зрения их общих различий, в национальных и прочих природных обстоятельствах. Например, итальянцы являются народом, предрасположенным к пению, и среди них чаще всего встречаются прекраснейшие голоса» [1, Стр.264]. Ранее у Ж.-Ж.Руссо получилось любопытное сравнение итальянской и французской оперных школ, рассматриваемых им в качестве антагонистов. Великий просветитель выявил существующую разницу в национальном характере музыки и обозначил ее в следующих словах: «Если бы меня спросили..., у какого народа наилучшая музыка, я сказал бы, что у того, чей язык более всего для нее пригоден <...>. Если есть в Европе язык, пригодный для музыки, это, конечно, итальянский, ибо он более других языков нежен, звучен, гармоничен и акцентирован, а эти четыре качества как раз наиболее благоприятны для пения» [2, Стр. 45]. Более того, по мнению Ж.-Ж.Руссо, существует «три обстоятельства», которые «способствуют совершенству итальянской музыки» и придают ей своеобразие: мягкость языка, смелость модуляций и точность размера [2, Стр. 51]. Во французской музыке, напротив, «нет размера, ни мелодии, ибо они несвойственны этому языку», на основании чего он заключает, что «французское пение - это всего лишь непрерывное завывание, невыносимое для всякого непредубежденного слушателя, что гармония здесь сера, невыразительна и отдает школьной старательностью» и приходит к выводу, что «<...> у французов нет и не может быть музыки, а если бы она у них и была, то тем хуже для них» [2, Стр. 76]. Далее, проводя различия в характере первоначальных языков, Ж.-Ж.Руссо замечает, что «языки Юга должны были стать живыми, звучными, богатыми по интонации, красноречивыми и часто темными из-за избытка энергии; языки Севера - глухими, жесткими, резко артикулированными, крикливыми, монотонными, ясными скорее благодаря отдельным словам, чем из-за хорошего построения фразы», откуда «самые естественные для них (жителей Севера - Т.Л.) звуки - это звуки гнева и угроз, а они всегда сопровождаются сильными артикуляциями, придающими им суровость и жесткость» [2, Стр. 119]. Получается, согласно Ж.-Ж.Руссо, что всякая национальная музыка заимствует свой характер у языка и «<...> только по мелодии следует определять характер любой национальной музыки, тем более что в основном он дан в языке, поэтому мелодия как таковая должна испытывать величайшее влияние языка» [2, Стр. 40]. В отечественной науке о музыке встречается аналогичный взгляд, в частности, Г.А.Ларош указывает, что «<...> у южан преобладает фантазия; там образы и вымысел ценятся выше всего;

там глубокие натуры художников с незначительной пластической силой и с антипатией к ее рассчитанным эффектам не могут находить сочувствия» [3, Стр. 21]. Приведенные выше высказывания позволяют прийти к следующим выводам.

Во-первых, музыка являет общечеловеческий феномен, так как понимание ее языка доступно всем. Язык музыки представляет универсальное средство фиксации, хранения и передачи специфических сигналов между различными поколениями людей, в том числе он транслирует комплекс религиозных, эстетических и философских идей, является неотъемлемой частью обычаев. Музыка представляет наиболее коммуникативное (среди всех других видов) искусство звуков, бытующих в обществе, максимально проникающих в жизнь человека, где присутствуют специальные жанры, сопровождающие ритуал (например, реквием в церковном богослужении), применяющиеся для проведения различных светских церемоний (к примеру, гимн студентов «Гаудеамус»).

Во-вторых, хотя музыкальное искусство представляет общеродовую ценность, но, обращаясь к вопросу поиска специфичности языка музыки, вполне уместно вести речь о его национальном многообразии. Речь идет о том, что существуют нерешенные вопросы, связанные со стереотипами восприятия, под которыми в этнологии понимаются схематизированные, эмоционально окрашенные, устойчивые образы этнической группы или общности, распространенные на всех ее представителей.

Нация представляет тип этноса, духовность которого выражается в национальном сознании и самосознании народа, в устойчивости его развития (этноним), в исторической памяти, традициях, патриотизме, долге, гордости. Ю.М.Федорову принадлежат следующие строки о мировоззрении как порождении этногенеза: «мировоззрение этноса есть квинтэссенция его собственного духа» [4, Стр. 14]. Развитое мировоззрение выражается в традициях, обычаях и языке народа. Философская аксиология, выступая в качестве особой формы общественного сознания, рассматривает иерархию ценностного мира, где традиции, представляющей «комплекс взаимосвязей между настоящими, прошлыми и будущими поколениями людей, выражаемый как система (иерархия) ценностей и как социальное отношение (преемственности, последовательности развития)» [5, Стр. 246] отводится в изучении особая роль. В современных исследованиях под традицией понимается «процесс передачи наследства (наследования) от одних поколений людей - другим (диахрония), от одних социальных групп - другим (синхрония)» [6, Стр. 6], являющей результат познавательной деятельности, выступающей как «гносеологическое моделирование мира, как универсально-специфическая образная его форма, отражаемая в человеческом сознании и историческом опыте» [5, Стр. 9]. Традиция задает моральные нормы, наполняя собой все сферы жизнедеятельности человека, оформляя свое бытие в языковой культуре, где остро звучит вопрос о национальной идее. В работах отечественных философов (Н.А.Бердяев, Стр.З.Гончаров, А.В.Гулыга, И.А.Ильин, В.И.Копалов и др.) национальная идея становится объектом пристального исследования. В.И.Копалов отмечает, что «русская идея - особая система координат нашего национального самосознания, которая дает представление о месте русской нации среди других народов, смысле ее существования, ее судьбе и историческом призвании» и выявляет две ее крайние оценки (как выражение национального самосознания и как философскую и политическую доктрину русского национализма и шовинизма). Нация, согласно концепции А.В.Гулыга, познает себя в художественном творчестве, и чем сильнее выражено в искусстве национальное начало, тем больше в нем подлинной общечеловечности [7, Стр. 256-257].

В наши дни особое внимание уделяется принципу универсальности, который позволяет полно характеризовать культуру, а это значит, что универсальность культуры прочитывается как универсальность традиции: «Нация - это живое единство, имеющее общие исторические и культурные традиции, хотя и выражаемые в разнообразных формах, но обладающие силой универсальности» [8, Стр. 383], что позволяет избегать тоталитаризма. Необходимо помнить, что Россия всегда вбирала в себя различные этносы и «объективное положение и роль русского народа в общероссийской межнациональной исторической общности дает основание рассматривать его в качестве естественно - исторического, стабилизирующего и консолидирующего фактора межнационального согласия и братского сотрудничества народов» (А.П.Ветошкин).

Язык музыки являет специфический феномен, некоторое единство в многообразии. Феномен русской музыки необходимо рассматривать с позиции выражения отечественного менталитета, этноса. Отечественная музыка всегда отличалась тем, что сочетала эмоциональность с высокой этической направленностью. Выражением духа русской музыки является устремленность ее к нравственному началу, проявляющаяся более всего в тяготении к «колокольности» (термин Б.В.Асафьева), более того, тембр колокола приобрел значение музыкального символа России. Колокол используется в качестве национального символа и для русского человека издавна был голосом Родины, «символом единения и гражданского долга, независимости и величия государства» (Ю.В.Пухначев) [9]. Это объяснимо тем обстоятельством, что благодаря особой важности функций, исполняемых им в общественной жизни «колокол становится частью национального самосознания» (Ю.В.Пухначев). Значение колокола в жизни любого народа велико, но в России эта особенность наиболее ярко представлена. Звучание колокольного тембра многозначно, широк спектр возможностей этого инструмента. Колокольным звучанием приветствовали победителей, без него не обходилось ни одно праздничное шествие. Вечевой колокол в Древней Руси сзывал народ, набат оповещал о появлении врагов, о пожаре или ином бедствии (С.Могилевская, Ю.Пухначев). В русских летописях колокол впервые упоминается в 1066 году (Новгород), и если коснуться вопроса этимологии, то обнаружится, что слово «колокол» происходит из древнеиндийского «kalakalas», что означает шум, крики (греч. «калео», лат. «kalare» - созывать). В особой науке о колоколах - кампанологии (от названия меди, из которой отливались лучшие колокола) колокол рассматривается как один из самых древних музыкальных инструментов мира, ведь его использует человечество с давних времен как средство передачи информации, а также в качестве музыкального инструмента, сопровождающего религиозный обряд. Известно, что первые литые колокола, имеющие овальную или миндалевидную форму, появились около 2500 годах до н.э. в Китае, на Ближнем Востоке в Палестине - за 1000 лет до н.э., в Греции и Риме они использовались в религиозных обрядах и праздниках, в Европе - в христианских храмах при богослужении [10, Стр. 369]. Считается, что первое применение колоколов в христианских церквях произошло при епископе Павлине в 394 году в городе Нола в Кампании (провинции Италии). Прием обращения к звукоизображению колокольного звучания является излюбленным среди композиторов.

Исторически сложилось, что отечественные композиторы (чаще, чем их зарубежные коллеги) обращались к колокольному звону как к богатейшему звуковому материалу, что выражается в существовании всех его видов - «от сигнала до образов колокольного искусства» (Ю.Пухначев) в русских операх. Замечено, что звучание колокола традиционно вводилось композиторами в торжественно-монументальные оперные сцены (М.И.Глинка «Иван Сусанин», Н.А.Римский-Корсаков «Псковитянка», М.П.Мусоргский «Борис Годунов»), использовалось в хоровых произведениях (поэма-кантата «Колокола» Стр.В.Рахманинова, «Поэма памяти» Стр.Есенина Г.В.Свиридова), а так же воссоздавалось в фортепианных миниатюрах («Маленькая сюита» А.П.Бородин, прелюдии Стр.В.Рахманинова). Традиция использования «колокольности» наиболее ярко воплощена в творчестве Стр.В.Рахманинова, в частности в его Трио, посвященном памяти П.И.Чайковского, где композитор «рисует» картину траурного шествия, имитируя в партии фортепиано звучание скорбных колоколов.

Тема «колокольности» в творчестве русских и советских композиторов (А.П.Бородина, М.П.Мусоргского, Н.А.Римского-Корсакова, П.И.Чайковского, Стр.В.Рахманинова, Г.В.Свиридова и др.) широко освещается в современном музыковедении, в частности, О.Л.Девятова отмечает, что «<...> Слонимский создает в своем творчестве богатый и многоликий звукообраз России, в котором оживают и древнеславянский эпос с его песенными и инструментальными традициями, и культура русских городов, и многозвучная палитра фольклора различных народов, населяющих Россию, и общеславянские традиции» и в его произведениях «<...> развивается (на основе традиций фольклора и профессиональной культуры) особая, чисто русская символика (образ русской вольницы, колокола, колокольность и др.) <...>» [11, Стр. 8]. О значении колокольной музыки писал в начале XX века К.К.Сараджев - «Мастер волшебного звона» (А.Цветаева), создавший гармонизации для этого инструмента, заявляя, что «музыка выразит то, о чем не расскажет слово. То, что не передаст своей песней ни один музыкальный инструмент, - донесет до сердца каждого колокольный звон» [12, Стр. 131-132]. Посредством колокольной музыки, (да и музыки вообще), возможно воздействовать на нравственную сферу. Следует отметить, что музыка, направленная на создание общечеловеческих (универсальных) ценностей, идеалов, убеждений, способствует формированию развитого мировоззрения, что изучает существующая ныне философия музыки. Как известно, система принципов, убеждений, знаний человека о мире и своем месте в нем характеризуется тем, что ценностно окрашена. Хотя музыкальность - индивидуально-психологическая характеристика личности, способность субъекта к музыкальной деятельности, - представляет комплекс способностей, которые имеют природный характер и заданы человеку от рождения, но музыкальные способности могут быть усовершенствованы в процессе обучения. Музыка способна гармонизовать отношения между человеком и миром. Ценностные ориентации регулируют деятельность людей, задают тип поведения, общения, то есть формируют их социальную жизнь.

Проблема языка как особой системы культуры находится в центре внимания социологии искусства, без разработки которой невозможно адекватное понимание человека как деятельного субъекта культуры.

Искусство музыки социально значимо. Субъект творчества является носителем ценностей.

Музыка представляет ценность особого рода, это полиязыковая реальность, где находят распространение знаковые системы разных видов искусства. Мир ценностей получает выражение в музыкальных звуках, системе их отношений. Ценности в музыке взаимообуславливают друг друга, они индивидуализированы и общезначимы, историчны и внеисторичны, региональны и глобальны, к ним применим диалектический подход, позволяющий сформировать о них развитое представление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике [Текст] / Г.В.Ф.Гегель; Пер. с нем. Б.Столпнера. // Соч. в 2 т., Т.1.- СПб.: Наука, 2001. - 622 с.
2. Руссо, Ж.-Ж. Сочинения [Текст] / Ж.-Ж.Руссо; Пер. с фр. Н.И.Кареева и др./ Сост. и ред. Т.Г.Тетенькина / Калининград: Янтарный сказ, 2001. - 416 с.
3. Ларош, Г.А. Избранные статьи. В 5-ти вып. Вып.5. Музыка и литература [Текст] / Г.А.Ларош. - М.: Музыка, 1978. - 334 с.
4. Федоров, Ю.М. Сумма антропологии [Текст] / Ю.М.Федоров. Ч. 1: Расширяющаяся вселенная абсолюта. Ч. 2: Космо-антропо-социо-природогенез Человека. - 2-е изд. - Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. - 833 с.
5. Шабатура, Л.Н. Онтогенез традиции / Л.Н.Шабатура. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. - 265 с.
6. Шабатура, Л.Н. Социогенез традиции / Л.Н.Шабатура. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. - 209 с.
7. Гулыга, А.В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке [Текст] / А.В.Гулыга. - СПб.: Алетейя, 2000. - 447 с.
8. Мунье, Э. Манифест персонализма [Текст] / Э.Мунье, пер. с фр. - М., 1999, Стр. 266.
9. Пухначев, Ю. Колокол [Текст] // Наше наследие V (23) / Ю.Пухначев. - М.: Искусство, 1991.-Стр. 5 -21.
10. Алдошина, И. Музыкальная акустика [Текст] / И.Алдошина, Р.Приттс. - СПб.: Композитор-СПб, 2006. - 720 с.
11. Девятова, О.Л. Художественный универсум композитора Сергея Слонимского: Опыт культурологического исследования [Текст] / О.Л.Девятова. - Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. - 408 с.
12. Цветаева, А.И. Мастер волшебного звона [Текст] / А.И.Цветаева, Н.К.Сараджев; Общ. ред. В.Руденко. - М.: Музыка, 1986. - 159 с.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РЕГИОНЕ

Н. Н. Михеева

Социальные услуги, социальные службы, благотворительность, субъекты благотворительной деятельности, справедливость, власть.

Как вид социальной услуги благотворительность обеспечивается системой гражданско-правовых связей на основе Закона РФ и представляет конкретные действия человека по оказанию помощи лицу, обратившемуся в социальную службу.

Благотворительность в России определяется и регулируется Законом РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (11.08.95. №135 - ФЗ). В Законе прописано: «Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [1, Стр.1].

Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» устанавливает основы правового регулирования благотворительной деятельности, определяет возможные формы ее поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления. В ст. 4 этого закона отмечается, что «Граждане и юридические лица вправе беспрепятственно осуществлять благотворительную деятельность на основе добровольности и свободы выбора ее целей» [1]. Данный закон предполагает осуществление благотворительности исключительно на добровольной основе.

Финансовую поддержку нуждающимся могут оказывать общественные организации, бизнес-структуры, российские и иностранные граждане. В качестве субъектов благотворительности в российском обществе можно рассматривать управленческие структуры, бизнес-структуры, интеллектуальных благотворителей, общественные организации и различные фонды (табл.).

Субъекты благотворительной деятельности

Управленческие структуры	Бизнес - структуры	Индивидуальные благотворители	Общественные организации и фонды
Государственная власть на федеральном уровне Государственная власть на региональном уровне Государственная власть на местном уровне Органы местного самоуправления Общественно-политические организации Партии	Иностранные предприятия Крупный бизнес Малый и средний бизнес Индивидуальные предприниматели	Индивидуальные пожертвования Добровольцы / Волонтеры Община, семья, родственники Иностранные граждане Меценаты, филантропы	Некоммерческие организации Благотворительные фонды Грантодающие организации Учебные заведения Конфессии

Уровень развития благотворительности в современном российском обществе остается крайне низким. Непопулярность благотворительности в России можно объяснить сложным экономическим положением граждан и тем, что деятельность благотворителя мало популярна в общественном сознании населения страны. Отношение к благотворительности в прошлом и в настоящее время неоднозначно, а зачастую и полярно.

Негативное отношение основывается на мнении: благотворительность развращает человека, отучает его от труда и не приносит никакого блага обществу. При этом приводятся следующие аргументы: 1)благотворительность воздействует не на причины социальных проблем, а на их следствия; 2)благотворительность сама по себе оскорбительна для человеческого достоинства и заключает глубокую несправедливость — она принуждает одного человека зависеть от другого человека; 3) благотворительность развращает и того, кто оказывает благотворительную помощь, и того, кто ее получает.

Позитивное отношение основывается на том, что благотворительная деятельность — это поддержка нуждающихся людей в трудную минуту, что зачастую не способно сделать государство.

- Благотворительность содействовала развитию в России просвещения: открытию училищ, курсов, учреждению стипендий; а также развитию культуры: поддержке художников и артистов, строительству музеев, восстановлению разрушенных и строительству новых храмов.

- Продуманная благотворительность реализует принцип: не только помоги, но и научив (не только покорми рыбой, но и дай удочку, научив ею пользоваться), в результате этого отмечается хотя бы частичное решение социальных проблем.

- Благотворительная деятельность способствует развитию добровольческих инициатив, формированию активной гражданской позиции и вовлечению граждан в решение социальных проблем.

- благотворительность является одной из основ деятельности некоммерческих организаций, некоммерческого сектора экономики.

Помогая людям, благотворители одновременно получают признание, статус, доброе имя среди современников и потомков, а также делают благо на пользу общества.

В частности, благотворительная политика предполагает понимание компаниями своей социальной роли. Все социальные программы целевые и направлены на конечный результат. Программа «Им нужна Ваша помощь» - технология эффективной благотворительности при минимальных затратах - специально разработана для сотрудников коммерческих компаний. Подобная программа успешно используется в благотворительном фонде компании «Лукойл». Фонд спонсирует детские дома на Севере, помогает беженцам из горячих точек.

Тюменская нефтяная компания определила главные направления своего развития в области социальной политики и повышения качества жизни своих сотрудников, куда вошло финансирование программ, связанных с улучшением быта нефтяников на месторождениях (236 млн. руб.), со строительством и капитальным ремонтом бригадных участков (168,5 млн. руб.), а также с программой оздоровления работников общества и членов их семей, на которую ТНК затратила 114,5 млн. рублей.

Фонд «Линия жизни» создан при организационной поддержке Министерства топлива и энергетики Российской Федерации. В числе спонсоров фонда значатся «Газпром», «Роснефть», «Славнефть», «Зарубежнефть», «Сибирская нефтяная компания», ТНК, ОНАКО, «Лукойл», «Сургутнефтегаз», благотворительный фонд «Милосердие» и др.

Концепция благотворительной деятельности компании «Сургутнефтегаз» предусматривает поддержку тех сфер общественной жизни, которые оказались наиболее незащищенными в нынешних сложных экономических условиях. Предметом заботы компании становятся государственно значимые культурные и социальные проекты и социальные объекты в регионах деятельности дочерних предприятий «Сургутнефтегаз».

Компания оказывает благотворительную помощь Тюменскому государственному нефтегазовому университету, Сургутскому государственному университету, нефтяным техникумам в Сургуте и Лянторе, муниципальному специальному коррекционному образовательному учреждению для детей-инвалидов. Оказано финансовое содействие детскому дому «На Калинке», центру реабилитации детей с ограниченными возможностями «Добрый волшебник» и др.

Осуществление благотворительности делает бизнес социально ответственным. Рассуждая о социальной ответственности российского бизнеса, мы непременно приходим к понятию социальной справедливости, которое не ограничивается чисто нравственными аспектами и всегда прочитывается как социально-экономическое и идеологическое. Нравственное, экономическое и социальное так тесно переплетены здесь, что создают в некотором смысле амальгаму, из которой лишь путем специального анализа можно извлечь собственно моральное содержание.

Справедливость — мерная характеристика человеческих отношений. Она означает должный порядок человеческой жизни, при

котором существует соответствие между деянием и воздаянием, достоинством и вознаграждением. Это распределение поощрений и наказаний производится при справедливом подходе сообразно заслугам и промахам людей — невзирая на лица [2, Стр. 301]. Справедливость действует сообразно характеру поступка и без всякой личной склонности. Богиню правосудия Фемиду изображают в виде женщины, глаза которой завязаны, а в руках — весы. Она взвешивает добро и зло вслепую, также вслепую уравнивает на символических весах преступление и наказание, подвиг и награду.

Распределение благ согласно труду, сословно-классовой, кастовой и племенной принадлежности становится мощным двигателем развития общества и культуры во все времена. Рождение всеохватывающей распределительной справедливости означает одновременное появление несправедливости, поскольку произведенный трудом прибавочный продукт теперь может быть отнят и отнимается силой. Условия жизни и, как говорят теперь, «качество жизни» людей становятся несопоставимы. Появляются бедные и богатые, вступающие в конфликты между собой, отстаивая свои интересы под флагом «справедливости». Эта справедливость является формой выражения «своей правды» — своих потребностей и точек зрения, которые сделались не только радикально различны, но и противоположны.

С возникновением государственности появляются писанные законы, право, закрепляющее сложившееся положение вещей и претендующее на выражение «настоящей» полной справедливости. Впрочем, моменты уравнивания и распределения, которые совсем не ограничены областью хозяйственной жизни, еще долго остаются под «патронажем» традиции. Именно традиция, а не только закон в течение столетий продолжает определять, кому, за что и как должно воздаться. Нередко «справедливость права» даже вступает в весьма острые конфликты со «справедливостью традиции».

Добрая традиция может отвергать несправедливый по сути закон, зато в других случаях передовой закон может отменять косную и антигуманную традицию. Юридическое представление о справедливости выдвигается на первый план.

Рыночная справедливость провозглашает: живи сам и жить давай другим. Справедливость теперь включает [2, Стр. 306]:

- 1) равенство права моего и других;
- 2) равную обязанность мою и других заботиться о наших общих интересах;
- 3) справедливое наказание за нарушения общественного порядка и преступления против общества и индивидов;

Справедливость теряет свой заповедный сакральный характер и становится собственно человеческой, делом договоренности, консенсуса, решения голосованием в парламенте. В ее сердцевине заложена идея неприкосновенности частной собственности, которая считается гарантией существования всех других видов справедливости. Право на частную собственность не должно быть подорвано ничем, напротив, оно должно быть гарантировано всей мощью государства и нравственно-правовыми убеждениями и представлениями индивидов.

Истолкованная как обеспечение владения, справедливость делается рациональной, понятной и выражает в первую очередь интересы тех социальных групп, которые уже обладают собственностью на средства производства и могут оказать наибольшее влияние на установления общезначимых юридических и нравственных норм. Справедливость выдвигает формальный принцип равенства и создает этим условия для существования демократического строя, «массового общества» и всех реалий современного западного мира. Провозглашая равенство в праве, она далеко не всегда создает равенство в реальных возможностях. Каждый бьется здесь один, сам за себя, общество не гарантирует своей помощи тем, у кого нет материальной «стартовой площадки» для успеха.

«Сделать самого себя», реализовать свои способности без социальной поддержки удастся далеко не всем. Вопиющие социальные контрасты, борьба за справедливость рабочих и студентов, женщин и представителей национальных меньшинств — типичная картина в нынешних развитых странах. В современном мире справедливость, так или иначе, всегда включает оба момента: момент уравнивательный и момент воздающий. Равенство выступает как важнейшее условие самой жизни человека и развития его индивидуальности. Все люди должны иметь равное право на жизнь, свободу и равенство, независимо от классовой принадлежности, вероисповедания и цвета кожи.

Они имеют равное право на свободу личной жизни, передвижения, гражданства, а также на создание семьи и владение имуществом. Можно и дальше перечислять многообразные права, записанные во Всеобщей декларации прав человека. Реальная справедливость не сводится к установлению равенства, она включает конкретное материальное и организационное воздаяние во всех сферах жизни, которое часто закреплено в законе. Это и распределение благ сообразно конкретным принципам, и наказание за преступления, и поощрение со стороны общества для тех, кто совершает выдающиеся деяния [2, Стр. 308].

Власть, которая претендует на выражение мнения всего народа, как правило, выражает интересы наиболее обеспеченных правящих групп, поэтому столкновения интересов, представлений, требований неизбежны. Обладая в современном мире большими возможностями, в том числе владея средствами массовой информации, власть активно навязывает массам свое представление о справедливости, изображает все производимые ею акции как справедливые, стремится развенчать оппонентов, отстаивающих «свою правду».

В частности, накануне региональных выборов в марте 2007 года в России создана новая партия «Справедливая Россия», ценности которой признаны населением страны. Это позволило ее представителям войти в состав новой Государственной думы V созыва. Эта партия провозгласила следующие основные ценности: равные для всех права и свободы, солидарность поколений, патриотизм, ответственность государства перед гражданами, демократия участия в делах общества, благополучие семьи, социальная безопасность [3].

В Кодексе справедливости Тюменской области эти ценности представлены в разделах «Справедливая жизнь», «Справедливое общество», «Справедливое государство» и «Справедливая экономика». Безусловно, хорошие и нравственно взвешенные ценности этой партии вызывают позитивную реакцию населения. Следует отметить, что эта партия активно взялась за проведение благотворительных акций среди населения. В частности, ими объявлен конкурс имени руководителя этой партии М. Миронова на лучшее эссе среди студентов и аспирантов российских вузов, суть которого заключается в материальной поддержке лучших студентов и аспирантов.

Справедливость в ментальности российского общества — великая ценность, и она, как мы уже говорили, является мерным отношением, она сопоставляет, взвешивает и уравнивает, раздает по успехам и воздает по заслугам. Жить без справедливости плохо и горько, однако, есть еще одно человеческое качество, которое дополняет справедливость, выходя за ее пределы. Это великодушие, которое осуществляется через благотворительность. Если справедливость мерна, то великодушие — безмерно, оно поднимается над равенством воздаяния и дает от щедрот, от полноты духовного и душевного богатства.

На одном великодушии нельзя построить общественной жизни, но без этого качества люди просто перестали бы быть людьми и превратились в калькулирующие машины. Религия полагает, что любовь, доброта и великодушие Бога творят мир. Наличие великодушия у людей позволяет надеяться, что человечество способно нравственно и духовно расти, способно прощать и дарить уже не по-человечески, а по-божески. Справедливость и великодушие — две стороны одной медали, вместе они выступают как условие человеческого счастья.

Демократическое рыночное общество признает публичные дискуссии по вопросам справедливости. Руководители развитых государств не без оснований полагают, что «пар, уходящий в гудок», позволяет сохранять или мягко преобразовывать наличную социальную ситуацию, не доводя ее до разрушительных бунтов и революций. Власть, которая позволяет громко кричать и критиковать ее, оценивается людьми как более справедливая, чем та, что казнит за каждое слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях. Федеральный закон № 135 от 11 августа 1995 г.
2. Золотухина-Аболина Е. В. Современная этика. - Москва: ИКЦ «МарТ», 2005. - 416 с.
3. Кодекс справедливости Тюменской области. Тюмень, 2007. - 14 с.

ИЗМЕРЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В ЭМПИРИЧЕСКОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Ж. В. Пузанова

Одиночество, метод неоконченных предложений, семантический дифференциал.

Рассматривая феномен одиночества можно выделить следующие проблемы, с которыми сталкивается, исследователь, изучающий его на эмпирическом уровне:

- Множественность смыслов, вкладываемых в понятие «одиночество». Внутреннее «наполнение», переживание одиночества у каждого человека свое: под ним может подразумеваться и уединение, и изоляция, и отчуждение.
- Разнообразие причин, влияющих на возникновение одиночества. Теоретических моделей описывающих причины появления чувства одиночества достаточно много, так как его возникновение обусловлено множеством факторов, в том числе и социальных.
- Недостаточная изученность реакций человека на одиночество, его последствий для самого человека и общества в целом (на теоретическом и эмпирическом уровне).

Сложность эмпирического изучения одиночества заключается в первую очередь в том, что данное переживание является сугубо личным, интимным, поэтому трудности возникают уже на этапе получения данных. Эту проблему вероятно можно преодолеть применением проективных методов исследования и получением данных, когда респондент самораскрывается на интимно-личностном уровне в процессе доверительного общения. В качестве проективного метода исследования можно, на наш взгляд, успешно использовать метод неоконченных предложений. Применение данного метода позволяет снять тревогу респондента, возникающую при необходимости давать ответы на чувствительные вопросы о себе, что обеспечивает исследователю доступ к необходимой информации. Метод неоконченных предложений подходит в данном случае и потому, что при рассмотрении внутреннего мира человека «жесткие» методы, и даже однозначные стандартизированные понятия, неприемлемы. Используя данный метод можно получить данные о категориях, которыми оперируют люди для описания своего жизненного опыта, собрать субъективные восприятия, а также определить значения, которые вкладывают респонденты в понятия «одиночество» и «одинокый человек» [1].

В 2007 г. проведено исследование, в где ставилась задача не только зафиксировать испытывают ли респонденты чувство одиночества, но и выявить особенности его переживания и осознания на эмоциональном и когнитивном уровнях. В опросе приняли участие 107 студентов первого курса Российского университета дружбы народов различных направлений подготовки. Такое выделение позволило включить в выборку студентов, сменивших социальное окружение. В эту категорию вошли москвичи и жители Московской области, поступившие в университет и оказавшиеся в новой обстановке, и люди, приехавшие из других городов России, для которых смена социального окружения сопряжена с весьма резким изменением прежних условий жизни.

Данные различных исследований показывают, что одиночество, являясь сложным психологическим переживанием, основное негативное воздействие оказывает на эмоциональном уровне. Однако разработанного инструментария для измерения одиночества на этом уровне пока нет.

В нашем исследовании разработаны и применены две методики: метод неоконченных предложений и семантический дифференциал, а также использовалась наиболее распространенная и подтвердившая эффективность при фиксации «уровня» одиночества шкала UCLA, разработанная Д. Расселом в 80-х годах XX века [2, Стр. 206]. Эта методика в различных вариантах применялась во многих эмпирических исследованиях одиночества.

Метод неоконченных предложений позволил респондентам охарактеризовать эмоциональное состояние человека, переживающего одиночество. При этом нами выдвинуто предположение, что люди, не испытывающие чувства одиночества, отвечая на вопросы, будут говорить о своих представлениях об этом феномене или отражать сложившиеся стереотипы об одиноким человеке, а респонденты, чувствующие себя одинокими, в ответах будут описывать собственные переживания и чувства.

К методикам, которые могут решить эту проблему относится методика построения семантического пространства. Построение семантического пространства - это попытка передать понятие в простейших, филогенетически и онтогенетически первичных формах восприятия и эмоций, которая выводит нас из системы социальной нормированности, общественной конвенции в мотивационно-потребностную сферу субъекта, из сферы значений когнитивного уровня в сферу смыслов аффективного уровня [3].

В нашем исследовании мы рассматривали эмоциональное отношение респондента не к другому человеку (методика Ч.Осгуда), предмету или социальному явлению [4], а отношению к сложному психологическому переживанию. Поэтому представилось целесообразным построение отдельных шкал для изучения одиночества на эмоциональном уровне. При использовании данной методики построение шкалы является самым сложным. Один из путей - предложить респондентам большой список антонимичных пар прилагательных, чтобы затем с помощью компьютерной обработки выделить те пары, которые работают. Данный путь достаточно объективен, однако, он очень трудоемок, а у респондентов существует порог в отслеживании своих эмоциональных ощущений.

Обычно исследователи строят собственные шкалы, но в этом случае с неизбежностью присутствует значительный элемент субъективности. В нашем же исследовании эмоциональный уровень отслеживался с помощью двух методик: неоконченных предложений и

семантического дифференциала. При отборе измерительных шкал были проанализированы шкалы, отобранные Ч. Осгудом и набор шкал, выделенных Петренко В.Ф. [5]. Кроме того, был проделан ассоциативный эксперимент, в ходе которого ряд респондентов назвали прилагательные, описывающие разнообразные ощущения по поводу одиночества.

В литературе встречаются упоминания, что на данном этапе респондентам предлагается написать пары прилагательных. В таком случае они могут столкнуться с тем, что не всегда смогут подобрать антонимичную пару. Поэтому представляется более корректным сначала выбрать ряд прилагательных, а затем сформулировать антонимичные пары. В результате мы получили 37 прилагательных (мрачное, забытое, мечтательное, светлое, беспробудное, частое, полезное, радужное, далекое, нужное, возвышенное, дружеское, романтическое, преходящее, грустное, тоскливое, глубокое, полное, необходимое, злое, закрытое, плодотворное, убогое, бессмысленное, печальное, вынужденное, холодное, принудительное, простое, невезучее, впечатлительное, закономерное, управляемое, фатальное, заслуженное, активное, постоянное).

Основываясь на том, что шкалы не должны носить расплывчатый, неоднозначный характер и требовать дополнительных разъяснений, из списка были удалены «неоднозначные» прилагательные, и получив 19 пар, которые образовали шкалы. При отборе и расположении пар были учли рекомендации исследователей, использовавших данную методику ранее [10].

Наконец, для того чтобы выявить представления респондентов об одиночестве, был сформулирован ряд утверждений, с которыми им предлагалось согласиться или не согласиться. Выделили три основные группы мнений о сущности и происхождении одиночества (на основании имеющихся теоретических подходов): одиночество присуще человеку от природы; одиночество - социально приобретенное чувство; одиночество свойственно людям, обладающим определенными личностными качествами. При этом, как уже указывалось, мы исходим из того, что одинокие люди будут говорить о собственном опыте, а не одинокие - придерживаться распространенных представлений об одиночестве.

Когнитивный аспект также оказывает большое влияние на восприятие и оценку одиночества, для его выявления использован метод неоконченных предложений. Предложения были отобраны на основе методического эксперимента [1] и сформулированы следующим образом:

Одиночество - это следствие...
Одиночество приходит тогда, когда...
Одиночество - это плохо, потому что...
Одиночество - это хорошо, потому что...
Для меня, одиночество - это ...
Человек одинок, потому что ...

Таким образом, в ходе исследования поставлен и решен ряд задач, связанных с измерением одиночества на эмпирическом уровне, а именно, не только фиксирование интенсивности переживания, но и эмоциональная окрашенность и семантическая наполненность данного понятия на личностном уровне. Подтверждено, что для наиболее полного и адекватного изучения одиночества, наиболее релевантным является метод неоконченных предложений, так как он позволяет уловить типичное и выйти на глубинные характеристики одиночества.

В ходе анализа данных, полученных с помощью психологического вопросника UCLA, нами выделены три группы респондентов в зависимости от суммы баллов, набранных при ответе на вопросы UCLA. Таким образом, общий диапазон суммы ответов на вопросы, варьирующийся от 20 до 80-ти баллов, разделен на три равных отрезка. Первую группу составили респонденты, набравшие от 20 до 40 баллов, вторую - 40-60 баллов, в третью группу вошли респонденты, получившие соответственно от 60 до 80 баллов.

На первом этапе исследования ставилась цель выявить, ощущают ли индивиды чувство одиночества, то и разделение на три группы осуществлено по данному принципу. Группу с наименьшей суммой баллов (20-40) представляют респонденты, не склонные к переживанию одиночества и ответившие на вопросы, диагностирующие наличие данного переживания, отрицательно. То есть, наиболее часто встречающимися ответами респондентов, принадлежащих к данной группе, являются крайние значения, в данном случае «крайне редко». Первая группа является самой многочисленной как среди москвичей, так и среди приехавших из других городов (74% и 68% соответственно).

Во вторую группу вошли респонденты, занимающие промежуточное положение, ответы которых характеризуются некоторой неопределенностью. Самым распространенным ответом в данной группе является ответ «иногда». В соответствии с задачами, а также спецификой исследования, мы склонны рассматривать респондентов, принадлежащих к данной группе, скорее как не переживающих/не склонных к переживанию глубокого чувства одиночества в данный момент. Из числа респондентов-москвичей, к данной группе относятся 26%, а среди респондентов, приехавших из других регионов, во вторую группу отнесены 28%. Третья, самая малочисленная группа представлена одним единственным респондентом (в дальнейшем с этим респондентом провели глубинное интервью). Стоит отметить, что этот результат имеет силу лишь в пределах методики UCLA, которая не является достаточно глубокой, чтобы выявить и зафиксировать истинные переживания респондентов.

В наши исследовательские планы входило сравнить результаты теста UCLA с ответом на вопрос «Я не чувствую себя одиноким». В результате выяснилось, что почти все респонденты (91,5%), ответившие, что они не чувствуют себя одинокими, попали в первую группу, полученную по методике UCLA. Если рассматривать распределение ответов в трех группах, то наблюдается сильная корреляционная связь и фактически можно констатировать, что достаточно трудоемкая методика тестирования напрямую соотносится с ответом на один вопрос «Чувствуете ли Вы себя одиноким?».

Далее в исследовании выявлялись особенности переживания чувства одиночества на эмоциональном (аффективном) и когнитивном уровнях с использованием методики неоконченных предложений. Все одинаковые ответы сгруппировали по элементарным основаниям (под ним понимается одно высказывание, данное респондентом в качестве ответа). В итоге получилось 37 групп. Затем их объединили в более крупные 10 групп: коммуникация, социальное окружение, внешние обстоятельства, негативные эмоции, личностные характеристики, поведение, уединение, оценка переживания одиночества, одиночество, естественное состояние. Полученные группы были объединены в 5 еще более крупных: социальное окружение, негативные эмоции, личностные характеристики, поведенческая реакция, оценка (табл.).

Таблица

Социальное окружение	Коммуникация	Общение
		Понимание
		Замкнутость
	Социальное окружение	Ненужность
		Потеря близких, душевная травма
		Отсутствие любимого человека/друга
		Неприятие обществом
		Неприятие общества
	Внешние обстоятельства	Внешние обстоятельства
Негативные эмоции	Негативные эмоции	Стресс, депрессия
		Грусть, тоска
		Неуверенность, стесненность, дискомфорт
		Агрессия, злость
Личностные характеристики	Личностные характеристики	Особенности характера, недостатки
		Возраст
		Странности
		Умные, опытные
		Неудачники, глупые
Реакция (поведенческая)	Поведение	Ошибки
		Поведение
		Сосредоточение на деле
		Попытка изменить положение
		Спокойствие
		Алкоголизм
	Уединение	Размышления
		Отдых
		Посвятить время себе
		Собственное желание
		Творчество, идеи
Оценка	Оценка	Равнодушие
		Хорошо
		Плохо
		Негативные последствия
	Одиночество	Одиночество
	Естественное состояние	Естественное состояние
		Все одиноки

Далее каждому элементарному обоснованию придавался вес (либо 1, если это единственный ответ на вопрос, либо 0,5, если ответов 2 в одном предложении, либо 0,33, если ответов 3) и код (от 1 до 37).

Наибольший вес набрали обобщения «социальное окружение» (общение, понимание, замкнутость, ненужность, потеря близких, душевная травма, отсутствие любимого человека/друга, неприятие общества, неприятие обществом) и «негативные эмоции» (стресс/депрессия, грусть/тоска, неуверенность/стесненность/дискомфорт, агрессия/злость) 32,5% и 19,1% соответственно. Наиболее частыми

были ответы «нуждается в общении», «человек замыкается в себе», «отчужденность», «он не может найти общий язык с другими», «тебя не понимают», «не с кем делиться своими чувствами», «не имеет друзей», «он не любит и его не любят», «неумение подстраиваться под общество», «он никому не нужен» и даже «ему никто не нужен».

Таким образом, становится очевидно, что основной и причиной, и следствием одиночества, по мнению многих респондентов, является отсутствие (утрата) социальных связей или проблемы в коммуникации. По большей части, переживание одиночества ассоциируется у респондентов с негативными эмоциями, либо проблемами в общении, отсутствием близких людей, личной трагедией.

Палитра переживаний, вызванных одиночеством, достаточно широка. Респонденты называли: грусть, скуку, страдания, дискомфорт, стеснительность, разочарование в жизни, депрессию, подавленность и даже жестокость и грубость. Чуть меньший вес у обобщения «поведенческая реакция». Респонденты считают, что нередко одиночество – собственное желание человека, это способ либо «уйти от проблем», либо «посвятить время себе» и «разобраться в себе». Некоторые описывали одиночество как уединение («постоянно сидеть дома», «времяпровождение дома»), как способ «отдохнуть», «отвлечься от суеты», как возможность «заняться своими делами», «способ себя развивать». Были и те, кто считали, что одиночество – следствие ошибок в жизни, алкоголизма, или же разлуки с близким человеком.

В категорию «оценка» попали высказывания, которые давали характеристику одиночества как переживания. Как и предполагалось, одиночество чаще воспринимается как негативное чувство. Группа «плохо» набрала вес 46, тогда как группа «хорошо» 18,82. При этом, в категории «плохо» были резко отрицательные характеристики: «это крах», «самоубийство», «смерть», «катастрофа», «самое ужасное чувство оно человеку». В группе «хорошо» часто встречались такие ответы, как «это вовсе не плохо», «иногда полезно», «много плюсов». К группе «оценка» относятся предположения, что одиночество присуще всем людям, что одиночество – естественное состояние («это жизнь», «обычное состояние»).

К личностным характеристикам одиноких людей нередко приписывались такие качества, как высокая самооценка, пессимизм, скверный характер, скрытность, самодостаточность. Одиночество равно присуще, по мнению респондентов, умным («люди, много знающие о жизни») и глупым, неудачникам («ботаники», «непривлекательные», «неудачники»). Была выделена и категория «странных людей» – «совершают странные поступки», «необычные люди», «склонные к сумасшествию». Были предположения, что одиночество – черта определенного возраста, оно присуще прежде всего пожилым людям и подросткам.

Таким образом, вырисовываются некоторые тенденции восприятия и понимания одиночества молодыми людьми. Большинство из них интерпретируют его как негативное, положительные же характеристики приписываются одиночеству в случае, если оно является средством, чтобы отвлечься от суеты и посвятить время себе (то есть как уединение). Некоторые респонденты затруднялись с ответами, обосновывая это тем, что им не знакомо это чувство, возможно, именно поэтому, одинокие люди им казались странными, выделяющимися из толпы.

Рассматривая результаты применения методики неоконченных предложений к анализу одиночества, можно сделать следующие выводы: она показала хорошие содержательные результаты, которые во многом согласуются с различными теоретическими подходами к рассмотрению этого феномена: возникновение одиночества зависит от общества, социального окружения, личностных характеристик индивида и онтологичности одиночества [6],[7]. Так же методика показала «неразделенность» в осознании понятий «одиночество», «уединение», «изолированность», причин и последствий одиночества. Можно говорить и о многоуровневости восприятия и осознания одиночества: когнитивный (попытки осознать причины возникновения одиночества), аффективный (какие эмоции возникают при переживании одиночества) и поведенческий (как ведут себя люди, испытывающие одиночество).

Для рассмотрения одиночества на эмоциональном уровне в исследовании использовалась методика построения семантического пространства. В ходе исследования применена факторизация, в результате чего выделены 4 фактора. Первый, характеризуется прилагательными дружеское, радостное, открытое, плодотворное, возвышенное, семантически связан с понятием «уединение». Второй – прилагательными глубокое, печальное, закрытое, закономерное, связан с психологическим состоянием одиночества. Третий фактор описывает временную протяженность (постоянное, частое), четвертый – интенсивность переживания (глубокое, простое).

Рассматривая результаты построения семантического пространства и применения методики неоконченных предложений, можно сделать выводы:

- в неоконченных предложениях и в построении пространства с помощью семантических шкал выявилось «смешение» понятий «одиночество» и «уединение»;
- методика неоконченных предложений охватывает и дает результаты по всем трем уровням восприятия и переживания одиночества: аффективному, когнитивному и отчасти коннотативному. В то время как методика построения семантического пространства охватывает исключительно эмоциональный уровень восприятия;
- существуют различия в результатах этих методик, если по выводам неоконченных предложений группа «негативные эмоции» набрала вес в 20 % от всего массива, и можно сказать, что преобладает оценка одиночества как негативного переживания, то при построении семантического пространства факторы «одиночество» и «уединение» примерно равнозначны. Скорее всего, это связано с различными уровнями восприятия, а так же с тем, что при работе с неоконченными предложениями респонденты в основном дают ответы либо о себе, либо передают представления об одиоком человеке. При использовании методики семантического дифференциала респонденту не приходится с аффективного уровня вербализовать свои ощущения. Безусловно, при исследовании такой деликатной темы это является достоинством методики построения семантического пространства.

Принявшие участие в исследовании молодые люди, сменившие социальное окружение (полностью или частично), поступив в университет, не испытывают глубокого переживания одиночества (на основе результатов методики UCLA). Что касается общих представлений молодых людей о причинах возникновения одиночества (когнитивный уровень восприятия одиночества), многие связывают их с проблемами в коммуникативной сфере (отсутствие друзей и понимания со стороны окружающих, общения) и личностными особенностями (замкнутость, высокомерие). Интересен тот факт, что результаты исследования на когнитивном уровне не зависят от пола и место проживания студентов до поступления в университет, однако, зависят от возраста (не смотря на то, что разница в возрасте была не велика) и материального положения респондента.

На эмоциональном же уровне существуют различия по полу и по месту проживания до поступления в университет, хотя эти различия не носят существенного характера. На эмоциональном уровне семантическое пространство слова «одиночество» формируется четырьмя факторами: уединение, психологическое чувство одиночества, временная протяженность, интенсивность переживания.

Среди переживаний, наиболее характерных для одинокого человека, большинство респондентов выделяло такие эмоции как грусть, тоска, стресс, депрессия, дискомфорт, неуверенность и т.д. Однако при рассмотрении этих результатов, необходимо принимать во внимание, что в основном наши респонденты не испытывали чувство одиночества, поэтому данные характеристики давались либо на основе личных наблюдений (опыта), либо на основе сложившихся стереотипов.

В проведенном исследовании не ставилась цель опросить «одиноких» людей, а скорее наоборот, исходя из массовости этого явления, многовариантности его переживания, предпринята попытка выявить все многообразие этого феномена на различных уровнях восприятия и осознания, а также выбрать, разработать и апробировать методики, наиболее адекватно «измеряющие» одиночество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пузанова Ж.В. Метод неоконченных предложений в изучении проблемы одиночества // Вестник РУДН, серия Социология, 2004, №6-7. - С. 92-111.
2. Лабиринты одиночества. - М: Прогресс, 1989
3. Баранова Т.С. Психосемантические методы в социологии, Социология: 4М. - 1993-94. - №3-4.
4. Баранова Т.С. Эмоциональное «Я - Мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентичности). Социология: 4М. - 2002. - № 14. - С. 70-101
5. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. - СПб, 2005.
6. Нечаев А.В. Онтология одиночества: рассуждая о природе человеческого одиночества. - Самара, 2004.
7. Пузанова Ж.В. Философия одиночества и одиночество философа // Вестник РУДН, серия Социология. - 2006. - № 4-5. - С. 47-59.

ВЛИЯНИЕ МИКРОСРЕДЫ НА ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ДЕЛИНКВЕНТА

С. Л. Таланов

Личность, несовершеннолетний преступник, делинквентное поведение, социальная среда, преступное поведение, семья.

Исследование личности несовершеннолетнего преступника является одним из приоритетных направлений социологической науки. Ведь зачастую именно личность играет определяющую роль в криминогенной обстановке. В силу специфических возрастных характеристик личность несовершеннолетнего преступника имеет свои особенности.

На личность оказывают влияние и проявляются в конечном результате в причинах индивидуального делинквентного поведения факторы социальной среды как на макро- и на микроуровнях, тем более что разница между ними относительна: то, что для отдельного человека является кругом его постоянного и непосредственного общения (микросреда), для другого - есть обстоятельства макросреды.

Для нас имеет значение анализ личности во взаимодействии с социальной средой, так как преступное поведение возникает только при взаимодействии среды и личности.

Перейдем к анализу отдельных компонентов микросреды, участвующих в становлении личности.

Роль семьи. Проблема созависимости

Функциональное назначение семьи складывается из важных составляющих. Чем больше функций у каждой отдельной семьи, тем богаче внутрисемейные отношения. Дисфункциональные семьи, в частности - семьи, где один или оба родителя являются судимыми, разрушают не только отношения, но и личностные свойства. Судимость родителей формирует комплекс отрицательных макросоциальных влияний на ребенка. Схемы поведения, усвоенные в таких семьях, не могут способствовать укреплению целостности личности ребенка и адекватному восприятию себя и других людей. Для детей из подобных семей осложнены такие значимые для личности процессы, как принятие объективной сложности окружающего мира, полноценная адаптация к изменяющимся условиям, умение принимать на себя ответственность и делать выбор.

В семьях, где есть судимые лица, возникают особого типа внутрисемейные отношения, описываемые понятием «созависимость». Данное понятие используется для характеристики внутрисемейных отношений в целом и описания состояния отдельных членов семьи (созависимых).

Традиционно созависимость в семье понимается как зависимость супруга, детей или родителей от члена семьи, пристрастившегося к алкоголю, наркотикам или совершающего преступления.

Созависимые вынуждены зависеть от других, чтобы доказать свою значимость. Их главные цели: определить, что хотят другие люди и дать им то, что они хотят. В этом успех созависимых. Они не представляют жизни наедине с собой. Созависимые стараются манипулировать и контролировать ситуацию. Они стараются сделать себя незаменимыми. Они нуждаются в том, чтобы в них нуждались. Часто берут на себя роль мучеников, страдальцев. Страдают ради того, чтобы скрыть проблему для блага людей. Каждый член семьи играет конкретную роль, помогая злоупотреблению. Воспитывая детей, созависимые передают детям свой стиль, закладывают в детей незащищенность и предрасположенность к правонарушениям.

Напряженная домашняя обстановка косвенно подталкивает делинквента к совершению преступления.

Пассивная позиция, проявляющаяся в отсутствии какой-либо реакции на проблему со стороны семьи, родственников и друзей, свидетельствует об их неготовности или нежелании принять тот факт, что близкий человек попал в беду. Бездействие, пассивная позиция хоть и косвенно, но свидетельствуют о равнодушии. Нельзя забывать, что именно таким способом делинквент как бы получает одобрение или молчаливое согласие близких ему людей на продолжение противоправной деятельности.

Часто близкие, отец или мать, начинают обвинять себя в том, что это случилось с их ребенком. Даже если доля вины родителей в этом есть, то в любом случае не она явилась определяющей в развитии делинквентного поведения их ребенка. Нельзя позволять себе брать ответственность за случившееся, всегда нужно помнить о том, что никто не сможет полностью отвечать за поступки другого чело-

века. Если же близкий человек продолжает обвинять себя, то он, соответственно, снимает полностью ответственность с родственника-делинквента.

Существует много разных определений, но уже из сказанного становится понятно, что созависимый человек не свободен в своих чувствах, мыслях и поведении, он как бы лишен права выбора, права чувствовать, мыслить, действовать. Он постоянно думает «пришел - не пришел», «украл - не украл», «употребляет - не употребляет» и так далее

Результаты нашего исследования показывают, что наличие судимых близких родственников негативно влияет на формирование личности: у 27 % судимых юношей на момент совершения ими преступления были судимы либо мать, либо отец; у судимых девушек - 18,1 % соответственно.

Неформальные группы

Основными социальными факторами, способствующими возникновению неформальных молодежных групп, являются невозможность самореализации в кругу семьи, в школе, институте или формальных общественных организациях, отсутствие взаимопонимания или разногласие, расхождение во взглядах с родителями и учителями. Как видно из опроса несовершеннолетних, их стремление к уходу в неформальные группировки, объединения, связано с такими мотивами, как стремление обрести единомышленников; оказаться в среде себе подобных; получить возможность полноценного общения и взаимопонимания; уйти от одиночества; заполнить свое свободное время; уйти от постоянного надзора родителей, учителей; противопоставить силе общества коллективную силу объединения или группы.

Традиционно считается, что в преступные группы подростки попадают в результате ненормальной обстановки в семье и в значительной степени обусловленных ею неудач в школе. Наше исследование подтверждает этот факт. В общем числе изученных преступных групп 82 % составляли те, где значительная часть участников (40 %) неуспевающие ученики и даже второгодниками.

Фактор наличия или отсутствия друзей служит одновременно причиной и следствием формирования у несовершеннолетнего делинквента комплекса своей неполноценности и при определенном стечении обстоятельств может воздействовать на несовершеннолетнего делинквента неоднозначно.

В данной статье рассмотрены личностные особенности несовершеннолетних делинквентов. Выяснено, что среди наиболее значимых свойств личности несовершеннолетнего преступника в Ярославской области, каждый третий подросток на момент совершения преступления нигде не учился и не работал. Почти одна треть посещала обычную общеобразовательную школу. Образование подростков-делинквентов ограничивается только рамками школьной программы только у 29 %, значительная часть подростков (62 %) не смогли даже закончить школу; заметное увеличение числа преступлений, совершаемых подростками старшей возрастной группы (16-17 лет); среди преступных групп несовершеннолетних 82 % составляли те, где значительная часть участников (40 %) неуспевающие ученики и даже второгодниками; констатируется рост числа лиц из благополучных семей, судимых за кражи (по данным УВД Ярославской области - 54,3 % подростков, совершивших преступления в 2005 году, - выходцы из вполне благополучных семей; чуть более половины юношей и четверть девушек, совершивших кражи, воспитывались в семьях, где родители и родственники были ранее судимыми).

ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Э. М. Шарипова

Фанатизм, религия, религиозный фанатизм, религиозные общины, религиозные группировки.

Религиозный фанатизм - феномен, который интересует ученых различных областей науки. Это явление - предмет изучения философов, социологов, историков, психологов. Интерес к нему не случаен. Период конца XX - начала XXI веков охарактеризован яркими проявлениями этого социального явления.

Современный философский словарь дает следующее определение фанатизма. «Фанатизм (от латинского *fanatismus*) - исступленная, доведенная до крайней степени приверженность к каким-либо верованиям или воззрениям, нетерпимость к любым другим взглядам, например, религиозным» [1]. Учитывая роль религии в современном глобализирующемся мире, следует заметить, что проблема религиозного фанатизма актуальна для человечества, для всех конфессий мира. Иногда слышатся призывы вообще не употреблять термин «религиозный фанатизм» в силу того, что он неоднозначен и оскорбляет чувства верующих. Противники использования термина «религиозный фанатизм» чаще всего ссылаются на то, что за этим феноменом стоят экономические, этнические, политические или иные интересы. На этом основании делаем вывод о том, что в чистом виде нет такого явления, как «религиозный фанатизм». Вместо него предлагаются термины «религиозно-политический фанатизм», «фанатизм на религиозной почве», «этнический фанатизм» и так далее

Сводить религиозный фанатизм только к экономической, политической или какой-либо иной подоплеке представляется неверным, несмотря на то, что специфика религиозного фанатизма определяется социальной средой и политическими силами, использующими верующих в своих интересах. В силу этого осмысление проблемы должно быть очень корректным, ибо отсутствие конкретного определения и любая неверная формулировка могут привести к тому, что по случайному признаку целые этносы и религии будут объявлены фанатичными. Надо понимать, что нет, и не может быть фанатичных религий, как нет и фанатичных народов.

В большинстве случаев о нецелесообразности использования терминов «религиозный фанатизм», «религиозный экстремизм» и так далее говорят богословы и правозащитники, выступающие за те или иные религиозные движения и права религиозных объединений.

Случается, что в литературе говорится о положительной роли религиозного фанатизма. Например, В.В. Ким отмечает, что «проникновение фанатизма в религию зачастую играло позитивную роль в формировании ... древних государственных объединений. Положительное влияние фанатизма в истории может быть описано на примере содержания текстов Ветхого Завета и Корана, где говорится о становлении иудейского и арабского обществ. ... Если бы иудеи позволили себе положительное восприятие иных верований, не отделяли бы свою веру от языческих представлений, не дифференцировали бы свой народ от римлян и иных племен, то произошла бы мирная ассимиляция на уровне веры и на уровне этноса ... Фанатизм, который проявили иудеи, стал своеобразным защитным механизмом для них» [2]. О позитивной роли религиозного фанатизма упоминают все реже, отмечая чаще деструктивный характер этого явления.

Проблема религиозного фанатизма связана с проблемой религиозного равноправия. Доминирование православия как религии большинства россиян и его претензии на особую роль в российской государстве актуализировали проблему отношения большинства

верующих к неправославным религиям и к тем, кто занимает атеистическую позицию. Силу предрассудка обрела нетерпимость по отношению к так называемым «нетрадиционным религиям», «деструктивным религиозным культам», «иностранным религиозной экспансии», когда только лишь сам факт религиозной активности неправославных религиозных групп воспринимается как угроза российскому обществу и государству. В ряде случаев действительно, деятельность некоторых деструктивных культов является прямой угрозой обществу.

Особенностью новоявленных учений является крайне деструктивный, а подчас и агрессивный характер. Чаще всего словосочетание «религиозный фанатизм» ассоциируются с сектами. И.Н. Яблоков, говоря о типах религиозных объединений, выделяет наиболее признанные исследователями: церковь, секта, деноминация. По его определению термин секта произошел «от латинского *secta* - образ мыслей, образ действий, образ жизни, учение, школа, направление. Секта возникает как оппозиционное течение по отношению к тем или иным религиозным направлениям, она может быть выразителем социального протеста групп, недовольных своим положением. Для нее характерны претензии на исключительность своей роли, доктрины, миссии, настроения избранничества, а нередко и тенденция к изоляционизму, резко выраженное стремление к духовному возрождению» [3]. Действительно, вступление в секту - это почти всегда протест против существующей религиозной рутины. Это желание обособиться, предельно сблизившись с единомышленниками и обозначив свою избранность. Отличие секты от церкви в том, что секта почти не оставляет человеку вариантов собственного поведения, подчиняет себе всю жизнь сектанта. Там, где контроль интенсивнее, проявляется фанатизм. Естественно, что сторонники сектантских деструктивных культов, идентифицируя себя с их учениями, легко становятся фанатичными исполнителями любых экстремистских положений. Мотивация у сектантов, как правило, намного сильнее и устойчивей, чем у обычных верующих.

Говоря о религиозном фанатизме в современной России, нельзя не подчеркнуть особо острый характер социальных противоречий. Глобальный характер осуществляемых реформ, их во многом разрушительный характер, кризис идеологии, в котором оказалась наша страна - ситуация, в которой стоит вопрос о физическом выживании российской цивилизации и российских народов, - все это является весьма благоприятной питательной почвой для религиозного фанатизма. Любой переходный период реформ и «ломки» общественных устоев естественно сопровождается духовным кризисом, который очевиден для всех. Кризис выражается в духовной дезориентации в условиях, когда традиционные духовные ценности и идеология рушатся, на смену им предлагается целый «рынок» новых учений. Крушение советского строя, катастрофические реформы конца XX века создали, с одной стороны, ситуацию социального дискомфорта, с другой стороны мировоззренческой дезориентации личности. Американский психиатр Г.Сухдео писал, что «современное общество так богато альтернативами, а люди вынуждены так много из чего выбирать, что часто не способны эффективно принять собственные решения. Они хотят, чтобы другие решали за них, а они будут следовать за ними. Часто люди готовы существенно ограничить свою свободу, лишь бы принести какую-то определенность в свою жизнь» [4].

В эпоху социалистического строя для всех возрастных категорий существовали определенные политические организации: в начале своего жизненного пути советский человек становился октябренок, затем пионером, в пору юности для молодых людей существовала комсомольская организация, потом была возможность вступить в ряды коммунистической партии. Отклонение от этих норм не приветствовалось, и особого выбора у советских граждан не было. После разрушения этой «стройной» системы, традиционные религии не смогли занять место коммунистической идеологии, а вот негативная роль активной зарубежной экспансии миссионеров нетрадиционных религиозных движений, наоборот, стала очень существенной..

П.С. Гуревич в своем философско-публицистическом очерке «Спасет ли мессия?», говоря об истоках возникновения религиозного фанатизма в Америке в 60-х годах 20 века, отмечает, что «на протяжении 60-х годов многие американские социологи писали об упадке и кризисе религии в США. Они отмечали, что политическая и официальная жизнь в этой стране принимала все более светский характер.... Все, казалось, свидетельствовало о закате религии, об истощении ее догматов, о грядущем мире безверия» [5]. Однако ситуация оказалась несколько иной и спустя некоторое время американские религиоведы, фиксируя снижение религиозности, пришли к выводу, о том, что «верна не устраняется, а принимает лишь иные формы» [5]. Это явление можно назвать конфессиональным плюрализмом.

Подобная ситуация происходит и в современной России. Огромное количество религиозных общин, культов и учений появилось в нашей стране в постперестроечный период. Как правило, они стремятся обособиться и противопоставить себя традиционным религиям. От традиционных религий новые религиозные образования отличаются и нововведениями, существенно расходящимися с вероучительными доктринами и обрядовой практикой исторических религий.

Профессор И.Н. Яблоков, говоря о религиозных группировках, отмечает, что «для малых и особенно больших групп свойственна склонность к харизматизации, к наделению личностей лидеров сверхобычными возможностями и способностями. В процессе харизматизации происходит персонификация идеалов, лидер становится объектом веры, его образ связывается с надеждой на осуществление чаяний, желаемого лучшего будущего, ему присваивается функция избавителя, появляется преклонения перед ним» [3]. Социокультурными предпосылками возникновения новой религии по его утверждению служат: «Явления и процессы, в которых находит выражение «кризис культуры»: деформации в системе ценностей, сдвиг приоритетов в сторону сциентизма, техницизма или, напротив, - антисциентизма, наступления вещиизма и бездуховности, реификация и коммерциализация человеческих взаимоотношений, тупики искусства и падения нравов, порнографизация и сексизм и проч.» [3]. Религиозный фанатизм, являясь одной из форм религиозности, частично основывается и на вышеназванные причины.

Финский исследователь Сеппо Канерва, пытаясь проанализировать истоки фанатизма как специфического деструктивного способа социального поведения, выделяет три группы истоков: психологические, социальные и философские. Психологические основы фанатизма, по мнению Стр. Канервы, коренятся в «социальных инстинктах» человека, а именно: в заключенном в природе каждого человека стремлении к социальному признанию, почету и уважению («тщеславии») и в стремлении к власти. «Это и есть менталитет фанатика; фанатик всегда стремится к господству своих взглядов над взглядами других и подчинению себе других людей, стремится силой заставить других поклоняться себе. Поскольку эти «природные» инстинкты индивида не получают должного или социально приемлемого удовлетворения, они побуждают индивида к формированию на почве какой-либо идеологии фанатического сознания» [6].

Социальные истоки фанатизма Стр. Канерва видит в объединении и создании организаций различного типа индивидуальных фанатиков. «Страдающие от непризнания индивидуумы могут затем объединяться в организации, политические партии, террористические группы или что-нибудь аналогичное и впоследствии попытаться изменить социальное окружение по своему образцу, независимо от мнения самой социальной среды» [6].

Философские истоки фанатизма, по мнению Стр. Канерва в том, что фанатик признает только две модальности или оценки всякой мысли: истина - ложь, праведность - грех, в логике черно-белого, полярного мышления. «Фанатичное отношение основано на фило-

софском понимании bipolarности, которое признаёт лишь две альтернативы, верную и ложную, истину и ошибку, праведность и грех... Философия фанатика: «либо - либо», тогда как более плодотворной является философия «и то и другое» [6]. Психолог Е. Волков, активно работающий на сайте «Антисект» в Интернете, придерживающийся этой же точки зрения, отмечает, что фанатики делают мир по принципу - «Мы и Они».

Итак, доминирующим мотивом поведения фанатика являются социальная агрессивность, активное стремление к разрушению существующего общества, к нанесению ему наибольшего ущерба. Этот мотив подсознательно или сознательно маскируется фанатиком конструктивным мотивом созидания «правильного общества». Прежде чем строить правильное общество, нужно разрушить существующее, поэтому конструктивная мотивация не играет никакой роли в реальном поведении фанатика.

Возвращаясь к психологическим причинам возникновения фанатизма нельзя не обратиться к В.А. Варламову. Являясь сторонником идей Бехтерева, он цитирует своего учителя, говоря о том, что «простейшая и самая могучая идея, порожденная инстинктом самосохранения, - страх, яркий пример психической эпидемии кратковременного свойства» [7].

К эпидемиям с активными явлениями исследователи относят «одушевление народных масс и фанатизм» в определенных исторических условиях [7]. Внушение должно пасть на подготовленную почву. «В течение ближайших истекших лет Россия... пережила период освободительного движения от угнетающего ее тяжелого внутреннего режима, - писал Бехтерев в 1908 году. - Вряд ли нужно доказывать, что и в этом массовом революционном возбуждении, наряду со строго обдуманной деятельностью одних лиц, в действиях других играли значительную роль внушение и взаимовнушение, находившие для себя благодатную почву в общем подъеме народных чувств» [7].

П.С. Гуревич, вскрывая истоки, анализируя организационные формы «Иисусова движения» в США 70-80 годов XX века, выделяет три основных манипулятивных способа, с помощью которых осуществлялось внушение: «прежде всего это запугивание бедностью, войной, расовыми конфликтами. Второй путь гипноза - это постоянное подавление личности в группе с помощью диктата общего мнения. Третий - это влияние культа, всей принятой здесь обрядности» [5].

Обращаясь к работам современных психиатров, изучающих влияние некоторых деструктивных религиозных сект на психическое здоровье и поведение человека, нужно еще раз отметить негативный их характер. В.И. Жуковский, В.В. Мороз отмечают, что после регулярных посещений служб некоторых деструктивных организаций у пациентов «наступала полная (или неполная) убежденность в правоте учения религиозного культа; появлялось враждебное отношение к родителям (отчуждение от родителей); отказ от учебы, работы, чтения журналов, художественной литературы, от просмотра кино и телепередач, пользования радиоприемником; наблюдалось ограничение сна до 3-5 часов в сутки и исключение из питания продуктов, содержащих животные белки; нарастали ... замкнутость, терялись друзья ... появились амимия, эмоциональная холодность, бесстрастный тон голоса, безразличное отношение к внешности» [8]. По мнению исследователей, о влиянии на психофизическое состояние людей религиозных ритуалов говорится о том, что история развития религии и психиатрии «обнаруживает множество точек соприкосновения, общих мест и сходных событий» [9]. Авторы статьи, основываясь на примерах практической психиатрии, делают вывод о том, что «... у слепо верующего в бога религиозность оттеняет на второй план все помыслы, приобретает характер фанатизма, подчиняет себе все поведение человека в ущерб иным интересам и привязанностям. Это можно расценивать как «сверхценную идею.... Образование сверхценных идей» свойственно лицам с патологическим характером ..., и в частности фанатикам, которые совершенно не испытывают потребности в логическом обосновании этих идей, заменяя их верой в то, что им хочется» [9]. Лица, имеющие «сверхценные идеи», не испытывают от этого тягостных ощущений, у них нет желания освободиться от этих идей.

Рассматривая социально-психологические и клинические особенности лиц, вовлеченных в нетрадиционные религиозные культы, ученые определяют наиболее уязвимые и подверженные влиянию деструктивных культов категории людей. Результатом исследований явились следующие выводы: «... отсутствие семьи на момент вовлечения в культ у 82 % пациентов; ... превалирование лиц в возрасте от 20 до 40 лет (69 %). На момент присоединения к религиозной группе у обследуемых обнаруживалось состояние социальной нестабильности, переезд в другой город, разрушение семьи, потеря работы» [10]. Складывается мнение о том, что «к причинам, способствующим вовлечению в нетрадиционные религиозные образования, можно отнести социальную нестабильность, наличие стрессовых ситуаций, отсутствие религиозного опыта» [10].

Религиозный фанатизм - это сложный социокультурный феномен, изучением которого должны заниматься специалисты самых различных областей. Опасность этого явления в том, что в силу определенных обстоятельств или путем манипулирования сознанием индивида, в силу сложившихся неблагоприятных социальных, политических, психологических условий, религиозный фанатизм может представлять серьезную опасность для общества, поэтому требует тщательного и очень деликатного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. - М.: 2003. - С. 348.
2. Ким В.В. Некоторые аспекты формирования фанатизма: на примере религий. Сборник научных трудов. Выпуск №10// - Волгоград, 2006. - С. 29-30.
3. Яблоков И.Н. Религоведение. - М.: 2004. - С. 252, 256-257.
4. Г.Сухдео. <http://radasteya-info.narod.ru/secret.htm>.
5. Гуревич П.С. Спасет ли мессия - М.: Издательство политической литературы, 1981. - С.18, 19, 200.
6. КаневраСтр. Фанатизм. Личный взгляд на проблему. <http://urantia.spb.ru/fanat.htm>.
7. Варламов В.А. «Имеющие общие интересы земного шара». Журнал «Знание-сила» - № 2 - 1989. - С. 84-89.
8. Жуковский В.И., Мороз В.В. Влияние некоторых деструктивных религиозных сект на психическое здоровье и поведение человека. Сборник научных трудов./Под ред. П.Т. Петрюка, Р.Б. Брагина. - Харьков, 2006. - С.34-36.
9. Панченко О.А., Кутько И.И., Березовский В.Н. Психические расстройства при религиозных ритуалах. Сборник научных трудов./Под ред. П.Т. Петрюка, Р.Б. Брагина. - Харьков, 2006. - С.76-79.
10. Бондарев Н.В. Социально-психологические и клинические особенности лиц, вовлеченных в нетрадиционные религиозные культы. Сборник научных трудов./Под ред. П.Т. Петрюка, Р.Б. Брагина. - Харьков, 2006. - С.22-24.

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЛЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Е. Л. Щербакова

Самовоспитание, сила воли, слабование, потребности, мотивы, желание.

В современной России часто встречается отчужденность в поведении молодых людей по отношению к сверстникам, к старшим. Все более жестко проявляется непонимание между взрослыми и детьми. Растет агрессивность, жестокость, цинизм, духовная опустошенность. Все это приобретает зачастую от незнания себя как личности, от неумения правильно ставить перед собой цели и решать жизненно важные задачи.

Познание самого себя необходимо. Кто-то из психологов сказал, что уникальность и неповторимость каждого из нас есть не что иное, как неповторимое сочетание наших черт. Но размышление над этим приводит к представлению о том, что единое и целостное, скрывающееся за внешними чертами, есть «человек привычки» [1].

Самовоспитание состоит в том, чтобы облагородить «человека привычки», усилить те из них, которые соответствуют жизненным задачам, и ослабить или вовсе устранить дурные привычки.

В жизни мы не даем полного ходу нашим привычкам, если они идут вразрез с требованиями жизни и обстоятельств. Ученику хочется в данный момент смотреть телевизор, но он садится делать свои уроки. То, что побуждает его делать это, представляет собой нечто противоположное его «человеку привычки», так как его воля преодолевает его привычки, ради достижения целей, которые не вытекают непосредственно из его желаний. Иногда ему приходится действовать вопреки его желаниям и интересам ради высших целей, стоящих над ним. Эта способность заставить себя делать то, что нужно, и является проявлением «человека воли» в нем.

С помощью силы воли можно заставить себя сделать что угодно.

«Человек воли», который сидит в нас, может представлять собой глупую силу, которая может только насиловать, или же умную силу, которая может управлять «человеком привычки».

Главными ее частями являются знание и умение мыслить и представлять так, как необходимо для того, чтобы была реализована определенная цель. При таком подходе «человек привычки» и «человек воли» начинают действовать не как враги, а как союзники. Наша воля должна вызывать в воображении определенные образы, которые связаны с конкретным действием, входящим в ту или иную черту. Эти образы включают определенные привычки, и они срабатывают.

Таким образом, сила воли представляет культуру и умение мышления, способность управлять своим умственным миром. Например, если у вас возникнет образ вкусного пирожка, то вы пойдете на кухню и забудете, что надо работать. Но если, представляя этот пирожок, вы все-таки не пойдете на кухню, а будете заставлять себя работать, то вам придется насиловать себя до тех пор, пока этот образ не вытеснится из головы образами, связанными с вдохновенной работой. Получается, что умение контролировать свой ум и есть ваша сила воли. Насилие и принуждение играют в этом процессе незначительную роль, лишь на начальном этапе волевого действия. Поэтому выработка силы воли состоит в приобретении способности управлять своим умом, контролировать движение образов.

Однажды спросили ученика:

- «О чем вы думаете, когда приступаете к чтению учебника?»

- «О многом. Преимущественно о постороннем. Если воспроизводятся в уме учебные ситуации, то большей частью неприятные. Я представляю, как будут проверять мою работу. Мне не хочется думать о том предмете, который изучаю. Он мне не нравится. Притом у меня конфликт с преподавателем. Стоит мне вспомнить о нем, как в уме развертываются цепочки разных, большей частью неприятных мыслей, проигрываются целые диалоги: «что бы я ему сказал» или «что бы я сделал» и многое другое».

- «Вот именно вам приходится принуждать себя, а не руководить собою. Если бы вы смогли в вашем скудном опыте учения найти привлекательные образы, то вам, может быть, и удалось бы сделать это занятие не принудительным, а творческим и приятным» [2].

Однако наша воля работает не вслепую. Ее направленность зависит от системы ценностей и должного, то есть нравственности.

Воля сама по себе не представляет ценности. Она приобретает нравственное содержание в результате определения того направления, в котором осуществляются волевые усилия. Воля становится нравственной или безнравственной благодаря целям, которые ее возбуждают. Ведь человек, работающий во зло, тоже прилагает определенные усилия [3].

Наше слабование часто обнаруживается именно в те моменты, когда мы не можем заставить себя сделать то, что требуется с позиций нравственной личности. Значит, в каждом из нас находится не только «человек привычки» и «человек воли», но еще и «человек нравственный».

Самопознание и самооценка включают изучение не только своей воли, то есть возможностей того, в какой степени я могу координировать свое поведение и управлять «человеком привычки», но и то, ради чего я это делаю. Изучение собственного нравственного облика, своего нравственного чувства предусматривает постижение мотивов наших поступков.

Для нас не безразличны те механизмы, с помощью которых мы можем управлять своим нравственным поведением ради достижения более высоких целей. Рассмотрим угрызения совести подростка, который, верный долгу товарищества, склонен покрывать безнравственные и опасные проступки товарища, способные привести этого же товарища к печальному финалу. Чтобы в этой ситуации принять правильное решение и провести его в жизнь, от подростка требуются сильная воля и развитое нравственное чувство, которое могло бы противостоять ложному товариществу.

Жизнь предъявляет к каждому из нас высокие и подчас неожиданные требования, которые большей частью апеллируют к нашему «человеку нравственности». Способность к нравственному суждению и следованию ему в жизни характеризует нравственную волю человека. Однако в жизни встречается немало людей, у которых нравственное чувство может быть высоким, но недостаток воли и самодисциплины не дает им возможности реализовать это в жизни. Тогда возникает внутренний конфликт, проявляющийся в угрызениях совести, которая сурово карает нас за то, что мы не можем следовать велениям морали. Учащийся, который считает учение высшим долгом человека, но не может следовать этому долгу по причине своего слабования, страдает не меньше того, кто наказан за свое безделье.

Поэтому в самопознании важно отчетливо поставить два вопроса: 1) считаете ли вы определенные требования нравственными и 2) достаточно ли в вас развиты «человек воли» и «человек привычки», чтобы следовать этим требованиям. Обнаружение расхождения между нравственными требованиями и возможностью реализации этих требований характеризует нас иногда больше, чем знание множества других наших черт [4].

Анализируя и синтезируя, сравнивая и обобщая, мы создаем понятия. Они содержат опыт восприятия многих предметов. Этот процесс логической обработки наших восприятий осуществляется и применительно к нашим потребностям, действиям по их удовлетворению.

Человек - существо мыслящее, а не только переживающее свои потребности. Кроме того, что он хочет, он еще и осознает свое хотение, обозначает его словом, более того, вырабатывает идею, которая лежит в основе значения слова.

Этот процесс выработки идеи потребности ускоряется, если имеются слова для обозначения потребности и ими пользуются в обиходе. Например, слово «аффилиация» (потребность в общении) непонятно людям, так как им пользуются преимущественно психологи. Но человек может понять, что скрывается за этим словом, если ему сказать, что аффилиация состоит в стремлении быть членом группы, вступать в общение ради самого общения, поддерживать хорошие отношения с целью увеличить наслаждение общением, в испытании чувства одиночества при недостаточном удовлетворении этой потребности [5].

Идея потребности, выраженная в термине, позволит вам понять самого себя и другого человека намного лучше, чем, если бы вы не владели этим термином.

Наличие идеи потребности в корне отличает потребностное поведение человека от такового у животных; если животное приходит в состояние потребностного возбуждения под влиянием реальной нужды, то человек может прийти в это же состояние и под влиянием идеи. Идея потребности может усилить установку человека видеть в любой ситуации больше образов, соответствующих данной потребности, чем тогда, когда эта идея не представлена так ясно. Знание этого обстоятельства имеет большое значение в самосовершенствовании, в развитии способности контролировать свои потребности. Поскольку идея существует в сознании, то работа мысли может оказать огромное влияние на контроль потребности. К любой идее мы можем определенным образом относиться и в соответствии с этим способствовать ее развитию или задерживать, направлять в определенное русло. Поскольку идея всегда отчетливо и определенно выражается в слове, то овладение словами, которые представляют в сознании наши потребности, в конечном счете, способствуют овладению идеями.

Наши потребности выражаются в различных образах. Эти образы, побуждающие нас к определенному поведению и отражающие объекты удовлетворения потребности, получили в психологии название мотивов. Например, для пищевой потребности - это пищевые ситуации, для потребности в достижениях - образ успеха и обстоятельств, которые привели к нему, для потребности в престиже - результаты нашего поступка, вызвавшего похвалу или признание со стороны значимых для вас людей.

Мы не должны забывать, что сила мотивов возникает за счет потребностей. Как бы мы ни изощались в управлении нашими мотивами, но если при этом наши потребности остаются вне контроля, то никакой саморегуляции и самовоспитания не будет. Наши потребности сильнее наших мотивов.

Идея потребности сама по себе не в состоянии оказать влияние на наше поведение. Для этого она должна быть испытана мною, то есть потребность должна превратиться в желание. Поэтому мы должны ответить на вопрос, как и что возбуждает наши желания. Если в данный момент я не хочу есть, то это не значит, что я не захочу этого через два часа или немедленно, если увижу, как обедает кто-то другой, или представлю в уме, как он обедает. Чтобы появилась потребность, то есть, чтобы идея потребности стала «работать» через меня, требуются следующие основные условия:

- а) появление объективной нужды, осознаваемой как определенная потребность, желание;
- б) образование ситуации, которая вызывает появление в моем сознании образов, соответствующих данной потребности.

То, что вызывает потребность и способствует этим двум указанным условиям, образует потребностную ситуацию.

Процесс возбуждения потребности и превращение ее в конкретное желание проходит следующие стадии: потребностная ситуация, актуализация образов, предвосхищение удовлетворения в связи с потребностными образами, появление мотивов и определенного поведения, направленного на определенные цели. Если потребность не отразилась в конкретных мотивах, то она плохо осознается и переживается как неопределенное влечение. Когда же она осознана в определенных мотивах, то проявляется как некое желание. Поэтому управление потребностями всегда является управлением желаниями [6].

Желание всегда конкретно, определенно. Я хочу чего-то в данный момент, и это желание должно реализоваться в конкретных действиях. Поэтому можно говорить, что потребность на уровне желания выступает всегда как потребность в определенном действии. Тогда управление желаниями возможно лишь при управлении конкретными действиями.

Проблема управления потребностями всегда состоит в том, чтобы заранее прекратить процесс развертывания потребностного цикла на той его стадии, пока это сделать легко.

Тот, кто желает управлять потребностями, должен стремиться своевременно переключить энергию потребности на что-то другое. Чтобы уметь это делать, надо знать, как происходит порождение желания, уметь наблюдать этот процесс в себе [7].

Потребность, возбуждаясь, порождает общее состояние, которое характеризуется некоторой напряженностью, ощущением недостатка чего-то. Это потребностное состояние завершается принятием решения действовать определенным образом, выбором конкретной цели и способов ее достижения. С момента принятия решения и программы действия потребностное состояние переходит в активное поведение. Здесь уже действуют другие законы: потребность на время утихает и наступает фаза инструментальной активности.

С достижением цели происходит удовлетворение потребности. Это новая важная стадия развертывания потребностного цикла, сущность которой состоит в технике удовлетворения потребности.

Деятельность, которая наступает после достижения цели (мы принесли продукты и приготовили пищу), представляет собой технику удовлетворения потребности, то есть совокупность скоординированных действий, исполнение которых производит насыщение потребности, устраняет ее напряжение и вызывает ее успокоение. Потребность утолена, активность на время снижается, или на смену одной потребности приходят другие.

Таким образом, подытожим основные стадии потребностного цикла. Обстоятельства или нужда способствуют возбуждению по-

требности, появляются образы, формируются мотивы, происходит выбор цели, осуществляется деятельность по ее достижению, после этого потребность удовлетворяется.

Все потребности носят циклический характер («напряжение и удовлетворение»), но в некоторых потребностях этот цикл выражен отчетливо и определяется временными условиями (сон - бодрствование, потребность в пище, потребность в активности), а у других циклическость сглажена. Например, потребность в общении не обнаруживает циклическости столь отчетливо, хотя в ней есть периоды напряжения, проявляющиеся в остром чувстве одиночества, периоды отсутствия потребности в общении, тяги к уединению. Те и другие периоды в какой-то степени скоординированы во времени.

Завершением любого потребностного цикла является техника удовлетворения потребности. Она может быть в основе своей врожденной, но с социальной ее стороны техника удовлетворения является продуктом воспитания. Мы обучаемся есть, пить, общаться, выражать восхищение или печаль, стремиться к успеху, наслаждаться престижем или вниманием других. Смысл жизни и сопутствующее ему чувство в большей степени определяются нашей способностью быть удовлетворенным, чем какими-то другими факторами.

Познание самого себя есть в значительной степени познание собственных потребностей, их циклов, что способствует становлению волевой деятельности и потребностно-мотивационной сферы в процессе формирования умений принятия решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Дубровина И.В. Образование. Педагогические науки. Формирование личности старшеклассника. - М.: Просвещение, 1989.
- 2.Кон И.С. Психология старшеклассника. Хрестоматия по возрастной психологии. - М.: Международная педагогическая академия, 1994.
- 3.Маркин В.Н. Жизненная позиция личности. - М.: Мысль, 1989.
- 4.Натанзон Э.Ш. Психологический анализ поступков и способы педагогического воздействия на личность. - М.: Просвещение, 1968.
- 5.Орлов А.И. Теория принятия решений. - М.: Экзамен, 2006.
- 6.Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. - М.: Просвещение, 1991.
- 7.Орлов Ю.М. Самосознание и самовоспитание характера. - М.: Просвещение, 1987.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ПРИМЕНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Н. Н. Сергеева, Н. Ю. Абышева

Педагогическая технология, современное обучение, региональность, региональный компонент, влияние, методы деятельности.

Изменения, происходящие во всех сферах жизни страны, в том числе и в сфере образования, поставили перед школой новые стратегические задачи, определенные в Законе Российской Федерации «Об образовании» [1].

Новые цели и новые задачи школы формируют и новое содержание образования, которое в условиях диверсификации школьного образования ориентировано на три основных компонента: федеральный, региональный, школьный.

Содержание школьного образования сегодня направлено на саморазвитие личности, формирование таких качеств, как активность, самостоятельность, развитие ее творческого потенциала. Условием, обеспечивающим возможность решения всех вышеперечисленных задач, является повышение эффективности учебного процесса через активизацию познавательной деятельности.

Одним из возможных направлений повышения эффективности учебного процесса и развития в нем личности, может быть использование регионального компонента в процессе обучения.

Использование на уроках иностранного языка регионального компонента предполагает отбор содержания, методов, средств и форм обучения с учетом социально - экономической, культурной, этнической специфики региона.

В Большой советской энциклопедии дано следующее определение: «район - это территория, выделяющаяся по каким-либо признакам, особенностям; иногда употребляется как синоним региона» [2, Стр. 437], там же на с. 560 находим и следующее определение: «Регион (от лат. Regio - страна, область) - крупная индивидуальная территориальная единица (например, природная, экономическая, политическая и др.)». Здесь же находим понятие «региональный» (от лат. Regionalis - областной) относящийся к какой-либо определенной территории (району, стране, группе стран).

В «Толковом словаре русского языка» Стр. И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой - «региональный»: 1. регион, 2. местный, относящийся к какой-либо определенной области, региону [3, Стр. 661].

В современном «Словаре иностранных слов» под редакцией Е.Н.Захаренко рассматривается понятие регионализации как «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в регион» [4, Стр. 516].

В словаре - справочнике «Новые слова и значения» читаем:

«регионализация - осуществление регионализма», «регионализм» - политика взаимоотношений центра и провинции» [5, Стр. 627].

А.А.Макареня отмечает, что региональный компонент отражает ту стадию эволюционного процесса, когда различные направления, факторы или условия развития не только действуют в течение длительного времени как определяющие его сущность в регионе, но и, очерчивая границы последнего, оказывают непосредственное влияние на всю систему в целом. Это может быть представлено схематически (рис.1).

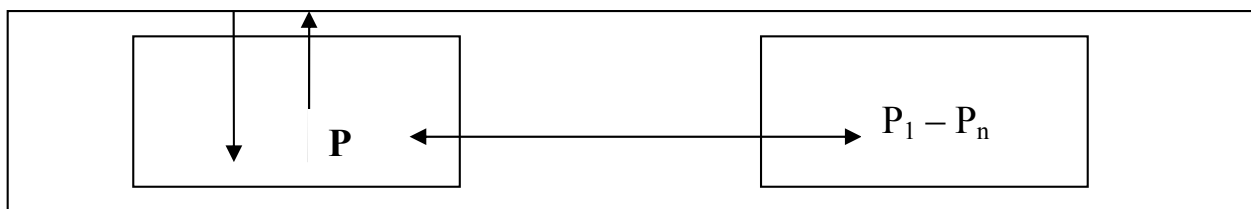

Рис.1. Взаимосвязь региона со всей системой и сходными данными, где P - регион

В последнее время можно встретить использование термина «региональность» почти во всех сферах жизни общества: в экономической - Ю.Н.Юдинцев, Н.П.Медведев [6], В.Ф.Савченко [7], в политической - В.Н. Алимпиев [8], Н.И. Изергина [9], Ю.А.Ургалкин [10], в профессиональной педагогике - А.А.Кыверялг, И.Б.Котов, Стр.А.Смирнов [11;12], в образовании - В.А. Журавлев [13], Ю.М.Конев, А.А.Макареня, А.С.Максимов, Н.Н.Суртаева [10;12;13] и другие.

Остановимся на использовании этого термина в системе образования, так как в последнее время он стал рассматриваться как один из ведущих.

Причина его активизации, по мнению А.А.Макареня, заключается в том, что освоение ряда регионов нашей страны заставило выдвинуть новые цели в преподавании учебных предметов, учесть те условия, которые не характерны для всей системы школьного образования [15].

Идея использования различных сторон регионального компонента в системе образования выдвигалась давно. Я.А.Коменский (1592 - 1670) еще в середине XVI в. сформулировал принцип природо - культурно - сообразности. Классно - урочная система дополнилась многообразными формами внеклассной и внеурочной деятельности обучающихся: экскурсии, практические занятия, работа на пришкольных участках, занятия во внешкольных учреждениях. Эти виды деятельности отражали особенности развития региона, социально - культурную среду обитания.

В педагогической литературе термин «региональный компонент» стал употребляться сравнительно недавно в работах В.Н.Алимпиева [8], Б.М.Андреевского [17], В.А.Журавлева [13], А.С.Максимова, А.А.Макареня [15;16].

А.С.Максимов понимает под «региональным компонентом» социально - экономические перспективы развития конкретного региона и внесение на этой основе определенных изменений в содержание учебных программ [13].

По мнению И.А.Качановой, региональность становится тем связующим звеном, которое объединяет опыт, знание особенностей своего региона, умение управлять развитием экономики, природной средой [17].

В разработке данного вопроса интересна позиция Г.Ф.Актяшева, который считает, что регионализация образования состоит в том, чтобы ребенок, здесь родившийся, выросший, здесь же и мог бы устроиться, чтобы он еще в школе понимал, где себя может приложить и как [13].

Принцип использования регионального материала в обучении иностранному языку - это стратегия, направленная на поиски путей включения в содержание образования регионального материала, которым руководствуется учитель при организации учебно - воспитательного процесса.

С развитием цивилизации, ростом информации, появлением новых проблем в материальной и духовной жизни общества усложняются требования и к системе образования. Внедрение новых базовых учебных планов в средней общеобразовательной школе, новых учебных планов многоуровневой подготовки специалистов, внимание к деятельностному подходу в учении и гуманизации обучения дают большие возможности для реализации принципов непрерывности, демократизации и индивидуализации в образовании.

Региональный компонент на уроках иностранного языка, наряду с другими, позволяет по - иному систематизировать материал и направлять его на конкретизацию учебно-воспитательных задач.

Регионализация содержания образования имеет ряд аргументов, говорящих в ее пользу, прежде всего, глубокое знание истории своего региона, его прошлого, настоящего, будущего на основе интеграции учебных дисциплин. Это, прежде всего, активизация познавательной деятельности, расширения кругозора учащихся.

Еще одним фактором, который можно отметить, является принципиальная возможность повышения индивидуализации обучения.

Немаловажной представляется возможность отхода от стиля работы на среднего ученика, так как, работая с региональным компонентом, каждому ученику предоставляется возможность выбирать уровень сложности предъявляемой информации.

В качестве еще одного фактора, подтверждающего влияние регионального компонента на содержание познавательной деятельности и приемы ее активизации, следует назвать и условие мотивации учения.

Рассмотрение содержания регионального компонента позволило выделить ряд направлений, связанных с темой нашего исследования. Среди них:

- влияние регионального материала на развитие учеников;
- влияние регионального компонента на активизацию их познавательной деятельности;
- выявление роли регионального компонента в учебно - воспитательном процессе;
- необходимость практического обоснования.

По нашему мнению, решение этой проблемы связано с необходимостью теоретического обоснования роли и места регионального компонента в решении целей и задач новой парадигмы образования и создания конкретной методической системы использования в рамках учебного предмета и соответствующей образовательной области преподаваемого предмета.

Стратегическая роль регионального компонента в обучении иностранному языку и состоит в том, что последовательное включение в реальный процесс на соответствующем этапе изучения предмета позволяет учащемуся постоянно ощущать себя в поле конкретного географического, социально - экономического и культурно - образовательного пространства.

На основании вышеизложенного мы выделили ряд тенденций реализации регионального компонента в процессе обучения в школе, что позволило нам четко и ясно представить место исследования в процессе обучения иностранному языку и обозначить направления исследования (табл.).

Таблица

Компоненты педагогического процесса	Тенденции в развитии
Цели	Выработка качественно новой модели подготовки членов будущего общества, для которых способность к человеческим коммуникациям, активное овладение научной картиной мира, гибкое изменение своих функций в труде, творческое мышление станут очевидной жизненной необходимостью
Содержание	Сквозное включение регионального компонента в базовый курс обучения иностранному языку средней школы
Методы	Наглядное обучение Эксперимент Словесный
Формы	Увеличение самостоятельной, индивидуальной, групповой работы обучающихся, отход от традиционной формы урока с преобладанием объяснительно - иллюстративного метода обучения, решения задач регионального поискового и исследовательского характера
Задачи педагога	Изменение в сторону поддержки и направления развития личности обучающихся, творческой поиск, организация совместной работы

При рассмотрении содержательного и деятельностного аспектов регионального компонента, определены его дидактические возможности схеме 1.

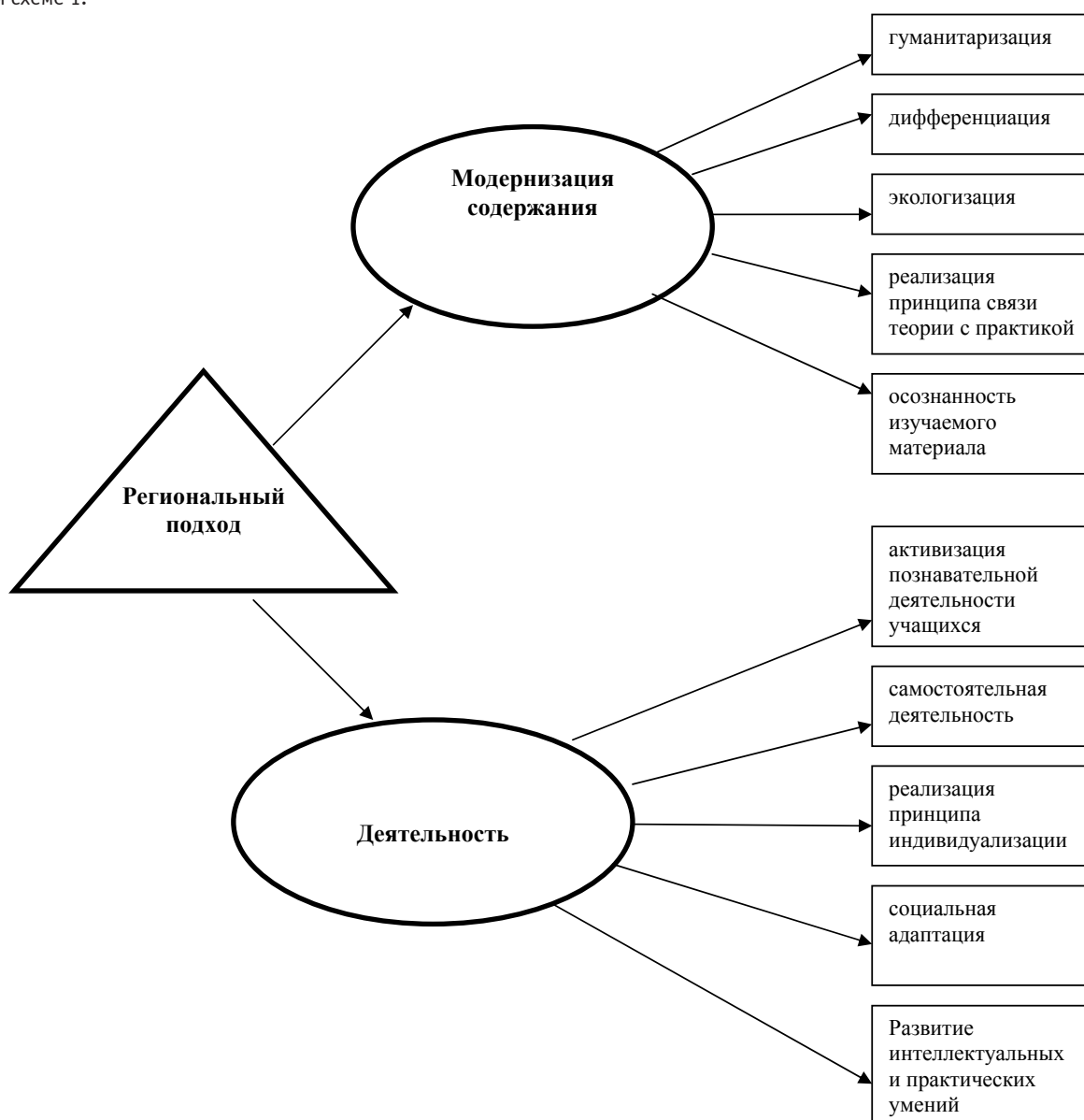

Схема 1. Дидактические возможности регионального подхода

Региональный компонент при обучении иностранному языку в учебно - воспитательном процессе выступает, с одной стороны,

как результат, с другой - средство достижения цели, в том числе, и как средство активизации познавательной деятельности школьников (схема 2).

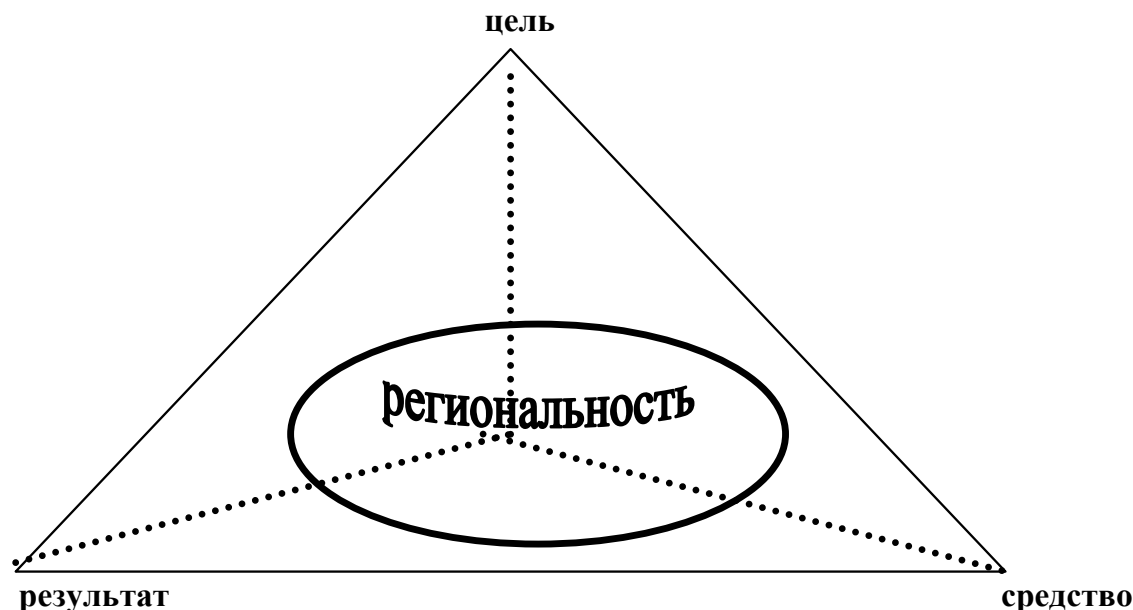

Схема 2. Учебно - воспитательный процесс

Рассмотрев содержание понятие региональности, выявив роль реализации регионального компонента, можно констатировать его многофункциональность в учебно - воспитательном процессе.

Необходимо развивать практику применения регионального компонента на уроках иностранного языка. В ходе исследования установили, что применение регионального компонента при обучении иностранному языку дает возможность наиболее активно использовать ранее полученную базу знаний для достижения положительного результата в освоении нового материала, происходит повышение творческого потенциала учащихся, индивидуальной и коллективной ответственности, так как использование в работе регионального материала предусматривает самостоятельный поиск необходимой информации.

Анкетный опрос учителей и учащихся, проводившийся нами в ходе всего периода эксперимента, подтвердил педагогическую значимость введения регионального компонента в курс изучения иностранного языка общеобразовательной школы и вместе с тем позволил выявить методические проблемы в этой области: отбор содержания регионального материала для уроков иностранного языка; структурирование и определение путей включения в учебный процесс обучения иностранному языку, выбор наиболее оптимальных видов деятельности, позволяющих активизировать процесс познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Российской Федерации «Об образовании». - М.: Педагогика, 2003. - 36 с.
2. Большая советская энциклопедия / под ред. А.П. Прохорова. - М.: изд. Советская энциклопедия, 2000. - Т. 21. - 640 с.
3. Толковый словарь русского языка - М.: АЗЪ, 2005. - 925 с.
4. Современный словарь иностранных слов // под ред. Е.Н. Захаренко - М.: Русский язык, 2004. - 746 с.
5. Новые слова и значения: словарь - справочник по материалам прессы и литературы 90 - х годов / под ред. Н.З. Котеловой - М.: Русский язык, 2005. - 902 с.
6. Медведев Н.П. Региональное сотрудничество в СНГ: проблемы и пути их решения / Н.П. Медведев // Регионология. - 1995. - № 2. - С. 151 - 156.
7. Савченко В.Ф. Развитие межрегиональных экономических связей / В.Ф. Савченко // Регионология. - 1995. - № 2 - С. 166 - 171.
8. Алимпиев В.Н. Проблемы формирования и реализации государственной научно- технической политики на региональном уровне / В.Н. Алимпиев // Регионология. - 1995. - № 2. - С. 107 - 114. Зимняя И.А. Ключевые компетенции как результативно - целевая основа компетентного подхода в образовании. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. - 2004. - 40 с.
9. Изергина Н.И. И.А. Ильин О проблеме федерации / Н.И. Изергина // Регионология. - 1995. - № 2. - С. 28 - 40.
10. Ургалкин Ю.А. Российский федерализм в этносоциальном и региональном подходах / Ю.А. Ургалкин // Регионология. - 1995. - № 2 - С. 16 - 25.
12. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии / под ред. Стр.А. Смирнова, И.Б. Котова - М.: Академия, 2001. - 512 с.
13. Журавлев В.А. Университет и региональная интеграция / В.А. Журавлев // Регионология. - 1995. - № 2. - С. 79 - 90.
14. Конев Ю.М., Макареня А.А. Как мы понимаем принцип региональности // Вестник высшей школы. - № 7. - С. 10-13.
15. Макареня А.А. Принцип региональности в экономике и образовании / А.А. Макареня // Трудовое воспитание и профессиональная ориентация учащихся школ Крайнего Севера: учеб. пособие. - Новосибирск, 2001. - С. 6 - 14.
16. Макареня А.А., Максимов, А.С. Формирование стиля научно - технической деятельности и мышления как психологической основы выбора профессии технического профиля / А.А. Макареня, А.С. Максимов // Проблемы перестройки профессиональной ориентации учащихся: тезисы докладов научно - практической конференции. - Абакан, 1998. - С. 22 - 28.

Ханты-Мансийский автономный округ - Югра обладает уникальными ресурсами и потенциалом развития. По многим параметрам данный регион значительно превосходит среднероссийские показатели, что во многом обусловлено наличием нефти и газа, которые в свою очередь являются основным экспортным продуктом страны.

Финансовые потоки от эксплуатации недр ещё позволяют поддерживать относительно высокий уровень развития региона в целом. С одной стороны, необходимо признать, что данное положение не может продолжаться бесконечно: стоимость освоения новых месторождений постоянно растет, технологии постоянно усложняются, конкуренция в этой отрасли непрерывно возрастает. Более того, односторонность развития усугубляет социально-психологический климат в городах округа, формирует и закрепляет у людей психологию и поведение временщиков. Надо признать, что современным руководством округа осознается тот факт, что однобокость развития региона малоэффективна и неперспективна, для изменения положения принимаются действенные усилия.

Одним из значительных шагов к изменению ситуации стало создание в ХМАО-Югре системы высшего профессионального и послевузовского образования. Анализ современного состояния развития высшей профессиональной школы в регионе позволяет говорить о том, что успешное развитие вузовского образования и науки во многом определяется не только объемами финансирования, но и наличием механизма координации и управления, и, как следствие, взаимодействия между ключевыми действующими субъектами: властью, бизнесом, наукой и образованием.

Рассмотрение перспектив развития вузовской системы округа и вузовской науки в данном ключе характерно не только для ХМАО-Югры, но и для других территорий РФ.

Власть - образование. Система высшего образования округа несмотря на двадцатилетнюю молодость доказала конкурентоспособность. Два профильных и два классических университета успешно подтверждают свой статус, лицензируют новые специальности, имеется солидная материально-техническая база. В кадровом отношении вузы округа находятся приблизительно в одинаковом положении (здесь имеется в виду не абсолютная численность, а относительная пропорция числа специалистов с ученой степенью и без степени). В среднем процент специалистов, имеющих ученую степень, по вузам округа составляет 56%, что сопоставимо с общероссийскими данными. Таким образом, в вузах округа есть значительный процент высококвалифицированных специалистов.

Региональная власть много сделала для создания системы высшего профессионального образования округа, а теперь, в связи с изменением федерального законодательства, оказывается в условиях поиска путей для его сохранения. От того, каков будет её выбор, зависит будущее высшей школы региона, и, в конечном итоге, безопасность региона. К сожалению, сегодня складывается впечатление, что власть не очень доверяет местному высшему образованию. Иначе, как объяснить привлечение к анализу имеющегося состояния высшей школы внешних экспертов, не знакомых с ситуацией в регионе, заключение соглашений о подготовке специалистов с вузами из других регионов, при имеющихся солидной базе и потенциале собственных региональных вузов.

Данная ситуация усугубляется издержками российского законодательства и российской экономики, которые лишили местные и региональные власти реальных рычагов влияния на упорядочение ситуации на собственной территории в высшем профессиональном образовании. В результате мы получили чрезмерную «филиализацию» рынка образовательных услуг, и, как следствие, ухудшение качества подготовки специалистов, во-вторых, до сих пор отсутствует система прогнозирования потребностей в специалистах не только на местном и региональном уровнях, но и на всероссийском уровнях.

Высшее образование округа, в свою очередь, довольствуясь стабильным финансированием, не столь активно проявляет себя на рынке образовательных услуг, в противном случае количество филиалов вузов в регионе было бы меньшим. При наличии реального взаимодействия между представителями властных структур и высшего образования и при большей активности последних можно было бы решать многие актуальные для региона проблемы: участие вузов в реализации социальных программ, в развитии профильной школы и т.д.

Власть - наука. К сожалению, власть пока не видит в вузовской науке выгодного партнера, обладающего необходимым потенциалом, который можно использовать в системе преобразований. Вузовская наука пока также занимает неопределенную позицию по отношению к запросам власти. Традиционно ориентируясь на академическую науку, вузы, тем не менее, не могут в силу специфики развернуть её в соответствующем объеме. Таким образом, вузовская наука занимает срединное положение: тяготея к академической фундаментальности, вузы вынуждены выполнять значительную долю прикладных исследований и разработок. Однако это не приближает их к исследованиям, проводимым НИИ региона, так как последние целиком ориентированы на производство. Другими словами, в развитии прикладных исследований вузовская наука не ориентирована на производство по сравнению с научными исследованиями НИИ, что вполне объясняет отсутствие к ней интереса властей. В прикладных исследованиях вузов со всей очевидностью просматривается гуманитарная и социально-экономическая составляющая, в то время как в содержании самих тем не прослеживается связь научных исследований с развитием нефтегазового, лесопромышленного, энергетического комплексов в целом и темами окружных НИИ в частности.

Власть - бизнес - наука. Социологические исследования последних лет показывают, что власть для науки и бизнеса скорее ассоциируется с бюрократическими препонами, косностью и непрофессионализмом управленческих действий и решений, чем с направляющей и регулирующей силой, формирующей условия для всех. Вузовская наука рассматривает бизнес и власть только как источник финансирования. Однако в этом у неё всегда возникают сложности, так как любой бизнес и, конечно же, власть интересуется результатом, и, как правило, в ближайшей перспективе. Учитывая специфику вузовской науки, о которой шла речь выше, её интересы до момента получения результата охватывают временной период от трех, пяти и более лет, то есть то время, которого у современной российской власти и бизнеса просто нет. Поэтому власть и бизнес, ощущая потребность в высокопрофессиональных кадрах, технологиях, методах и т.д. сегодня и сейчас, не находят интересных предложений от вузовской науки. Тем не менее, все три субъекта понимают, что регион, не способный обеспечить себе прочные позиции хотя бы по основным направлениям современной науки, рано или поздно превратится в колонию более развитых в этом отношении регионов, и будет хронически находиться в интеллектуальной и технологической зависимости от них.

Наука - образование. Анализ проблем взаимодействия этой пары субъектов свидетельствует более чем все предыдущие о имеющемся разрыве во взаимодействии. Существенным отличием вузовской науки от НИИ региона, как было отмечено выше, является определенная фундаментализация научных исследований. Основная тематика фундаментальных исследований (также как и прикладных) в вузах округа сосредоточена в гуманитарной области. Анализируя развитие и структуру фундаментальных исследований, необходимо отметить слабую связь вузов округа с академической наукой по разработке фундаментальных тем. При отсутствии в округе академических структур результаты вузовской науки не будут полезны региону, так как они выполняются в русле нерегистрационных проблем. Точнее, развиваемая наука в вузах округа чаще «надрегиональна», именно поэтому такие фундаментальные исследования не находят своей финансовой ниши в округе.

В этой связи, высшее образование региона заинтересовано в привлечении в округ академических структур, но при своем непосредственном участии. Создавая на своей базе совместные научно-исследовательские единицы, вузы решают двойную задачу: во-первых, включаются в разработку фундаментальных проблем при поддержке академической науки, во-вторых, ориентируют свои исследования на проблемы региона, опираясь на заказы регионального бизнеса и властей.

Таким образом, мы можем констатировать, что именно рассогласованность между бизнесом, властью, наукой и образованием приводит к возникновению проблем, тормозящих развитие региона и государства в целом. Перечислим их и сформулируем возможные варианты их решения.

Первая проблема. Отсутствие системы адресного финансирования. Здесь важен не объем выделяемых средств, но, как и кому, на основании каких механизмов эти средства выделяются. Отсюда возникает проблема выбора приоритетов на всех уровнях: от окружного до конкретного исследовательского проекта.

Вторая проблема. Слабое использование косвенных рычагов стимулирования научной деятельности. Под косвенным стимулированием понимается, прежде всего, нормативно-правовое регулирование, участие различных общественных институтов в инвестиционном процессе, создание фондов, налоговое регулирование и т.п.

Третья проблема. В округе не сформирована методология учета и анализа параметров развития науки. Исследований, связанных со стратегическим планированием, мониторингом, созданием баз данных, явно недостаточно. Это необходимо для создания программы развития науки и формирования окружной политики в этой сфере деятельности, соединяющей общую мозаику разрозненного научного потенциала едиными целями и задачами, актуальными для округа.

Четвертая проблема. Почти отсутствуют студенческие научные структуры типа студенческих лабораторий, исследовательских бюро, слабо задействованы студенты и в выполнении хоздоговорных исследований. Требуется разработка целой системы грантовой поддержки научной молодежи.

Пятая проблема. Слабая интегрированность вузов округа на уровне участия в федеральных программах и федеральных грантах. Во многом аналогичная ситуация складывается с грантами Министерства образования и науки различных фондов. Таким образом, на федеральном уровне вузы округа пока слабо используют возможности участия, а следовательно, дополнительного финансирования научных проектов.

ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИИ “ОБРАЗОВАНИЕ” В ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ю. П. Кононова

Образование, универсалии культуры, информационная цивилизация, трансформации образования, информационные технологии, модернизация.

Для любого социума в разные периоды развития значительную важность представляет факт его включенности в мировые процессы, открытость и транспарентность его культуры. Этому во многом способствует уровень культуры и образования. В эпоху постиндустриальной цивилизации мировое развитие определяют глобальные технологии, научно-технический прогресс пронизывает разные сферы социума, все более нарастает процесс его информатизации, так как Интернет способствует формированию глобального информационного пространства. Речь идет уже об «информационно-коммуникативной цивилизации».

Глобализация проявляется, помимо прочих аспектов, во взаимопроникновении культур, что отражено, в том числе, и на уровне ряда тенденций в универсалиях культуры. К так называемым культурным универсалиям /общие черты, свойственные всем культурам/, относят: совместный труд, спорт, образование, наличие ритуалов, системы родства, правила взаимодействия полов, язык, институт брака, религиозные ритуалы и т. д. Согласно данной концепции, базис или фундамент культурной системы образуют универсалии — общие черты, характеристики или компоненты культуры, присущие всем странам, государствам и народам независимо от их географического и социально-экономического положения. К. Уислер выделил следующие универсалии: речь (язык); материальные черты; искусство; мифология и научное знание; религиозная практика; семья и социальная система; собственность; правительство; война. Он назвал их универсальными паттернами (структурами, образцами) культуры [1]. Культурные универсалии выражают родовые начала в культуре. В 1965 году Дж. Мердок определил свыше 60 универсалий культуры - изготовление орудий труда, институт брака, право собственности, религиозные обряды, спорт, украшение тела, совместный труд, танцы, образование, похоронные ритуалы, гостеприимство, игры, запреты кровосмешения, правила гигиены, язык и пр.

Образование как универсалия культуры функционирует в различных эпохах и цивилизациях, в процессе получения знаний происходит закрепление и трансляция социально-исторического опыта. В истории цивилизаций образование трансформировалось значительным образом, это зависело от степени развития общества, от уровня культуры, религиозных аспектов, институтов власти, от специфики той или иной формации и многих иных причин. Особенно значим расцвет образования в традиционных цивилизациях, в Древней Греции, в Римской империи.

Следует отметить, что на протяжении веков, официальное образование было доступно лишь немногим. До изобретения в 1454г.

печатного станка книги переписывались от руки. Процесс индустриализации и расширения городов оказал огромное воздействие на развитие системы. Почти до начала XIX в. большинство населения вообще не получало школьного образования. В связи с быстрым развитием промышленности и экономики возникла необходимость в специализированном школьном обучении. Ряд трансформаций, происходивших в обществе XIX в., обусловил развитие образования в его современной сути. Развивались печатные средства массовой информации, что было столь же отличительной чертой индустриального общества, как фабрики и производство. По сложившемуся в последние несколько десятилетий мнению многих, поскольку в образовании все больше используются компьютеры и мультимедийные технологии, всей системе суждено измениться. Существуют теории, согласно которым, новые технологии не просто дополняют существующие учебные программы, но и трансформируют их. Компьютеризация, информатизация, безусловно, расширили возможности сферы образования, позволяя работать самостоятельно, используя Интернет-материалы. Тем не менее, в современном контексте значительная часть процесса образования сочетает личный контакт студента с преподавателем, коллективную работу и самостоятельное изучение предмета.

Заочная форма обучения, например, уже дала людям возможность получать образование вне формальной обстановки образовательных учреждений, но не является ни широко распространенной, ни интерактивной по своему характеру. Открытый университет, основанный в Великобритании в 1971 году, стал впервые использовать телевидение при дистанционной форме получения высшего образования. Его программы транслируются Би-Би-Си. Занятия проходят в изучении научной литературы, переписке с преподавателями. Этот вуз стал крупнейшим в Великобритании, где возможности Интернета используются в полной мере, но сохраняется и такая форма, как встречи преподавателей со студентами [2].

Другой пример образовательных учреждений нового поколения - это университет Финикса в Соединенных штатах, он является крупнейшим, имеющим аккредитацию университетом в США. Обучающиеся в нем 68 тыс. студентов общаются преимущественно через Интернет - «онлайнный кампус» университета - или в одном из более пятидесяти «учебных центрах», расположенных в крупных городах по всей Северной Америке. Свыше двенадцати образовательных программ можно изучать исключительно в режиме онлайн. Вместо аудиторий - онлайн-овые «групповые почтовые ящики». Имеется электронная библиотека. Список материалов для изучения преподаватель рассылает по Интернету. Университет принимает только тех студентов, кто старше двадцати трех лет и постоянно работающих, желающих приобрести новые знания и профессиональные навыки путем непрерывного образования. Курсы представлены в виде интенсивных блоков, и ведутся они в течение всего года. Обучение на протяжении всей жизни играет большую роль в движении к обществу знания. Примером может служить «университет третьего возраста», благодаря которому пенсионеры имеют возможность получить то образование, какое хотят, обучаясь тем предметам, какие представляют для них интерес [2].

Безусловно, нельзя отрицать гибкость и удобство обучения, использующего интернет. Но существует и иная точка зрения, согласно которой, личность транслятора знаний, живая, многогранная, ориентированная на обучаемого, взаимодействующая с ним через непосредственный контакт будет всегда незаменима в системе образования, какого бы уровня технологии не использовались. Таким образом, можно сделать вывод о том, что задача, стоящая перед преподавателем сегодняшней эпохи, заключается в том, чтобы интегрировать новые информационные технологии в учебный процесс с пользой и обоснованно.

Будут ли новые технологии иметь для образования радикальные последствия, этот вопрос не решен до сих пор. Критики убеждены, что если воздействие окажется значительным, это может привести к усилению неравенства в сфере образования. «Информационная бедность» может добавиться к материальной обездоленности, которая в настоящее время оказывает также влияние на школьное обучение, и усугубить ее. Уже сами темпы изменений, а также потребность работодателей в работниках, обладающих компьютерной грамотностью, означают, что люди, владеющие технологиями, «перепрыгнут через головы» тех, кто не имеет опыта работы с компьютерами. В дальнейшем образование будет играть еще более важную роль. Информационные технологии все больше внедряются в процесс образования - и в аудиториях, и путем создания «е-университетов» и посредством распространения обучения с использованием интернет. Люди, компьютерно неграмотные и не имеющие доступа к новым технологиям, могут страдать от так называемой «информационной бедности».

Трансформации в Российском образовании, как и во всем мире, происходят поэтапно. История развития образования в России представляется, с одной стороны, одним из самых парадоксальных явлений русского мира, а с другой, крайне закономерной и важной его составляющей. Удивительным являются и темпы развития образования в России. Начало XVIII в. - в России не было ни одного университета. Проходит менее ста лет. Картина полностью меняется, в стране процветают первоклассные учебные заведения различных уровней, множатся университеты, развиваются женские образовательные структуры. В дворянских усадьбах собраны превосходные художественные коллекции и богатейшие библиотеки, светское общество говорит на иностранных языках лучше, чем на родном, и замечательно разбирается в европейской литературе. С огромными темпами в стране идет развитие образования. Если Петру I приходилось часто насильно отправлять дворянских детей учиться, то уже к середине XVIII в. обучение потомства становится для их родителей делом первостепенной важности. Приезжавшие в Петербург в конце царствования Екатерины французские путешественники свидетельствовали, что «здешняя образованная молодежь самая просвещенная и философская в Европе» и что она знает «более, чем оканчивающие курс в немецких университетах» [3].

Важной особенностью российского образования представляется его связь с мировым процессом. Россия всегда обращалась к международному и европейскому опыту, перенимая его достижения. Это и университет, построенный по немецкому образцу, и система начального образования по австрийскому, и взятые за образец французские женские учебные заведения, и английские ланкастерские школы, и античные лицеи. Но перенимаемые иностранные формы вскоре наполнились национальным содержанием, а конечный российский результат крайне мало напоминал свой иностранный оригинал и часто превосходил его. Те, кто преподавал сегодня в высшей школе, получали высшее образование в годы советской власти и с благодарностью вспоминают ту систему. В связи с этим выглядит бессмысленными спекуляции на тему отсутствия национальной самобытности системы российского образования. Как бы ни упростилось современное понимание основных терминов, традиционное представление об образовании как о сложном процессе, включающем в себя и передачу знаний, и воспитание личности, и формирование нравственных принципов, сохраняется [3].

Итак, одним из признаков глобализации и роста технологий стал глобальный рынок высшего образования. Совершенно иные возможности возникают для сотрудничества между студентами, а также научными и образовательными учреждениями во всем мире. Удостоверения, сертификаты, степени теперь можно получить, не обучаясь в традиционном смысле этого понятия. Целый ряд конкурирующих институтов и компаний возникают сегодня на всемирном образовательном рынке, где знания и обучение получают все желающие.

Сегодня процессы модернизации в системах образования разных стран имеют много общего. Болонский процесс ставит задачу культурной, экономической и образовательной интеграции. Модернизация в системе образования характеризуется спецификой меха-

низмов и принципов обучения (модульное, дистанционное, он-лайн), появляются учреждения иного рода (виртуальные университеты, международные, корпоративные вузы). Глобализация и модернизация образования – процессы неизбежные. Решающее воздействие на сферу образования оказывает рынок. Но очень важно с нововведениями не утратить смысла процесса, «вместе с водой не выплеснуть и младенца», используя метафору. То есть, необходимо помнить, что компьютеризация открывает иные сферы лишь тому, кто к этому подготовлен. Станут ли поледующие поколения студентов безымянными, известными только по псевдонимам, которыми они пользуются в Интернете? Подорвет ли практическое обучение, направленное на приобретение навыков, значимость абстрактного мышления и учения «ради учения»? Поток информации сам по себе не может способствовать мышлению, если человек не способен к анализу, значит, он не может критически мыслить и становится внушаемым. Отсюда – «дремучесть» молодежи, ценностями для которой является шоу-бизнес, материальное изобилие, стремление к комфорту и деньгам любыми путями.

Отсутствие личного контакта в образовательной сфере в век информационный ведет к интеллектуальной деградации. Все чаще в научной публицистике «звучит» ностальгия по прошлому: студент века XX резко отличался от студента современного. Причина этого отличия во многом обусловлена «зацикленностью» на интернет-технологиях. Профессор, академик, прекрасный лектор в любые времена ценились в интеллигентной среде России и в странах запада. Процесс совместного творчества преподавателя и студента всегда был свойственен атмосфере лекции в вузе. В связи с этим, сохранение лучших традиций Российского и европейского образования сегодня, в век глобальных трансформаций, является одной из важнейших задач [4].

Можно выделить следующие закономерности в трансформациях культурной универсалии «образование» в современную эпоху: взаимообусловленность образования в мировом масштабе /международные образовательные стандарты, программы, курсы, обучение за рубежом, совместные международные проекты и симпозиумы, международные олимпиады и премии, присоединение России к Болонскому процессу и т.д./ . Вышеперечисленные явления будут иметь дальнейшее развитие, поскольку возрастание межкультурных контактов и коммуникаций – процесс объективный

В информационно-коммуникативной цивилизации образование в России, наряду со многими характеристиками, общими для образовательных систем различных государств, должно сохранить лучшие традиции, в соответствии с которыми в образовательной парадигме и будет формироваться новая личность: личностной ориентированностью; гуманистической направленностью; высокой гражданской ответственностью; патриотической составляющей; толерантностью; духовной суверенностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Clarke J.J. On the unity and diversity of cultures // American Anthropologist. 1970. Vol. 72. P. 545—554.
2. <http://www.21learn.org>
3. Павловская А.В. Образование в России: история и традиции: Монография.- М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.- 383 с.
4. Захарова Л.Н. Личность в контексте модернизации образования. Педагогика и методика образовательного процесса в творческом вузе: сборник статей/ отв. Ред.Стр.А. Лицерева.- Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2007.-212 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗОВ - ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Черемисина

Образование, парадигмы образования, образовательный стандарт, выпускник, работодатель.

Изменившиеся социально-экономические и социально-политические условия России ставят перед высшим профессиональным образованием новые цели и задачи в формировании качественных профессиональных характеристик выпускников вузов. Качество образования сводится не столько к сумме накопленных специальных знаний, сколько к формированию профессиональной, интеллектуально-творческой и нравственно-зрелой личности. Большую часть современных задач, поставленных перед образованием, невозможно выполнить, руководствуясь только интересами системы образования, для их решения требуется привлечение многих социальных институтов.

В формировании современной образовательной практики участвуют государство (с госзаказом), общество (с образцами культурной практики), рынок труда (с профессионально-квалификационными характеристиками), отдельные личности (со своими потребностями) и др. субъекты. В этих условиях появляется необходимость выстраивать взаимодействия друг с другом. При этом высшее образование превращается в открытое образовательное пространство, где возникают новые типы связей не только внутри вуза (внутреннее взаимодействие), например, преподаватель – студент, научный консультант – студент, но и внешние социальные связи (внешнее взаимодействие): государство – вуз, руководитель производственной практики – студент, работодатель – выпускник и др. Следовательно, от социального взаимодействия и его видов зависит качество образования, управление им. Таким образом, социальное взаимодействие и гармонию интересов личности, общества и государства следует рассматривать как один из показателей, определяющих качество образования. При этом под социальным взаимодействием понимается процесс непосредственного или опосредованного воздействия государственных структур, вузов и работодателей друг на друга, в котором взаимодействующие стороны связаны циклической причинной зависимостью и находятся в сложной подвижной сети социальных отношений.

Характерными чертами сложившейся модели социального взаимодействия в России остаются значительная роль государственных структур в формирующейся системе управления образованием и ее качестве, а также слабая активность и участие в этом работодателей. Развитие рыночных отношений все больше усложняет взаимоотношение вузов с государственными структурами. Сокращение государственного финансирования, рост платного сектора образования, коммерциализация высшего образования свидетельствует о том, что государство уже не может оставаться монопольным заказчиком подготовки кадров. На современном этапе требуется развитие социального взаимодействия вузов с различными партнерами и, в большей степени, с работодателями. Однако система партнерства «вуз-предприятие» в настоящее время отсутствует, так как существует ряд причин, препятствующих развитию социального взаимодействия. В качестве причин можно выделить отсутствие законодательной базы для формирования такого взаимодействия, то есть сегодня нет

законов, регулирующих долгосрочные отношения между работодателями и вузами.

Развитие рыночных отношений, в основном, формирует три группы интересов - личности, работодателя и государства. При этом исследования показывают, что эти интересы не всегда совпадают и нередко вступают в противоречия. Социологи содержательную сторону социального взаимодействия трактуют по-разному. Одни авторы рассматривают его исключительно как сотрудничество субъектов, более того - субъектов, заинтересованных в обоюдновыгодном, общественно полезном результате. Другие отмечают, что социальное взаимодействие может проявляться в соперничестве, конкуренции и даже носить конфликтный характер. [1]

Социальное взаимодействие по типу конкуренции - борьба индивидов или групп за обладание некими ценностями (благами). В сфере образования конкуренция проявляется через борьбу: отдельных личностей (абитуриентов) за получение высшего образования, а также вузов на рынке образовательных услуг путем реализации различных образовательных программ, увеличения перечня специальностей, повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда, за привлечение высококвалифицированных преподавателей и работодателей к совместной деятельности по подготовке специалистов.

В отличие от других сфер деятельности, конкуренция в системе высшего профессионального образования не всегда способствует повышению качества. Конкуренция, безусловно, формирует рынок образовательных услуг, предлагая разнообразные формы образования и специальности, но при этом может наблюдаться ряд негативных явлений: перепроизводство кадров по некоторым видам специальностей; открытие «модных» специальностей при отсутствии необходимого кадрового и ресурсного обеспечения, снижение качества подготовки специалистов, а в крайних случаях - полная профанация высшего профессионального образования.

В отдельных случаях конкурентное социальное взаимодействие может переходить в форму конфликтного взаимодействия, в основе которого лежит противоположность интересов.

Противоположные интересы, определяющие «лицо» конфликта, рассматриваются социологами как явные и неявные, очевидные и скрытые (латентные) [2]. Повышающиеся запросы общества к качеству высшего образования, изменения демографических, экономических, правовых условий функционирования вузов, быстрые инновации приводят к изменению парадигмы образования. Смена парадигмальных установок в сфере образования позволяет выявить и отметить существующие несоответствия и противоречия, тормозящие развитие российской высшей школы. В качестве основных можно отметить следующие противоречия:

- между реальными потребностями общества и содержанием образования, то есть между декларируемым в законодательстве гуманистическим характером образования и квалификационными характеристиками выпускника, представленными в ГОС ВПО, где он лишен личностных и, в первую очередь, нравственных качеств;
- между результатами деятельности высшей школы и ожиданиями рынка труда;
- между инновациями и изменением технологий, происходящих в промышленности и сфере образования, и инерционностью профессионального сознания педагогов, ориентированных в основном на традиционное обучение;
- между потребностями высшего профессионального образования и позицией законодательных и исполнительных органов государственной власти по отношению к высшей школе.

Таким образом, конфликтное взаимодействие, ставшее уже очевидным, связано, в первую очередь, с несоответствием государственных образовательных стандартов и программ требованиям рынка труда, между реальным качеством образования и современными потребностями общества. Бизнес, промышленность, сфера услуг выдвигают новые требования к специалистам как к профессионалам-практикам, обладающим творческим потенциалом и высоконравственными качествами, однако, вузы формируют специалистов пока еще старыми методами, не способными обеспечить необходимое качество образования.

В сфере образования одним из факторов, стимулирующим изменения в последнее десятилетие, является стремительно возрастающий поток информации и динамичность происходящих изменений. Существующие методы обучения и сама система образования в силу своей внутренней инерционности оказалась неспособной адекватно отвечать требованиям времени. Быстрое увеличение объема знаний, необходимых к усвоению и запоминанию, приводит к значительному увеличению учебной нагрузки, что негативно сказывается на физическом и психологическом здоровье учащихся, и при этом не дает желаемых результатов.

Анализ авторских социологических исследований показал, что 94% студентов отмечают низкую практическую направленность предлагаемых им в вузе знаний, их слабую взаимосвязь с задачами и условиями профессиональной деятельности. В связи с этим студенты и выпускники вуза зачастую оказываются не способными применить полученные знания и перенести их на другую аналогичную, стандартную ситуацию, действовать в новых условиях. Это отмечают и работодатели, 86,7% которых сходятся во мнении, что отсутствие хорошей практики негативно сказывается на качестве высшего образования. Поэтому выпускникам вузов, имеющим даже глубокие теоретические знания, необходима длительная адаптация к работе. Результат опроса работодателей позволяет сделать вывод о том, что современным рынком труда востребованы не сами по себе знания, а именно способность специалиста применять эти знания на практике и выполнять определенные функции, поэтому видится целесообразным смещение конечной цели подготовки специалистов с высшим образованием, получившим определенные знания, на деятельностно-практические умения. Вместе с тем в современных условиях экономической стагнации и трансформации нравственных ориентиров, падения престижности многих профессий необходимым и оправданным становится переход к личностно-ориентированному или индивидуальному методу в образовании. Реализация такого подхода предполагает перенос акцентов на воспитательную и развивающую функции образования, так как именно в непосредственном взаимодействии преподавателя и студента происходит гармоничное, духовное и нравственное развитие последнего, его готовность к профессиональной деятельности. Однако из-за большой учебной нагрузки преподавателей и студентов процесс индивидуального обучения в вузах почти не получает надлежащего развития. Также не способствуют этому и существующие государственные образовательные стандарты, в то время как именно индивидуальный подход, большая доля самостоятельной подготовки и участие студентов в исследовательских процессах являются наиболее, продуктивными способами углубленного изучения предмета, позволяют приобретать навыки, необходимые для профессиональной деятельности. Актуальным и целесообразным является перенос акцента в обучении с аудиторной нагрузки на эффективную организацию практической, индивидуальной и самостоятельной работы, что требует реорганизации учебного процесса, модернизации учебно-методического обеспечения, изменения системы оценки знаний, специальной подготовки преподавателей и существенных затрат на развитие материально-технической базы, а именно: на создание новых читальных залов, приобретение дополнительной литературы, компьютерной техники.

Поскольку основной причиной конфликта является несоответствие образовательного стандарта и его практической направленности требованиям рынка труда, то выходом из создавшейся ситуации видится постоянное взаимодействие и сотрудничество вузов с предприятиями. Тем более, что такой положительный опыт взаимодействия присутствовал в советской системе образования. Базовые

предприятия, работодатели наряду с вузами вкладывали силы и средства в образование студента. Однако недостатком данной системы являлось то, что сам выпускник не играл почти никакой роли в этой системе, выступая лишь как объект образовательной деятельности, профессиональное становление специалиста, его адаптация к рынку труда и месту работы определялись практически без учета профессиональных планов и предпочтений самого выпускника. К тому же функции образовательного процесса - обучение, воспитание и развитие специалиста посредством освоения различных видов профессиональной деятельности, были далеки от развития самих видов профессиональной деятельности и производства в целом. Такая традиционная форма взаимодействия производителей и потребителей образовательных услуг оказалась непригодной в условиях рыночных отношений.

В новых экономических условиях личный фактор начинает играть значительную роль, возникает необходимость получения образования как способа самореализации работника и средства развития не только специалиста, но и производства. Для формирования такого профессионала требуется использовать потенциал, который заложен в новых формах интеграции системы «образование - наука - производство». Усиление таких интеграционных процессов, свойственных образованию, выражается в создании вузов, которые представляют научно-производственно-образовательные корпорации. Примером такой корпорации может служить Тюменский государственный нефтегазовый университет.

Следует заметить, что развитие рыночных отношений привели к разрыву связей между вузами и профильными предприятиями, что повлияло не только на возможности трудоустройства выпускников в соответствии с полученной ими специальностью, но и на снижение качества образования в силу лишения студентов баз для прохождения производственной практики. Особенно острой проблемой это стало для «молодых» вузов государственного и негосударственного сектора, создание которых пришлось на период развития рыночных отношений. Выпускники таких вузов вступают в трудовую деятельность, будучи совершенно к ней не готовыми, главным образом - из-за отсутствия опыта практической деятельности.

Формой взаимной заинтересованности и эффективного взаимодействия вуза, выпускника и работодателя может выступать целевой набор на основе договора о целевой контрактной подготовке специалистов, в рамках которого работодатель оплачивает обучение студента в вузе, создает условия для практической подготовки студента, предоставляя места для практики, поощряет студента за высокие успехи в период обучения. Такой договор позволяет каждой из сторон осознать свои права и ответственность. При этом студент понимает, что по окончании вуза у него будет не только достаточный уровень теоретических знаний, но и практический опыт работы на конкретном предприятии, а также место трудоустройства. Однако в отличие от советской системы распределения студент имеет право оценивать условия, предложенные работодателем, выбирать специальность и удобную для него форму обучения, а также обладает свободой выбора в подписании данного договора, то есть выступает уже не объектом, а субъектом своей образовательной деятельности и будущей профессиональной карьеры. В этом случае студент занимает активную позицию, которая позволяет ему более полно проявлять чувство ответственности за получаемые знания в вузе и на практике.

Взаимодействие вуза и работодателей может носить еще более тесный и взаимопроникающий характер, который выражается в участии предприятий непосредственно в подготовке студентов посредством предоставления материальной базы работодателей для прохождения практики студентами. Организация производственной практики на предприятиях - это особая форма взаимодействия вуза и работодателей. При прохождении студентами практики, они знакомятся с реальным производством, технологическими процессами, организацией и культурой труда, экономической деятельностью и документацией предприятия. Поэтому к проведению практик в качестве руководителей引人入ечно привлекают ведущих специалистов предприятия - опытных наставников, которые смогли бы показать студентам интеграцию теоретической, научно-исследовательской и практической деятельности в рамках действующего производства, превратив производственную практику в лично-значимую для студента ценность. Примеры успешных практик демонстрируют крупные российские предприятия, предъявляющие высокие требования к качеству молодых специалистов. Однако в процессе исследования выявлен факт более частых претензий к качеству специалистов со стороны менее успешных, относительно небольших предприятий. В связи с чем, видится эффективным привлечение к сотрудничеству предприятий малого бизнеса различных форм собственности.

Разумно было бы учесть и опыт зарубежных стран. В Германии государство старается помогать частным фирмам, принимающим учащихся на практику, посредством дотаций и льгот. Работодателям выгодно сотрудничать с образовательными учреждениями и на своих мощностях готовить молодые кадры.

Положительный эффект такого взаимодействия подтверждают и результаты авторского эмпирического исследования. Опрос студентов выпускного курса показал, что 36,9% выпускников совмещают обучение в вузе с трудовой деятельностью. Большая часть опрошенных студентов-выпускников считают, что прохождение практики позволило им лучше узнать специфику их деятельности, а взаимодействие с опытными специалистами повлияло на формирование практических навыков.

Для осуществления практико-ориентированного обучения специалистов, необходимого современному рынку труда, представляется целесообразным использовать опыт Тюменского государственного нефтегазового университета по привлечению специалистов-практиков с промышленных предприятий, профильных государственных организаций, научных институтов, преуспевающих бизнес-структур для проведения аудиторных занятий (спецдисциплин), разработки учебно-методических комплексов, учебных программ и программ практик, а также в качестве консультантов на кафедрах. Кроме того, факультативные занятия по спецпредметам, лабораторно-практические занятия, лекции по курсу «Введение в специальность», как показывает практика ТюмГНГУ, целесообразно и эффективно проводить в отделах (цехах), лабораториях, вычислительных центрах предприятий с привлечением ведущих специалистов производств. Все это, безусловно, создает условия для формирования у студента целостной картины его будущей профессиональной деятельности и позволяет развивать системное мышление профессионала. Эффективными направлениями взаимного проникновения образования и производства, по мнению автора, может стать создание научных лабораторий и филиалов выпускающих кафедр на производстве с привлечением к их деятельности ведущих специалистов производства. Такая форма взаимодействия с внешними организациями позволит вузу не только получать и учитывать информацию о требованиях, предъявляемых рынком труда к профессиональным качествам выпускника по определенной специальности, но и осваивать новые технологии производства, а также внедрять новые методы обучения, в том числе в практическое обучение, для достижения необходимого качества образования.

Помимо образовательной, важными направлениями деятельности вузов является научная и исследовательская. Эти виды деятельности считаются основным средством повышения квалификации преподавательского состава и лучшим способом привлечения студентов к нестандартной, творческой работе, поскольку привлечение студентов к исследовательским проектам является наиболее эффективной формой самостоятельной работы по углублению знаний в изучаемом предмете. Кроме того, научно-исследовательскую работу студентов (в том числе выполнение дипломных проектов) совместно с ведущими, творчески активными преподавателями кафедр, целесообразно

но осуществлять не только в интересах отдельных педагогов, но и в соответствии с запросами предприятий и перспективами трудоустройства студентов (выпускников). В этом направлении деятельности необходимо расширение различных форм взаимодействия вузов с предприятиями и научно-исследовательскими институтами - проведение и финансирование исследований, консультативные услуги, выполнение исследовательских работ для экономики региона, создание исследовательских консорциумов и научно-производственно-образовательных корпораций.

Расширение социального взаимодействия видится и через государственно-общественную экспертизу высших образовательных учреждений. В действующих законах присутствует общественная составляющая, но на настоящий момент она остается неразвитой. Закон о государственно-общественном управлении работает далеко не в полную силу. Хотя именно он предполагает вовлечение потребителей образовательных услуг в различные этапы управления качеством образования и, прежде всего, в исследование и анализ образовательных программ, в оценку качества образования и эффективности управления вузом в целом. Нельзя не согласиться с мнением Г.Ф. Шафранова-Куцева, который отмечает: «...если бы ассоциации крупных работодателей определились со своими запросами к профессиональной подготовке молодых специалистов и отказались от услуг некоторых вузов, то это стало бы мощным стимулом повышения качества подготовки в вузах. Такие меры оказались бы куда более эффективными, чем административный ресурс в виде лицензирования, аттестации и аккредитации, рейтингования вуза» [3, Стр.94-95]. Общественная экспертиза высшего образовательного учреждения позволяет привлечь в соуправление всех заинтересованных лиц, это особая совместная деятельность студентов, преподавателей, администрации вуза и работодателей, включающая исследование существующей практики, обсуждение проблем развития, публичную выработку экспертного заключения и связанных с ним решений, а также организацию новых форм социального взаимодействия в целях их выполнения.

От существующей формы конфликтного взаимодействия представляется возможным перейти к форме социального взаимодействия - сотрудничества посредством кооперирования и интеграции. Именно партнерская позиция, предполагающая отказ всех участников от ощущения собственной самодостаточности в решении образовательных задач, необходимо понимание общности интересов, настрой на взаимодействие и компетентность в принятии решений, готовность к компромиссам, позволит в большей степени повысить качество образовательных услуг до уровня, необходимого обществу и рынку труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков Ю.Е. Взаимодействие социальное. Социологическая энциклопедия в 2-х томах. Т.1. / Нац. общ.-науч. фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю.Семигин. - М.: Мысль, 2003. - 694 с.
2. Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX - начала XXI века: Учебное пособие для вузов. - Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2007. - 364 с.
3. Шафранов-Куцев Г.Ф. Университет в региональном сообществе. - М.: Высшая школа. 2003 - 223 с.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВЕРТИКАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

А. Е. Шапаров

Образование, вертикальная социальная мобильность, социальное неравенство, расходы на образование, проблемы высшего образования.

Одним из центральных институтов вертикальной социальной мобильности в любом современном обществе выступает образование. Как институт, образование реализует важные общественные функции, заключающиеся в трансляции социального опыта, культурных ценностей и норм, социализации личности. К числу социально значимых функций образования, позволяющие характеризовать его наряду с властью и доходом в качестве важнейшего фактора социальной мобильности современного общества, относятся селективные и контрольные. Еще основоположник теории социальной мобильности П.А.Сорокин говорил о том, что в любом обществе существуют институты, осуществляющие функции тестирования, селекции и распределения индивидов. Эти институты «ответственны» за те качества, которыми обладают аристократия и нижние классы общества, в конечном итоге, за развитие или разрушение общества. Конкретные исторические формы селекционирующих институтов могут различаться, однако, функционально в любом обществе можно выделить в качестве основных церковь, армию, семью, профессиональные организации, а также школу. Самый существенный вывод, который проходит через все поколения исследований процессов вертикальной мобильности - то, что образование является определяющим фактором социальной мобильности в ее интрагенерационной разновидности и в интергенерационной, при воспроизводстве статусов от поколения к поколению.

Российские исследователи отмечают влияние факторов социального неравенства на доступ к образованию. К определяющим доступности образования факторам, помимо институциональных - места жительства, типа поселения, наличия образовательной инфраструктуры, относят факторы «семейного» и человеческого капитала. Социолог Я.Рощина выделяет несколько типов семейного капитала[1]. Во-первых, это экономический капитал, чаще всего измеряемый уровнем доходов семьи. Во-вторых, человеческий капитал, под которым понимается образование родителей, а также знания, умения и навыки потенциального абитуриента. В-третьих, социальный капитал включает наличие у семьи связей, вовлеченность ее в социальные сети. В-четвертых, культурный капитал (автор предлагает измерять его объемом домашней библиотеки). Многочисленные эмпирические исследования показывают, что доминирующими факторами доступности образования выступают факторы семейного капитала, то есть доходы и уровень образования родителей. В этой связи, бедность родителей, резко сужая возможности на получение образования для детей, порождает феномен циклической бедности. Бедность приобретает качества аскриптивного социального статуса.

Образование, наравне со здравоохранением, выступает важнейшим условием улучшения качества населения. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1979 года, Т.Шульц указывал на ошибочность восприятия общественных расходов на образование как расходов на «благосостояние», расходование ресурсов, уменьшающих «сбережения». По его мнению, эта ошибка возникает из предположения, что образование является исключительно потребительским благом. В действительности же, «расходы на образование, включая высшее, - это существенная часть национального дохода во многих странах с низкими доходами»[2, Стр. 101]. Иными словами, траты на образование должны быть характеризуемы не как государственные расходы, а как инвестиции в человеческий капитал, обуславливающие эффективность политики государства по борьбе с бедностью.

Измерение величины инвестиций в образование в общей доле государственных расходов является важной характеристикой на-

циональной социальной политики. Данная характеристика позволяет не только характеризовать осуществляемую в стране политику по сокращению бедности, но и общие тенденции развития общества на долговременную перспективу.

Еще одной важной характеристикой национальной государственной политики в сфере образования является процентное соотношение выделяемых средств от общего объема ВВП.

Наибольшую долю в структуре ВВП на 2004 г. занимают расходы на образование в Швеции - 7,4%; следующую позицию занимает Франция с 5,8% ВВП; далее следуют Великобритания - 5,3% и бывшая советская республика Литва - 5,2% ВВП. Россия в диаграмме расходов на образование в 2004 заняла последнее место - 3,4% ВВП. Доля расходов на образование в России даже в самом «благополучном» преддефолтном 1997 году была всего лишь 4,8% от национального ВВП. В 2005 году она составила еще меньшую величину - 3,7% ВВП. Таким образом, ресурсное наполнение государственной образовательной политики в Российской Федерации в сопоставимых масштабах в 2 раза меньше, чем в Швеции и в 1,5 раза уступает Франции и Великобритании.

Проблемы высшего образования в современной России представляется возможным классифицировать по следующим направлениям:

- 1) низкое качество абитуриентов;
- 2) сокращение количества абитуриентов;
- 3) старение кадрового состава преподавателей;

4) невостребованность выпускников рынками труда регионов, где расположены вузы. Одним из главных подходов к решению проблем образования является присоединение России к Болонскому процессу.

Целями присоединения страны к Болонскому процессу выступают необходимость включения России в общеевропейское образовательное пространство и реформирование национальной образовательной системы. Последнее заключается в необходимости координации процессов подготовки специалистов с требованиями, предъявляемыми работодателями на рынке труда. Однако попытка устранить одни проблемы, может закончиться возникновением новых. По мнению российских экспертов, существующий классификатор, включающий более 500 специальностей, по которым осуществляется подготовка специалистов, затрудняет в дальнейшем процесс поиска работы выпускников вузов. Основная причина - узкая специализация выпускников, вследствие чего они не востребованы рынком труда, отражающим, сложившиеся на текущий момент требования. Выход видится в переходе на систему бакалавриата и магистратуры, осуществляющей подготовку специалистов по основным направлениям (около 100), что позволит универсализировать предложение специалистов на рынке труда.

В осуществлении перехода на двухуровневую систему образования просматривается несколько системных проблем. Их можно подразделить на два блока - социальные и технологические. К социальным проблемам относится несоответствие количества бакалавров количеству мест в магистратуре. С одной стороны, здесь нет ничего неожиданного. Одна из целей реформы состоит в максимальном приближении процесса подготовки специалистов к требованиям рынка труда, чему отвечает уровень подготовки бакалавра. Данный уровень предполагает преимущественно практическую направленность подготовки специалиста, в отличие от магистратуры, предполагающей исследовательскую деятельность. С другой стороны, уже известно о существовании ряда профессий на рынке труда, предъявляющих к соискателю требование о наличии квалификации магистра. В то же время известно, что в ряде вузов, в основном региональных, магистратуры не будет. При этом в регионах зачастую отсутствуют альтернативные возможности окончить магистратуру по избранной специальности, что позволяет характеризовать данную ситуацию как сегрегацию, препятствующую реализации важных конституционно закрепленных прав.

К технологическим проблемам перехода на двухуровневую систему подготовки специалистов относится отсутствие в трудовом классификаторе требований к уровню подготовки специалиста (бакалавр или магистр).

Рынок не может быть регулятором системы образования, поскольку фиксирует уже сложившиеся требования, заявленные работодателями. Причем работодателями местными, не учитывающими потребности даже соседних регионов. Альтернативой может выступить лишь государственная политика в сфере образования, вырабатываемая на основе экспертных оценок ученых, во взаимодействии с представителями бизнес-сообщества. Такая политика должна иметь минимум 10-15 летний горизонт планирования, быть встроенной в программы регионального развития, учитывать особенности рынков труда в долговременной перспективе. Составной частью государственной образовательной политики должно стать создание единой общенациональной информационной базы вакансий для выпускников вузов. Информационная база помимо наличия вакансий и сведений о предполагаемой зарплате должна также включать и сведения о регионе, возможностях проживания и др. Создание единой общенациональной информационной базы предполагает комплексное сотрудничество нескольких министерств и ведомств, в частности, Министерств образования и науки, Министерства регионального развития, различных профильных министерств.

Важнейшими контрагентами государства в выработке образовательной политики выступают работодатели и представители крупного и среднего бизнеса. Общее руководство в выработке государственной образовательной политики целесообразно сосредоточить в двух министерствах - Министерстве образования РФ и Министерстве регионального развития. Такая конфигурация объясняется функциональным разделением ответственности: Министерство образования РФ разрабатывает стандарты и осуществляет руководство подготовкой специалистов, а Министерство регионального развития разрабатывает и осуществляет программу трудоустройства выпускников вузов, в соответствии со стратегией развития регионов России.

Прежняя советская система образования, справедливо критикуемая с позиций сегодняшнего дня за идеологическую односторонность, была, несомненно, одной из наиболее конкурентоспособных среди прочих мировых образовательных систем. Несмотря на существование «элитных» школ и вузов, в которых зачастую обучались дети номенклатуры, а поступление в них было связано с известными трудностями, именуемыми «блатом», советская система образования, по мнению современных исследователей, эффективно выполняла функцию «социального лифта» для представителей всех слоев общества. Снятию социальных перегородок при поступлении в вузы способствовали многочисленные подготовительные отделения, рабфаки, вечерние школы. Система льгот для абитуриентов из сельских районов, уволенных в запас военнослужащих, сирот и инвалидов, существование «целевого» набора при приеме в высшие учебные заведения, направленная на уравнивание шансов для поступающих, в последние полтора десятилетия хотя и сохраняется в большинстве государственных вузов, имеет неуклонную тенденцию к сокращению.

На рис. показана динамика общей численности студентов средних специальных учебных заведений (ряд 1) и вузов (ряд 2).

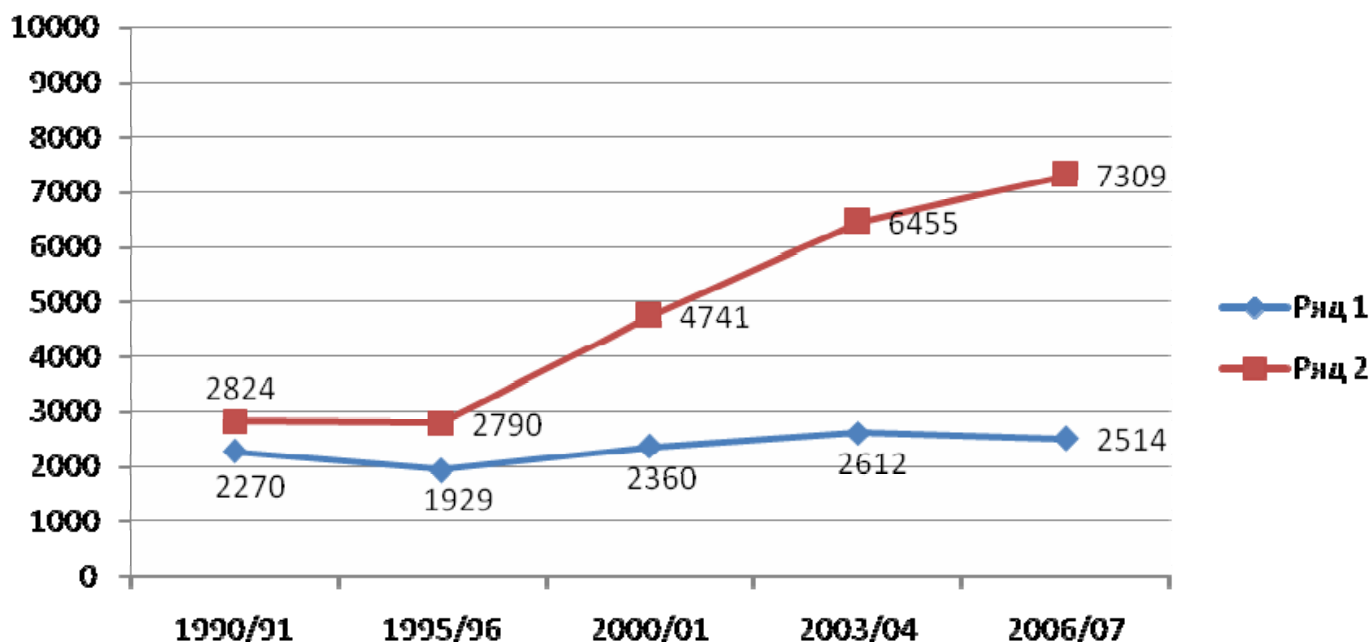

Рис. Численность студентов средних специальных и высших учебных заведений (тыс. чел.).

Источник: регионы России (социально-экономические показатели, 2007г.)

Общая численность студентов вузов в последние полтора десятилетия имела ярко выраженную тенденцию к возрастанию: их количество с 1990 года к 2006 году увеличилось более чем в 2,5 раза - 2824 тыс. чел., против 7309 тыс. чел., или на 159% (см. на рис. 2). На этом фоне динамика численности студентов средних учебных заведений осталась почти без изменений: 2270 тыс. чел. в 1990 году, против 2514 тыс. чел. в 2006 году, что показывает рост лишь на 10,7%.

Прием на обучение в государственные и муниципальные вузы за счет бюджетов всех уровней составил 568,8 тыс. чел., что свидетельствует о снижении количества лиц, обучающихся на бюджетной основе по сравнению с 2006 г. на 16,5 тыс. человек, или на 2,8%. В то же время удельный вес принятых с полным возмещением затрат на обучение увеличился на 1,4% по сравнению с 2006 г., составил 58,9% от общего числа принятых. Анализ численности студентов государственных и негосударственных вузов дополнен динамикой статистики приема в государственные и муниципальные вузы лиц, обучающихся на бюджетной и коммерческой основе. Доля платных студентов в последние годы в России устойчиво доминирует в общей численности студентов государственных вузов (табл. 1).

Таблица 1

Прием в государственные и муниципальные вузы, за счет бюджета и с полным возмещением затрат на обучение (тыс. чел.)*

Годы	Государственные и муниципальные вузы		
	Всего	За счет бюджета	С полным возмещением
2000/01	затрат	586,8	553,5
2001/02	1263,5	587,9	675,6
2002/03	1299,9	608,0	691,9
2003/04	1411,7	622,6	789,1
2004/05	1384,5	628,6	755,9
2005/06	1372,5	613,5	759,0
2006/07	1376,7	585,3	791,4

*Источник: Образование в Российской Федерации. - М., 2007.

Как показывают регулярные социологические опросы, представители всех слоев населения России осознают связь между образованием и получаемым доходом. По данным обследований потребительских ожиданий населения, которые органы государственной статистики России проводят с конца 1998 года, ежеквартально опрашивая по 5 тысяч человек, население страны стремится приобретать услуги образования: около 33-36% российских семей рассматривают инвестиции в образование в качестве приоритетных, в то же время около 30% российских респондентов не могут приобретать образовательные услуги из-за низких доходов [3]. Реализация потенциала включения в процессы восходящей мобильности, которым обладает институт образования, в значительной мере ограничена доходами российских домохозяйств (табл. 2).

Таблица 2

Социально-демографические характеристики семей учащихся различных учебных заведений (Россия, %) *

Среднедушевой доход (тыс. руб.)	ПТУ	ССУЗы	Вузы
	2,1	3,0	4,2
Образование			
Не выше среднего или начального профессионального	33,6	15,1	5,7
Среднее специальное	44,1	45,7	22,1
Высшее	22,3	39,3	72,2
Служебное положение			
Рабочий	58,6	38,7	22,6
Служащий	15,1	19,2	16,1
Специалист	17,7	26,8	32,3
Руководитель, заместитель руководителя	4,3	11,6	21,3
Тип населенного пункта			
Село	33,2	27,2	16,0
Малые города и поселки	48,2	34,2	36,0
Областные и республиканские центры	16,4	30,2	37,1

* Информационный бюллетень. - М., 2006.

Проведенное исследование в 2006 году в рамках проекта «Формирование системы мониторинга экономики образования» Министерства образования и науки России и ГУ-ВШЭ, в рамках которого опрошено 9000 российских домохозяйств и 3000 домохозяйств Москвы, подтвердило общероссийскую закономерность: семьи студентов вузов и семьи студентов средних учебных заведений не только дифференцированы по всем социально-демографическим показателям, но и представляют полярные группы (см. табл. 2).

3/4 родителей учащихся средних учебных заведений сами имеют среднее образование, а 3/4 родителей студентов вузов имеют высшее образование (см. табл. 2).

Дифференциация проходит и по критерию социального происхождения: более половины учащихся средних специальных учебных заведений имеют родителей-рабочих, аналогичная тенденция, но с высшим образованием в семьях специалистов и руководителей. Доля получающих высшее образование больше среди жителей городов и центров субъектов федерации, в то время как выходцы из села, обучающихся в вузах, составляют менее половины от их числа.

В российских условиях подтвердились общие для развитых стран тенденции зависимости интергенерационной социальной мобильности от социального и культурного капитала, большой роли семьи в передаче социального статуса, зависимости ориентации к продолжению образования детьми от образовательного статуса родителей. Трансмиссия социального и культурного капиталов семьи наиболее явно дифференцирована по обладанию родителями образовательным статусом. На доступ к определенному уровню образования оказывает влияние тип населенного пункта, в котором проживает семья. Факторы образования родителей и места проживания семьи в процессе достижения социальных позиций сохраняют актуальность и в условиях увеличения предложений на рынке образовательных услуг.

Станет ли образование действующим институтом социальной мобильности, в рамках которого реализуются меритократические ценности и определяется местоположение человека в социальной иерархии или практики дифференциации населения по имущественному признаку все больше будут сужать возможности для образования малообеспеченного населения, оплачивая получение аттестатов и дипломов вне зависимости от прилагаемых усилий? От решения этих вопросов в конечном итоге зависит будущее нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роцина Я. Социальная дифференциация молодежи в российском профессиональном образовании // Отечественные записки. - 2006. - № 3.
2. Шульц Т. Экономика бедности / в кн. Нобелевские лекции - 100 лет. Экономика. Т. II. - М.: 2006. - С. 101.
3. Суринов А.Е. Общество и профессиональное образование: количественные оценки. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / Под общей ред. проф. Стр.Н. Бобылева. - М.: 2004. - С.95. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0189/analit04.php>.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СИНОНИМИКО-АНТОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО СИБИРСКОГО ГОВОРА»

В.Л. Козлова

Этнос, язык этноса, русская культура, говоры Тюменской области, лексические единицы.

Язык любого этноса - это не только первоэлемент его культуры, но и рода отражение путей его исторического развития. История русской этнической культуры на территории Сибири теснейшим образом связана с историей формирования здесь русского населения и его дальнейшего бытования (постепенность сложения; новые природно-климатические условия; многоликое этническое окружение народов, издавна населяющих Сибирь и так далее)

Носителем и хранителем русской культуры на новой для нее территории стало крестьянство, прежде всего так называемые русские старожила Сибири, население, которое сформировалось с конца XVI до второй половины XIX века [1]. Именно язык крестьянского населения (его говоры, или диалекты) долее всего остается хранителем и выразителем его этнической культуры. Прежде всего, это положение относится к лексическим ресурсам языка, которые в большей или меньшей степени отражают словари. Поэтому создание разного рода словарей - одна из важнейших задач отечественной лингвистической науки.

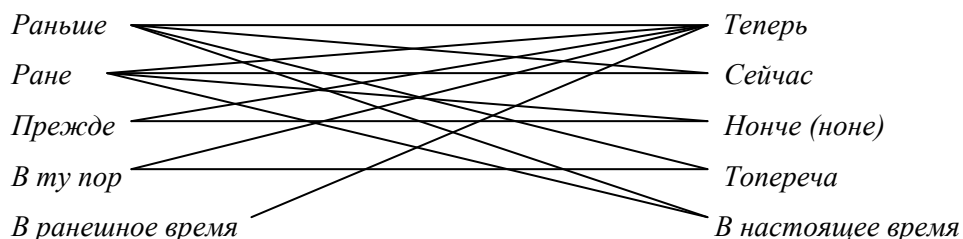
Лексические богатства говоров Тюменской области нашли отражение в опубликованных и еще не опубликованных архивных материалах Русского географического общества, а также в уже изданных словарях [1]. Кроме того, Тюменский государственный университет готовит к изданию «Словарь старожильческих говоров юга Тюменской области». Тем не менее, названные издания лишь в малой степени отражают реальные лексические ресурсы тюменских говоров. В этом смысле наша региональная наука отстает от ее развития на сопредельных уральских и сибирских территориях, особенно от Томской области.

Предлагаемые читателю материалы подготовлены на основе фактов речи жителей деревни Быковой (заимки) Вагайского района Тюменской области. Начало работы над словарем положено в 1964 году, когда состоялась первая диалектологическая экспедиция в эту деревню, организатором и участником которой был автор (всего экспедиций в эту деревню было пять, три из них - с участием автора).

Тип данного словаря обусловлен прежде всего тем, что проблема лексической антонимии, традиция изучения которой в отечественной науке насчитывает около полувека, продолжает быть актуальной для отечественной лексикологии в целом и для диалектной лексикологии в частности. Более того, интерес к ней в последние годы возрастает [2, Стр. 3]. При этом главным и наименее изученным продолжает оставаться вопрос о сущности отношений лексической противоположности. Наиболее обоснованным нам представляется такой подход, при котором отношения лексической противоположности квалифицируются как отношения семантических сходств и семантических различий в их единстве. В дефиниции Л.А. Новикова эта идея выражена таким образом: «... с семантической точки зрения антонимы характеризуются сходными однотипными значениями, предельно противопоставленными друг другу условно «положительным» и условно «отрицательным» компонентом по одному существенному дифференциальному признаку» [2, Стр. 20]. По «однотипным», или интегральным признакам антонимы включены в семантические поля, где они связаны с другими единицами лексической системы, «и в первую очередь - с синонимами» [2, Стр. 4]. Поэтому словарь антонимов связан с другими типами словарей, и прежде всего - со словарями синонимическими [2, Стр. 4].

Отечественная лексикография накопила значительный опыт создания антонимических словарей на материале литературного языка (Л.А. Введенская, М.Р. Львов), а также на диалектном материале (Н.В. Кононова, Е.Ю. Южакова и др.) Антонимия сибирских говоров нашла отражение в рукописном словаре Л.М. Райской (1985 г.), а также в словаре О.И. Блиновой [3].

Тип нашего словаря включает не только антонимичные между собой лексические единицы, но и связанные с ними в системе говора синонимы. Поэтому словарная статья в структуре словаря представляет антонимо-синонимическую [5, Стр. 55], или синонимико-антонимическую парадигму, где каждый компонент одного синонимического «ряда» семантически противопоставлен каждому компоненту другого синонимического «ряда». Представляем схему семантических отношений в наиболее частотной, по данным нашей фиксации, *sin ant* парадигме говора [5].

Порядок расположения компонентов внутри *sin* «рядов» в данной парадигме и во всех словарных статьях словаря определяется частотностью словоупотреблений от наибольшей к наименьшей.

В иллюстративном материале мы стремимся по возможности отразить попарное функционирование антонимов в системе говора (см. фразы и фрагменты текстов за двумя параллельными чертами). Остальной иллюстративный материал отражает их одиночную фиксацию (см. тексты за одной вертикальной чертой).

Поскольку не все явления действительности взаимосвязаны как противоположные, то соответственно далеко не все слова языка, в том числе - языка говора, могут вступать в антонимические отношения. Материалы нашего словаря представляют ту часть картины мира, которая отражает восприятие крестьянским сознанием связей между противоположными явлениями действительности.

Принцип расположения словарных статей в структуре словаря можно назвать идеографическим, так как словарные статьи распределены по семантическим полям. Назовем предварительно обозначенные семантические поля: верования, взаимоотношения, возраст, волеизъявление, время, истинное ложное, качество, количество, местоположение, наличие - отсутствие, начальность - конечность, от-

торжение - получение, принадлежность, процессы, скорость, событие, состояние, способ действия, температура, части предмета, явления природы.

Словарные статьи

I. Семантическое поле «возраст»

1. Большой		Ребенок (ребята,
Взрослый	(сущ.)	ребятишки)
Старший		Орда (мн., неодобрит.)
		Маленький

| И в Святки ходили. Больши ходили славили. Наре`дятца и ходят; Мы не играли. Только больши играют в мяч (о волейбол); У него жена взамуж не вышла. Дочь уж больша. Публики сколько было. Взрослых-то много было Ребята в Челябинске живут. Они взрослые. Ране-то старших слушались.

| Меня маленького правила мама. Дед тоже малограмотный. Маленький начал робить. Маленька была - все по нянькам ходила. Апросинья-то шибко не любит маленьких. У ей у дочери робёнок небольшой. Она десять робёнков родила. Робятишки, я говорю. - Однако отес идет Раньше робятишка-то назём возили Робятишка-то по лыве-то бродят, малыши-то А я оконниси-то, боюсь выставлять: ходят орда-то, дак. Орда непутна. Не слушатца.

2. Малый (мал)	(сущ.)	Старый
Малыш		

|| Все уезжают. Стары да малы останутца Стары да малы дома Всех взяли в армию. Стары да малы остались. Скоро о`все тут никого не будет: стар да мал останетца.

| Малыши-то ребята любопытны. А теперь малыш - и водку пьёт.

3. Мал (-ой)	(прилаг.)	Совершенных лет (ФЕ)
Масечкий	О детях	Большенький
Небольшой		
Маленький (о дененьках)		
Малолет		

Отец от Тимофей, а там ма`лой Тимофей (о сыне). А робятишка-то малы ись просят. Робить не могла: дети ма`лы. Там где-то по западне подрылись. Ма`сички овсе (проникли в магазин). У ей у дочери робёнок небольшой. Свалил всю работу на малолета. Даже в стадо забежал маленький лосёнок. Овечка маленька ревет.

| Сын - от у ей уж бо`льшенький. У него остался мальчик пятидневной. Я его вырастила до совершенных лет Большенький уж был парнишко.

4. Малый	Только о самом	Первый
Последний	старшем и самом	Большак
Задний	младшем из детей в семье)	Самый старший
Малко (-а)	(сущ., прилаг.)	В старших
Самый (-а) малый (-а)		

| Эта ма`ла у меня окончила институт. Дак топерь уж с ма`лой пока буду (о дочери). Мой сын-от ма`лой Володимир... Ма`ла сестра в зверосовхозе живет. У Зои все учатца. Последня в Дубровном учитца. Последний в пятом классе учитца. Гриша-то, брат от последней-от: «Давай Дуню доступать оттуда» (из города). Нынче четверо учитца пойдут. Последняя в школу пойдет. Скажет: «Айда, малка.» Нет, малко, я рубахи стираю Давай, малка, кушай А чё, малка, сама себя стукнула? Как умру, дак она уедет к заднему (о сыне). Степан у меня - самый малый. Я сама ма`ла в семье-то была.

| У меня вот перва-то девка - Маней звали. Я их не ругаю, не бью. Вот перва-то в тифу померла. Вон того, большака запишите (диалектологам) Большака надо записать. Расскажи стишок. Младший учился, а я была сама старша. Мы в сиротстве росли. Я в старших оставалась десяти годов.

5. Младший	(прилаг.)	Старший
Один Мороз был старший брат, а другой младший брат (Ф). Большой боярин жениху брат будет, старший или младший.		
В армию ушел сёгод старшой-от сын.		
6. Молодой (одуш., неодуш.)	(сущ.)	Старый (одуш., неодуш.)
		Старье (собр.)
Молодежь		Старенький
Молодажник		Старички (собр.)
Молодка (о раст.)		Пожилой

|| Теперь оне, молодые-то, не любят старых. Сёдни, однако, все убежали по ягоды - стары и молоды. Молоды которы отпевать ездят стареньких. Дак в деревне народу не осталось. Остались все старенькие. Молоды хочут большие деньги Разъехались молоды. Наш брат, старье, остался. Молодежь топерь стариков не любят Молодёжи совсем нет. Большинство замужем и старички Дак молодежь не идет на ферму, а стареньки старятца. Молоды`то пока - и горя нет, а пожилой - всё горе-то. Шишка есь на молодках. На старых-то нету.

| Молодажнику, дак вовсе нетука Здесь собиратца весь молодаяжники Пенёк дает молоденький тал Трава-то молода.

7. Молодой	(прилаг.)	Старый
В молодых годах (ФЕ)		Немолодой
		Старенький
		Пожилой
		В годах

|| Я молода ишо, девки. Пойдите к старым. Я говорю: «Ты старый солдат, а я молодая девочка.

| Ваше дело молодое, молодого народа. Мо`лод, мо`лод я женился. Стала женка немила (Ф.) Я ишо в молодых годах была, дак паре-

нѣк пристававал. Я уж немолода была - услышала. Да и сама прочитала. А женщины пожила - лет эдак сорока. Она така уж, пожила. Робят не носит (не рождает). Все забыла - старенька. Тогда отец-от старенькой уж был. Он у нас бойкой какой-то, удалой. Ак он тожо ведь в годах В годах, точно, в годах она: тридцать три, дак чѣ.

Помоложе	(прилаг.)	Поста'ре
Помладше		Старее
Моложе		Старше
Меньше		Побольше

| Я говорю: «Ты иди билет возьми, помоложе, дак В писят пятом году я была помоложе На год помладше я, а оне погодки были Яков-то и то тогда моложе был Я осталась от матери пять лет на шестом. Брат меньше меня - на третьем году остался.

| Поста'ре нас которы, они венчались То ли поста'ре она меня? Этой нету, поста'ре-то которая с вам (к диалектологам-студентам) Сноха старе меня на десять лет Она его была старше лет на пятнадцать Баушка Лукерья старше нас Побольше станешь, дак за машиной ходишь (о детях, их труде).

Условные обозначения

ФЕ - фразеологизм, или фразеологическая единица

Ф - фольклорный текст

Кн. - слово книжное, заимствованное из литературного языка

Неодобрит. - неодобрительное

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кошкарева А.М. Словарь специальной лексики Обь-Иртышского междуречья. - Нижневартовск, 2006. - 234 с. (отдельными выпусками А.М. Кошкарева начала издавать этот словарь в 1993 году); Лабунец Н.В. Словарь народных географических терминов Тюменской области (южные районы) - Тюмень: ТГУ, 2003. - 213 с.

2. Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка /под ред. Л.А. Новикова. - 7-е изд., испр., доп. - М., 2001. - 589 с.

3. Блинова О.И. Словарь антонимов сибирского говора. - Томск: изд-во Том.ун-та, 2003. - 242 с.

4. Драчук Н.В. Типология антонимических отношений и ее роль в структурной организации антонимо-синонимических парадигм // Изв. Волгоградского пед. ун-та. Сер. Филологические науки. - 2006. - № 5. - Стр. 55-59.

5. Козлова В.Л. Функционально-структурный тип антонимической парадигмы в русском сибирском говоре // Вопросы языка и методики его преподавания : сб. научн. тр. - Нижневартовск, 1996. -С. 48-55.

Продолжение следует

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисов Ю.Б.

Генеральный директор групп компаний ООО «Сибпрофконсалт», 8(3452)595033

Омелаенко Н.В.

Ассистент кафедры ин.языка № 1 Тюменского государственного нефтегазового университета, 89048762728

Курушина Е.В.

Доцент кафедры организации производства и внешнеэкономической деятельности Тюменского государственного нефтегазового университета, 89129245722

Неустроев Д.В.

Начальник отдела внутреннего аудита и экономического анализа Тюменского государственного нефтегазового университета, 83452465119

Ревякина О.В.

к.ф.н., доцент кафедры Государственное и муниципальное управление Тюменского государственного архитектурно-строительного университета, 8 (3452) 780383

Ростовцев С.А.

Зам. начальника отдела профессиональной ориентации и профессионального обучения Департамент государственной службы занятости населения Свердловской области, 8 9086399323

Зерчанинова Т.Е.

Доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральская академия государственной службы, 89122455585

Рубцова М.В.

Докторант кафедры социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета, 89213811889

Корепанов Г.С.

Заместитель председателя Тюменской областной Думы, 8 (3452) 455408

Криницкий А.Я.

Доцент кафедры менеджмента социально-культурной деятельности Тюменской государственной академии культуры и искусств, 89044900104

Савинов Л.В.

Доцент кафедры социологии и социального управления Сибирская академия государственной службы, 89139207726

Ткачева Н.А.

доцент кафедры социальной работы Тюменского государственного нефтегазового университета, 8 (3452) 453523

Федоров Игорь Владимирович
 Старший преподаватель, Омский государственный технический университет, 89139712141
 Федорова О.Б.
 Доцент кафедры МТЭК Тюменского государственного нефтегазового университета, 8 (3452) 416369
 Чижевская Елена Леонидовна доцент кафедры МТЭК Тюменского государственного нефтегазового университета, 89129291376
 Анисова Наталья Алексеевна, Несват Анна Владимировна.
 Генеральный директор ЗАО Аудиторская компания «РОСТ», 83452595033
 Карнаухов Максим Николаевич.
 Доцент кафедры менеджмента в отраслях ТЭК Тюменского государственного нефтегазового университета, 8 (3452) 416369
 Плотицын А.Н.
 Ассистент кафедры менеджмента в отраслях ТЭК Тюменского государственного нефтегазового университета, 89222647776
 Руденок О.В.
 Ассистент филиала Тюменского государственного нефтегазового университета в г. Советском, 89505332283
 Симонова М.В.
 Аспирант Тюменского государственного университета, 89129275991
 Аймаутова Н.Е.
 Соискатель Российского университета дружбы народов, 8 (495) 4332022
 Железняков А.С.
 Руководитель отдела Института социологии РАН, 89169338870
 Козлова В.Л.
 Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ исследования общества Тюменского государственного нефтегазового университета, 8 (3452) 453523
 Коротов Б.
 Аспирант кафедры социального менеджмента Тюменского государственного нефтегазового университета, 89028133343
 Кошетарова Л.Н.
 Аспирант кафедры менеджмента туризма и гостиничного бизнеса Тюменской государственной академии культуры и искусств, 89048753269
 Лазутина Т.В.
 Доцент кафедры философии Тюменского государственного нефтегазового университета, 89129913083
 Михеева Н.Н.
 Младший научный сотрудник Тюменского государственного нефтегазового университета, 89058231281
 Пузанова Ж.В.
 Доцент кафедры социологии, зав. социологической лабораторией Российского университета дружбы народов, 89039662839
 Таланов С.Л.
 Соискатель сектора социологии девиантного поведения института социологии РАН, 89159773297
 Шарипова Э.М.
 Аспирант кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета, 89058579204
 Щербакова Е.Л.
 Ассистент кафедры романо-германских языков, 89199277172
 Засыпкин В.П.
 Проректор по научной работе Сургутского государственного университета, кандидат филологических наук, 8922582176
 Кононова Ю.П.
 Аспирантка кафедры культурологии и социальных технологий Тюменской государственной академии культуры и искусств, 89224719150
 Сергеева Н.Н.
 Аспирант кафедры немецкого языка и методики преподавания немецкого языка Тобольского государственного педагогического института им. Д.И.Менделеева, 8 (3456) 223149
 Абышева Н.Ю.
 Аспирант кафедры немецкого языка и методики преподавания немецкого языка Тобольского государственного педагогического института им. Д.И.Менделеева, 89224750677
 Черемисина Е.В.
 Старший преподаватель кафедры национальной экономики и менеджмента Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права (ТГАМЭУП), 89048870779
 Шапаров А.Е.
 Архангельский государственный технический университет, к.полит.н., и.о. зав. кафедрой истории и политологии, 88182216126

THE AUTHORS

- Anisov, Iu.B.
General manager of companies 000 "Sibprofconsult" 83452595033
- Omelaenko, N.V.
An assistant of the chair of foreign languages N1 of Tyumen Oil and Gas University 89048762728
- Kurushena, E.V.
Senior lecturer of the chair of organization of manufacture and foreign economic activity of Tyumen Oil and Gas University 89129245722
- Neustroyev, D.V.
The head of the department of internal audit and economic analyses of Tyumen Oil and Gas University 83452465119
- Revyakina, Q.V.
Candidate of f. sciences, senior lecturer of the chair of state and municipal management of Tyumen State Architectural University 83452780383
- Rostovzev, S.A.
Deputy of the head of the department of professional orientation and professional teaching. The Department of State Service of population in Sverdlovsk Region 89086399323
- Zerchaninova, T.E.
Senior lecturer of the chair of state and municipal management of Ural Academy of State Service 89122455585
- Rubzova, M.V.
Doctoral Candidate of the chair of social management and planning of Saint Petersburg State University 89213811889
- Korepanov, G.S.
The deputy of a chairman of Tyumen Region Duma 83452455408
- Krinizkey, A.Ia.
Senior lecturer of the chair of Management of Social cultural activity of Tyumen State Academy of Culture and Arts 89044900104
- Savinov, L.V.
Senior lecturer of Sociology and social management of Siberian Academy of State service 89139207726
- Tkachyova, N.A.
Senior lecturer of (social v) yhe chair of social work of Tyumen State Oil and Gas University 83452453523
- Fyodorov, I.V.
A senior teacher, Omsk State Technical University 89139712141
- Fyodorova, O.B.
Senior lecturer of the chair MTEK of Tyumen State Oil and Gas University 83452416369
- Chizhevskaya, E.L.
Senior lecturer of the chair MTEK of Tyumen State Oil and Gas University 89129291376
- Nesvat, A.V. у меня данных нет, ни русских ни английских
- Anisova, N.A.
General Manager of ZAO audit Company @ROST@ 83452595033
- Karnauhov, M.N.
Senior lecturer of the chair of Management in branches of TEK of Tyumen State Oil and Gas University 83452416369
- Protizen, A.N.
An assistant of the chair of management in branches of TEK of Tyumen State Oil and Gas University 89222647776
- Rudenok, O.V.
An assistant of the chair of management in branch of TEK of Tyumen State Oil and Gas University in the town Sovetskoe 89505332283
- Simonova, M.V.
A postgraduate of Tyumen State University 89129275991
- Aimautova, N.E.
A candidate of Russian University of peoples Friendship 84954332022
- Zheleznyakov, A.S.
The head of the department of the Institute of Sociology RAN 89169338870
- Kozlova, V.L.
A candidate of philological Sciences, a senior research worker of Scientific Research Institute of research of society Tyumen State Oil and Gas University 83452453523
- Korotov, B.E.
A postgraduate of the chair of social Management of Tyumen State Oil and Gas University 89028133343
- Koshetarova, L.N.
A postgraduate of the chair of Management of Tourism and Hotel Business of Tyumen State Academy of Culture and Arts 89048753269
- Lazutina, T.V.
A Senior lecturer of the chair of Philosophy of Tyumen State Oil and Gas University 89129913083
- Miheeva, N.N.
A junior scientific collaborator of Tyumen State Oil and Gas University 89058231281
- Puzanova, Zh. V.
A Senior lecturer of the chair of Sociology a deputy of sociological laboratory of Russian University of Peoples Friendship 89039662839
- Talanov, S.L.
A candidate of the sector of sociology deviated behavior of the Institute of sociology RAN 89159773297

Sharipova, E.M.

A postgraduate of the chair of history and culturology of Tyumen State Oil and Gas University 89058579204

Sherbakova, E.L.

An assistant of the chair of Romance Germany languages 89199277172

Zasepin, V.P.

A vice-principal of scientific work of Surgut state University, a candidate of philological sciences 89224582176

Kononova, Yu.P.

A postgraduate of the chair of culturology and Social Technology of Tyumen State Academy of Culture and Arts 89224719150

Sergeeva, N.N.

A postgraduate of the chair of German Language and Methous of teaching german language of Tobolsk State Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev 83456223149

Abesheva, N.Yu.

A postgraduate of the chair of German Language and Methous of teaching german language of Tobolsk State Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev 89224750677

Cheremisina, E.V.

A senior teacher of the chair of national economy and management of Tyumen State Academy of the World Economy, Management and Rights 89048870779

Shaparov, A.E.

Arhangelsk State Technical University acting the head of the chair of History and Politology (political scientist)

ABSTRACTS

Anisov, Iu.B.

The methodological approach to perfection of social section of regional programs of development

Existing system of social privileges is explored, main defects are defined. The methodical approach on integration of groups of exempts is offered and criteria of reference are defined.

Omelaenko, N.V.

Modern Researches of The Ethnical Category

The article "Modern researches of the ethnical category," is devoted to a problem of its studying. The author gives a detailed analysis of different theories introduced by foreign and domestic scientists.

Kurushena, E.V.

Human Potential Management Based on Motivational Factors

The author considers the system of motivational factors of the human potential quantitative growth. The results of the research of the human potential dependence on motivational factors in the aspect of territory are presented, the rating of the factors in the Russian Federation and the evaluation of the human potential sensitiveness to the factors in the Federal Regions are given in the article.

Neustroyev, D.V.

Inductive Planning of the Region Development: preconditions and Methodical Bases

The main preconditions and necessities of application of indicative planning at the regional level (ex. the Tyumen region) are considered in this article. A multilevel generalized system of forecasting indicators of the region development, changing range and methods of estimation of the balance for the indicators are offered with the of dependence matrix building.

Revyakina, Q.V.

Formation and Development of Small Business in Modern Russia as Bases For Middle Class Formation

This article considers the basic tendencies of development of small business in the Russian Federation, as bases for middle class formation. Directions of activity of local authorities on small-scale business support are offered.

Rostovzev, S.A., Zerchaninova, T.E.

The experience of the social projection organization

The article is dedicated to elaboration of the social project for decision of the social problems and organization's creation. They are described procedure and methods of the social projection of the local cultural-educational and leisure complex. The methodology of the projection is based on the model R. Akoff's applied system analysis.

Rubzova, M.V.

Problem of ensuring of manageability: from rationalization to communicativeness

The article is devoted to a problem of ensuring of manageability in the modern organizations. Various approaches to ensuring of manageability are researched. The special attention is given to a problem of ensuring of manageability in the stable environment in conditions of necessity of constant innovations. In conclusion of the article principles of the modern approach to ensuring of manageability based on horizontal management are formulated.

Korepanov, G.S.

Innovations of Modern Russian Society: Regional aspect

The author of the article with a help of Carrying out empirical, theoretical, sociological investigations showed the necessity and importance of innovative activity of different social parts of population for perspective development of Tyumen regions. At the same time the author underlined the Particular part of ruling, scientific business-elite in the process of working out and introduction the innovations into social-political, social-economic and social-cultural sphere.

Krinizkey, A.Ia.

Efficiency of the state youth policy: problem of choice and measuring indicators

Clause is devoted to questions of formation and realization of the state youth policy. Various approaches to understanding of efficiency of youth programs, allocation of criteria of program activity efficiency are analysed. Comparative analysis of criteria of the efficiency of separate regional youth programs is carried out, pluses and minuses are examined.

Savinov, L.V.

Peculiarities and problems of ethno-political processes in the siberian federal district

Possibility or impossibility in the present political and legal framework to meet the needs of different ethnic groups can either stimulate social consolidation or lead to ethnic outrage as a form of civil confrontation, in which at least one side becomes mobilized and organized and acts on the ethnic principle or on behalf of the ethnic community.

Based on the foregoing, an attempt is made to reveal the peculiarities and problems of the ethnopolitics and ethnic processes in the Siberian Federal District.

The specificity of ethnopolitical processes in the Siberian Federal District is mostly determined by the integration due to the unification of subjects of the Russian Federation, as well as with the disintegration processes determined by new waves of migration and - as a result - by enforcement of ethno-phobia and cultural nationalism.

Tkachyova, N.A.

The Attitude of the representatives of the authority and business to the problems of migrants in small northern towns of the district (according to the results of sociological researchers)

The author explores outside migration intensity and direction of peoples migration.

The author also shows up the role of migratory movement in social-economic and social-cultural life of the district according to the example of a small northern town.

Fyodorov, I.V.

Industrial Policy: about questions of leveling of industrial regional potential of Russian Federation.

The author analyses the methods of giving to Russia regions of a definite type of investive climate. The author also describes structural elements in a modern and long-term typology on investive climate.

Fyodorova, O.B., Chizhevskaya, E.L.

Formation of regional development programs: organizational aspect

Results of practice studying of formation and selection of regional programs of the Tyumen region are presented in the work. A number of disadvantages of development process of a complex of programs of socio-economic territory development is revealed.

Authors offer updatings in the field of organizational aspect of increase of a program-target management efficiency of regional development. Allocation of additional working group at a preliminary stage of selection of programs is proved.

N.A. Anisova, A.V. Nesvat

Stimulation aggregate demand as factor sustainable development territories (by example «Yakutsk» city urban district)

Aggregate demand has been analyzed, as economic development of region control mechanism on «Yakutsk» city urban district. Structure and main factors, that influence upon aggregate demand have been examined. As a result of appreciating and predicting on «Yakutsk» city urban district aggregate demand main directions of aggregate demand developing was given.

Karnauhov, M.N.

The technology of management of corporate business portfolio oil and gas structures

An urgency and a choice of methods of the portfolio analysis of branch structures are proved in the work. Preconditions, the basic directions and the mechanism of realization of the analysis of a corporate business portfolio with reference to the oil and gas enterprises are considered.

Protizen, A.N.

Features of Classification of investment projects Risks In Oil Extracting

In article «Features of classification of investment projects' risks in oil extracting» are considered problems of an economic efficiency estimation of investment projects of reservoir engineering taking into account risk factors. The characteristic of indicators of an estimation of risk is given, classification of projects risks is considered.

Rudenok, O.V.

Problems of valuation of the competitive ability of the production of the construction organizations

One of the directions of the solution of the problem of the forming of the market for accessible dwelling in Russia is the realization of priority national project "accessible and comfortable dwelling - to the citizens of Russia", in which are actively begun to operate the organizations of the most varied branches of the economy and, first of all, construction organizations. Effectiveness the realizations of this project in many respects will be determined by the principle of the best relationship of quality, comfort and cost of dwelling, which in turn predetermines the competitive ability of the production of the construction organizations. However, many construction organizations do not adhere to this principle - this is expressed in the absence orientations to the demand and conducts to reduction in the result of their production activity and decrease in competitive ability level of their end product.

Simonova, M.V.

New approach to development: mixed-use format in Russia

In this article the trends and perspectives of project realization in multifunctional complexes construction are considered. Conceptions of terms «development» and «mixed-use property» are exposed in accordance to the Russian business practice. Advantages and risks of constructing the mixed-use objects on the Russian commercial real estate market are analyzed. The conclusions on perspectives of realizing such projects in the regions of Russia are supposed.

Aimautova, N.E.

The Academic and the Applied Sociology: Problems of Interference within the 'sociologist – client' interaction

There is an opinion that requestors of sociological research only deal with applied sociology scholars. In fact, the scheme of interaction is much more complicated and involves academic scholars who suggest models and interpretations for the collected data.

Zheleznyakov, A.S.

Nomad Civilization: blind alley or perspectives of progress?

The author reveals problems of identity among the world civilizations using the Mongolian examples. Belonging to the northern (Tibetan) branch of Buddhism and nomadizm (basic tenor of their agriculture) are the distinguishing features of this civilization.

Kozlova, V.L.

The materials for the synonymic-antonymic dictionary of the Siberian old-resident dialect by V.L. Kozlova

The material of the article contains the sections "Instead of the preface" and "Entries". In the first section there are the basic theoretical theses which characterize the type of the given dictionary and its structure. The second section contains entries representing the synonymic-antonymic paradigms of one of the semantic fields in the system of the Siberian old-resident dialect.

Korotov, B.E.

The Influence of social-demographical factors to the forming of modern preferences in the art

The author considers the development of separate cultural trends in general, and in arts specifically, because it depends from a lot of social factors. There are the results of the author's research of the influence of the social-demographical factors to the preferences in arts.

Koshetarova, L.N.

Meanings of advertising

In the given article the multiplanned phenomenon of advertisement is considered as the phenomenon of culture, which integral indication is its ability to sense appearance. The author pays attention to the signs, symbols and archetypes as the basic ways in realization of the advertising's world-outlooking meanings.

Lazutina, T.V.

Sociology of music: language of music in light social-cultural of the approach

The modern society requires development of musical culture as in an effective way of overcoming of crisis observed in spiritual life. Music represents a specific way of vision of the world, with which help the people realize themselves and environmental world, using the special system of language means. Language of music in given clause is considered as generation society.

The central problem of given clause is the analysis of music as social-cultural of a phenomenon. The questions of national is of language of music are considered, and also his function, among which is allocated general - communicative.

Miheeva, N.N.

Charity in social realization of equity in the region

The author of the article deals with rights basis of russian charity and focuses on the relation of population to charity actions. The subjects of russian society charity are systemized by the author, and in what way the problems of social charity are decided, at the same time she points out the sense of it aimed at realization of this phenomena in Tyumen Region.

Puzanova, Zh. V.

Empirical sociological studies on measurements of loneliness

The article deals with possibilities of study and analysis of loneliness phenomenon in all it's multiformity on various levels of perception and comprehension using the example of retrieval empirical research.

Talanov, S.L.

The influence of the microclimate to the personality of an under age criminal

The author investigates the personality of an under age criminal, analyses main social factors promoting to the origin of a particular cultural groupings. The author also analyses the causes of appearing criminal groupings.

Sharipova, E.M.

Sources of religious fanaticism in the modern Russia

The author considers the religious fanaticism as a social phenomenon and tries to give definition of this phenomenon. The article analyses the reasons of religious fanaticism's origin in the modern Russia.

Sherbakova, E.L.

The formation of will and need motivations sphere in the process of taking decisions

This article is about the formation of will and need - motivation's sphere. They are formed by degrees. They play a great role in decisions - making tools.

Zasepin, V.P.

Power - Science - Education: Cooperation or Resistance?

The article deals with the problem of interaction of three main entities of innovative Khanty-Mansi Autonomous District - Yugra development. The author of the article has formulated several key problems of interaction between power, science and education, elimination of which would overcome the existing gaps in their business relationship.

Kononova, Yu.P.

Education transforms in the information and communication civilization

The educational institution dynamics in different epochs is regarded in the article. Also educational transforms' main traits in the western countries and Russia are presented and today's realities specifics with modern trends processes in this sphere are taken into account.

Sergeeva, N.N., Abesheva, N.Yu.

To the problems of using regional components at the lessons of foreign languages

The article is devoted to the pedagogical technology of modern education. In this article contains a brief characteristics of regional component in different reference books and has influence on maintenance and methods of activities.

Cheremisina, E.V.

Social Interaction of Institutes of Higher Education as a Factor of Improving Quality of Education

The author of the article examines the necessity of broadening social interaction of institutes of higher education with the state bodies and employers in order to improve quality of education.

Shaparov, A.E.

Education and vertical social mobility

Education – appears to be one of the most important institution, influencing social mobility. However, there is considerable evidence that the introduction and expansion of education systems in the modern Russia have not led to increasing levels of relative social mobility. This is due to a range of factors including the ability of Russian families to take advantage of educational opportunities.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Карнаухов Николай Николаевич - ректор Тюменского государственного нефтегазового университета, депутат Тюменской областной думы, д.т.н., профессор (главный редактор);

Хайруллина Нурсафа Гафуровна - проректор по учебной работе и довузовскому образованию Тюменского государственного нефтегазового университета, д.с.н., профессор (зам. гл. редактора);

Барбакова Клара Григорьевна - директор Научно-исследовательского института исследования общества Тюменского государственного нефтегазового университета, д.ф.н., профессор;

Барбаков Олег Михайлович - заведующий кафедрой математики и информатики Тюменского государственного нефтегазового университета, д.с.н., профессор;

Белоножко Марина Львовна - заведующая кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, д.с.н., профессор;

Влад Генин - декан факультета бизнеса, менеджмента и информационных технологий университета Феникс, содиректор международных программ Стэнфордского университета и университета USC Лос-Анджелеса, полномочный представитель Академии высшего образования в ООН, главный специалист фонда Фулбрайт, доктор бизнес администрирования, Ph.D, профессор инжиниринга и международного менеджмента (США);

Голенкова Зинаида Тихоновна - заместитель директора Института социологии РАН, д.ф.н., профессор;

Коноплина Надежда Васильевна - ректор Сургутского государственного педагогического университета, д.педаг.н., профессор;

Левашов Виктор Константинович - руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, д.с.н., профессор;

Нарбут Николай Петрович - заведующий кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов, д.с.н., профессор;

Пленкина Вера Владимировна - директор Института менеджмента и бизнеса, заведующая кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского государственного нефтегазового университета, д.э.н., профессор.

EDITORIAL BOARD

Professor Karnaukhov, Nikolay Nikolayevich - Chief Editor, Doctor of Technical Sciences, Rector, Tyumen State Oil & Gas University, Deputy Chair of Tyumen Regional Duma (Parliament), Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Khayrulina, Nursafa Gafurovna - Deputy Chief Editor, Doctor of Sociological Sciences, Vice Rector, Tyumen State Oil & Gas University, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Barbakova, Klara Grigoryevna - Editorial Board Member, Doctor of Philosophical Sciences, Director, Research Institute of Society, Tyumen State Oil & Gas University, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Barbakov, Oleg Mikhaylovich - Editorial Board Member, Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Mathematics and Informatics, Tyumen State Oil & Gas Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Belonozhko, Marina Lvovna - Editorial Board Member, Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Marketing and Municipal Government, Tyumen State Oil & Gas University, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Genin, Vlad - Editorial Board Member, Doctor of Business Administration, Ph.D, Technical Sciences, Professor of Engineering and International Management Science, Chair of the College of Business, Management, and Information Technologies, University of Phoenix, General Editor and Program Co-Director, Stanford University, UCLA, Plenipotentiary Representative of the Academy of Higher Education in the United Nations, Senior Specialist, Fulbright Foundation, U.S. Department of State

Professor Golenkova, Zinayida Tikhonovna - Editorial Board Member, Doctor of Philosophical Sciences, Deputy Director, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Professor Konoplina, Nadezhda Vasilyevna - Editorial Board Member, Doctor of Education, Rector, Surgut State Pedagogical University

Professor Levashov, Viktor Konstantinovich - Editorial Board Member, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Head of the Laboratory, Research Institute of Society, Tyumen State Oil & Gas University

Professor Narbut, Nikolai Petrovich - Editorial Board Member, Doctor of Sociological Sciences, Chair, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Professor Plyonkina, Vera Vladimirovna - Editorial Board Member, Doctor Of Economical Sciences, Chair, Department of Management, Director, Institute of Management and Business, Tyumen State Oil & Gas University

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Известия высших учебных заведений РФ. Социология. Экономика. Политика» – это академический журнал, акцентирующий внимание на теории и методологии исследований социальных процессов. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Теория и методология исследования социальных процессов
- Управленческие процессы
- Политические и правовые процессы
- Экономические и демографические процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Информационные технологии и виртуальное пространство

Эмпирические исследования, концепции, мета-анализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков – все это может быть объектом исследований.

Журнал выходит ежеквартально в марте, июне, сентябре и декабре.

Каждая статья рецензируется. После того, как рецензент признает ее пригодной для публикации, редакционная коллегия решает, возможна ли публикация статьи, или ее нужно доработать, или отказать в публикации.

Присланная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть послана для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнале, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегией.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

- Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь аннотацию на английском языке, содержащую название рукописи, данные автора обязательно (Ф.И.О.) полностью, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, краткое содержание рукописи объемом до 0,25 страницы машинописного текста.
- Рукопись, представляется в редакцию в виде файла на дискете, набранного с использованием Winword, размер шрифта 11 (Times New Roman), интервал одинарный, абзац 1,25, страницы не нумеруются. Ввод формул производить в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов.
Объем статьи 3-4 страницы.
- **Параметры страницы:**
Поля Верхнее: 2,5 см Нижнее: 2 см
Левое: 2,5 см Правое: 2,5 см
- В заглавии статьи указывается название статьи, инициалы и фамилии авторов. Название статьи должно содержать не больше 7-8 символов.
- Библиографический указатель (список литературы) дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу в тексте заключаются в квадратные скобки. В списке литературы указываются:
а) для журналов и сборников – фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, Стр.;
б) для книг – фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, Стр. (ГОСТ 7.1 -84). В список литературы вносят только те работы, которые опубликованы в печати.
- Список литературы не должен превышать 10 наименований источников.
- **Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.**
- **Диски со статьями не возвращаются.**
- Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
- Корректур статей иногородним авторам предоставляется.
- Плата за публикацию не взимается.

Электронный вариант статьи, аннотация, подписка на журнал высылаются по адресу e-mail: nur@tgngu.ru

Индекс Роспечати 19420. Для жителей Тюмени организована подписка на журнал в редакции.

Пожалуйста, посылайте Ваши статьи:
профессор Нурсафа Хайруллина – зам. главного редактора
Телефон / Факс +7(3452) 20-20-46

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board of the "News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics" Journal welcome papers on original research findings and informed opinion on the theory and methodology of research of social processes and related fields.

Papers submitted for publication must meet three criteria: One, the manuscript must contribute to knowledge, theory, and practice; Two, the manuscript content must be accurate and scholarly; and Three, the manuscript must conform to the editorial guidelines of the Journal presented below:

The paper should be submitted on the disk and via email. The electronic version of it should be sent to: nur@tgngu.tyumen.ru.

The paper should be typewritten in Microsoft Word with font size 11 (Times New Roman).

The body of the manuscript should be single space. Double space before and after first-level and second-level headings. Triple space between the title and before and after the author's name.

All paragraphs should be indented with a tab of five (5) spaces. You must leave a space after each paragraph.

The margins should be as follows:

Left Margin: 1 inch or 2.5 cm Right Margin: 1 inch or 2.5 cm

Top Margin: 1 inch or 2.5 cm Bottom Margin: 1 inch or 2.5 cm

Do not insert page numbers.

References will appear at the end of the paper. Display only those references cited in the text. References should be listed and numbered alphabetically by the last name of the first author at the end of the paper. References cited in the text should appear as the corresponding numbers in square bracket with or without the author's names in front. References should be given in the following form: a) for Journal Articles - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Article Title; Journal Title; Volume Number; Location; Year of Publication; Pages; b) for Books - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Book Title; Publisher Location; Name of Publisher; Year of Publishing; Pages.

The length of the manuscript should not exceed more 4 pages. The title of the manuscript should be in all capital letters, bold-faced, and centered at the top of the first page. The author(s) and affiliation(s) should be centered, bold-faced, and single-spaced beginning on the third line below the title. Do not use titles such as Dr. or Professor, etc. The size of the name(s) should be "LARGE." (12 point). For Example:

John Smith, Tyumen State Oil and Gas University

Mary Jones, University of California, Berkeley

If you have more than one author and all authors have the same affiliation, use the following format:

John Smith

Kathy Matthews

Tyumen State Oil and Gas University

Each manuscript should be accompanied by an abstract of approximately 100-150 words. The word ABSTRACT should be typed in all capital letters, bold-faced, and centered on the third line following the author(s) and affiliation(s). The size of the heading should be "VERY LARGE". The text of the abstract should be in "ITALICS." An abstract should be sent in English language.

A list of keywords describing your manuscript should be provided after the abstract (for indexing and search purposes).

Your manuscript should be accompanied by a cover page, consisting of the paper title, author name(s), affiliation(s) of the author(s), purpose of submission and detailed contact information, including phone number(s) and email address(es).

All formulas and/or equations (if any) should be done by using Microsoft Equation 2.0. and be placed on separate lines and numbered consecutively, with the equation/formula numbers placed in parentheses and aligned against the left margin.

Tables, figures, and graphs should be typed as close as possible to the location where they are cited. No abbreviations (all words appearing in tables should be fully spelled out). Headings should be centered, bold-faced, and in all capital letters above the table or figure. All tables must be in boxes. The size of the heading for each table or graph should be "LARGE."

Appendices should immediately follow the body of the paper and precede the references. The term, APPENDIX, should be centered in all capitals above the appended material. The size of the term, APPENDIX, should be "VERY LARGE." If there is more than one appendix, they should be numbered consecutively.

All spelling, grammar, and punctuation are the responsibility of the author(s). No corrections will be made by the Journal Editors. Therefore, all articles must be edited prior to submission.

Note that the computer disk will not be returned. It is essential that you comply with these instructions because we print from disk. Rejected manuscripts will not be returned to the author(s).

Manuscripts which fail to meet the specifications will be returned to the author and risk not being published or at the very least, delaying the publication schedule.

A manuscript submitted for publication in the Journal should not have appeared or be under consideration for publication in other journals. Citation of the original work must be included.

After acceptance by the Journal, a paper or any portion of a paper may not be published elsewhere without prior written approval from the Editors. A manuscript published in the Journal becomes the property of the Journal, with the Journal possessing exclusive right to publication. All copyrights will belong to the Journal.

The Journal reserves the right to edit manuscripts for brevity, clarity, and consideration of style.

“News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics”

CALL FOR PAPERS

The “News From Higher Education Institutions: Sociology, Economics, Politics” is an academic Journal focusing on the theory and methodology of research of social processes. It highlights cutting edge research, new concepts and theories, and fresh practical ideas and initiatives.

The editors of the Journal welcome contributions from throughout the world in the following research areas:

- Management processes
- Political and legal processes
- Economic and demographic processes
- Cultural traditions and innovations
- Development of science and education: challenges and future outlook
- Information technologies and online world

Empirical studies, conceptual papers, meta-analyses, literature reviews, case studies, quantitative and qualitative studies, pedagogical innovations, practitioner perspectives, and book reviews are all welcome.

Papers can adopt a historical perspective, a current perspective or a future perspective. Contributions from practitioners along with academics in the field, reporting on the latest strategies, new thinking and initiatives being applied are published as well.

The Journal is published quarterly in March, June, September and December.

Each paper is reviewed by the Editors, and, if judged suitable for this publication, is then sent to our referees for double blind peer review. The Editors then decide whether the paper should be accepted as it is, revised or rejected.

Submission of a paper implies that it has not been published previously, that it is not under consideration for publication elsewhere, and that if accepted it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, without the written consent of the publisher.

Please send submissions to:

Prof. Vlad Gennin
Telephone/Fax:
E-mail:

Deputy Editor-in-Chief
+1 (925) 937-92-88
vgenin@yahoo.com

Подписано к печати 20.06.09 г. Бумага мелованая. Печать офсетная. Формат 70х108 1/16.

Уч. изд. л. 16,1. Усл. печ. л. 13,75. Тираж 1000. Заказ № 11.

Издательство «Нефтегазовый университет»

Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования

«Тюменский государственный нефтегазовый университет»

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38

E-mail: nur @tgngu. tyumen. ru